

ЯПОНСКАЯ

ПУТЬ КИСТИ И МЕЧА

ЯПОНСКИЕ КОРОВЫ

ЯПОНИЯ XVI ВЕКА И
ХРИСТИАНСКАЯ ЕВРОПА
ИСТОРИЯ ОДНОЙ НАХОДКИ

НАГОТА В ЯПОНСКОЙ ЖИЗНИ И
ИСКУССТВЕ

ФУТБОЛ 2000-ГО ГОДА

ОРИЕНТАЦИОННАЯ СИСТЕМА В
ЯПОНИИ VII - X ВВ.

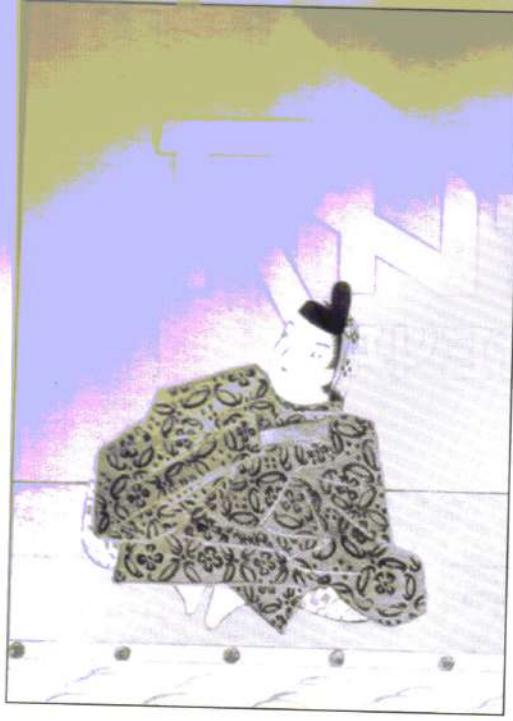
НЕВИДИМЫЙ НА СВЕТУ

«ОГНЕННЫЕ КОЛЬЯ»

СУКИЯКИ

ЯПОНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Знаменитый государственный деятель и литератор Сугавара Митидзанэ (845-903) считается покровителем наук и учения, а потому школьники и студенты, их родители непременно отправляются в святилище Митидзанэ накануне экзаменов - вступительных, выпускных, промежуточных. Это и понятно - ведь Митидзанэ принимал участие во всех крупнейших литературных проектах эпохи (составлении исторических хроник и поэтических антологий). Его собственное творческое наследие также впечатляет. Достаточно сказать, что до нас дошло около 600 его стихотворений (как китайских, так и японских).

Чиновничья карьера Митидзанэ была чрезвычайно успешной - в 899г. он занял должность Правого министра. Однако его противостояние с могущественным родом Фудзиварап окончилось поражением: его обвинили в заговоре и отправили в «почетную ссылку» на остров Кюсю, где он и умер. Легенда передает, что волы, тащившие повозку с телом Митидзанэ к месту захоронения, вдруг встали как вкопанные и никакими силами их было невозможно убедить сдвинуться с места. Это сочили за божественное указание, и тело Митидзанэ погребли там, где остановились волы. Поэтому в святилищах, посвященных Митидзанэ, всегда помещается скульптурное (или живописное) изображение коленопреклоненного вола.

После смерти Митидзанэ на Фудзивара обрушились несчастья: один за другим умирали виднейшие представители этого рода. Серия землетрясений также убеждала современников, что все эти несчастья вызваны местью разгневанного духа Митидзанэ. Чтобы задобрить его, Митидзанэ был посмертно пожалован первый ранг и должность Главного министра. Мало того - в 947 г. в Китано построили святилище, в которое поместили труды Митидзанэ. А еще через сорок лет его возвели в ранг божества - покровителя наук и каллиграфии.

День поминовения Митидзанэ отмечается 25 февраля. Для японцев это нечто вроде нашего Татьяниного дня. Как раз в это время заканчивается учебный год. Приближаются экзамены, и толпы людей спешат в святилища Сугавара Митидзанэ. Помимо вознесения молитв об успехах в учении, многие люди хотят полюбоваться находящейся в это время в полном цвету сливой. Во всех святилищах Митидзанэ обязательно имеются ее посадки, ибо именно слива была любимым деревом Митидзанэ. Когда Митидзанэ было всего одиннадцать лет, он уже сочинил по-китайски свое первое стихотворение, воспевающее цветение сливы - вестника наступающей весны.

Блеск снега,
Чистота луны,
Сиянье звезд
Слились в цветущей сливе.
О золото
Чудесной ночи
И аромат цветов,
Устилающих сад.

Инаэ Масатада, вассал князя Уэсуги Кэнсин, ведет огонь из кранокалиберного мушкета (с гравюры Куниёси)

В 25-й день 8-й луны 12-го года Тэмбун (1543) в залив Ниси на южной оконечности острова Танэгасима, расположенного к югу от Кюсю, вошла сильно потрепанная штормом китайская торговая джонка. В самом прибытии купеческого корабля из Китая не было ничего необычного: несмотря на все запреты и сложности на дипломатическом уровне, контрабандная торговля между Средним Царством и Страной Восходящего Солнца в то время процветала. Однако в числе пассажиров джонки двое совсем не походили на западных соседей японцев - лицом, ни одеждой. Это были португальцы - первые европейцы, попавшие в Японию.

О последствиях этого первого контакта двух цивилизаций написано немало, и повторяться не имеет смысла. Хочется напомнить лишь о военно-техническом аспекте этой знаменательной встречи.

Помимо многоного прочего, португальцы привезли с собой аркебузы - первые образцы европейского ручного огнестрельного оружия, с которыми довелось познакомиться японцам. И когда один из них подставил из своего ружья птицу, судьба заграничной диковины в Стране ходящего Солнца оказалась предрешена. Восхищенный правитель Танэгасима Токитака немедля развернул производство аркебуз на своем островке, а уже через несколько лет, откликнувшись на запросы многочисленных враждующих феодалов, мастерские по производству огнестрельного оружия появились и в других районах страны. Но до триумфа ружей было еще далеко...

Потребовалось целых тридцать лет, чтобы воинственные самураи смогли «раскусить» секрет аркебуз, понять, как ими нужно пользоваться, накопить достаточные для этого запасы стволов, пуль и пороха. И, наконец, в 1575 г. громогласные залпы аркебузиров Ода Нобунага в битве при Нагасино возвестили Японии о начале новой эпохи - эпохи господства ружей.

Распространение огнестрельного оружия и превращение его в самый могущественный и важный вид вооружения повлекли за собой настоящую революцию в военной организации, тактике наступательного и оборонительного боя. И одними изменениями в военном искусстве дело не ограничилось. Как полагают историки, аркебузы сыграли важную роль в ускорении процесса объединения страны под властью военных аристократов.

Последний из них, основатель третьего и последнего сёгуната бравый полководец Токугава Иэясу, прекрасно сознавал всю мощь огнестрельного оружия и... сделал все возможное, чтобы уже никто и никогда не смог воспользоваться им для ниспровержения господства его потомков. Благодarya этому, развитие стрелкового дела в Японии пошло своим путем, нежели в тогдашней Европе: превратив его в особое военное искусство, самураи одновременно... забыли, как нужно пользоваться аркебузами на войне, и оказались почти беззащитными перед наступающей в XIX веке угрозой европейско-американского вторжения.

Обо всем этом читатель прочтет в этом номере в очерке «Огнекопья».

ЯПОНИЯ

путь кисти и мечи

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНЯЛ

Подписной индекс - 81641

№ 4 / 2002

Учредители - ООО "Будо-спорт"

и А. М. Горбылёв

(Лицензия ИД № 04346)

Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41

Тел./факс: (095) 917-82-06, 917-95-24

E-mail: boss@budogroup.ru, sale@budogroup.ru;

http://www.budogroup.ru

Главный редактор - А.Н. Мещеряков

Заместитель редактора - А.М. Горбылёв

Коммерческий директор - С.А. Косоротов

Компьютерная верстка - А.Л. Иванов, А.В. Смирнов

Адрес редакции:

Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41

Тел./факс: (095) 917-82-06

E-mail: shigetsu@rol.ru (заместитель редактора)

boss@budogroup.ru

sale@budogroup.ru

Перепечатка материалов производится исключительно с согласия редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность информации публикаций, точность цифр и цитат, за содержание рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели. Публикуя материалы, редакция не всегда разделяет точку зрения их авторов. В переписку редакция вступает по своему усмотрению.

Отпечатано в типографии ОАО "Типография № 9",
г. Москва

© ООО "Будо-спорт", 2002 г.

Редакция приглашает к сотрудничеству в подготовке материалов и распространении сборника заинтересованные организации и частных лиц.

Подписано в печать 29.01.03

Тираж 3000 экз.

Цена свободная

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОГРАФИЯ

А.Н. Мещеряков
Японские коровы 3

ЛЕТОПИСЬ

А.М. Ермакова
**Япония XVI века и христианская Европа.
История одной находки** 5

ЦВЕТ

А.М. Кабанов
Нагота в японской жизни и искусстве 13
А.Н. Мещеряков
Футбол 2000-го года 19

НАУКА

Е.К. Симонова-Гудзенко
**Ориентационная система в Японии VII - X
вв. на примере первого территориально-ад-
министративного деления** 20

ЕДА

Е.К. Симонова-Гудзенко
Сукияки 26

СИЛА

А.М. Горбылёв
Невидимый на свету 28
А.М. Горбылёв
**«Огненные копья», или аркебузы в Стране
Восходящего Солнца** 33

СЛОВО

Путаница. Перевод М.В. Торопыгиной 41
Краткая история воинских искусств в
Японии. Перевод А.М. Горбылева 58

ФОНАРЬ

Е.Б. Сахарова
**При свете светлячков и снега. Японская
библиотека** 62

Формат 60 x 90 / 8

Печать офсетная

Заказ №1481

Настала зима, крестьянские заботы дачников канули в Лето и Осень. Пришло время для неспешного чтения. Именно таков наш журнал - он не предназначен для перелистывания под щелчки переключаемых телевизионных программ.

В этом номере много материалов, на рукописи которых моёю рукой был поставлен восклицательный знак. Что означает: «Срочно в номер!» Вот, например, статья А.М. Ермаковой, которая повествует о почти что детективной истории находки никому доселе не известного текста, который имеет отношение к состоявшейся в конце XVI века поездке в Европу четырех японских юношей. А.М. Кабанов блестяще и увлекательно анализирует особенности восприятия японцами нагого тела. Оказывается, что нынешняя японская эротика имеет сильно выраженный национальный привкус, который

сформировался давным-давно. Я же дополняю анализ автора бытовым рассказом о том, как я играл в Японии в футбол и что из этого вышло. Е.К. Симонова-Гудзенко учит нас не только тому, что Восток - дело тонкое, но и тому, что это самое восточное направление имело в картине мира древних японцев совершенно особое значение. Для тех, кто желает сориентироваться в Японии и не запутаться в дебрях ее культуры (см., например, роман «Путаница»), эта статья - вроде компаса. Публикация о сукияки ублажит любого гурмана. Сознание того, что это мясное блюдо нравилось самому Константину Симонову, придает акту вульгарного наполнения желудка художественную глубину. Я же в рубрике «Этнография» рассказываю про сырье для сукияки, т.е. про японских коров. А.М. Горбылев, как всегда, рассказывает о коварных японских ниндзя и про то, как самураи стреляли из аркебуз и дострелялись до того, что стали изо всех сил ограничивать их количество в стране, а потом и вовсе разучились воевать с их помощью.

После сдачи очередного номера мне каждый раз кажется, что вот этот - самый-самый, лучше уже не будет. Пока что, к счастью, я каждый раз ошибался. Надеюсь, что и в следующем году, я ошибусь еще четыре раза - по числу номеров «Японии».

Авторы «Японии»

Горбылев А.М. Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, главный редактор журнала «Додзё. Боевые искусства Японии». Автор ряда работ по истории японских боевых искусств.

Ермакова А.М. - доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков (г.Кобэ). Автор: «Речи богов и песни людей». Переводчик: «Ямато-моногатари», «Норито. Сэммё», «Житие Ямато-химэ-но Микото».

Кабанов А.М. - кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН (Санкт-Петербург). Переводчик: «Годзан бунгаку. Поэзия дзэнских монастырей», «Похождения весельчака Сидокэна», «Мать Момотаро».

Мещеряков А.Н. - Доктор исторических наук, научный сотрудник Института восточных культур РГГУ. Автор книг: «Древняя Япония: буддизм и синтоизм», «Древняя Япония: культура и текст», «История древней Японии», «Герои, творцы и хранители японской

старины», «Книга японских обыкновений», «Книга японских символов и обыкновений», «Линия жизни», «За нами - только мы», «Мещеряков@япония.ru». Переводчик: «Японские легенды о чудесах», «Нихон рёики», «Кодзики», «Нихон сёки», «Диалоги японских поэтов о временах года и любви», «Рассказы на ладони» Кавабата Ясунари.

Сахарова Е.Б. - Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, автор ряда работ по истории древней Японии.

Симонова-Гудзенко Е.К. - кандидат исторических наук, профессор ИСАА при МГУ. Переводчик: «Когосю», «Сэндай кудзи хонги».

Торопыгина М.В. - кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор книг: «Каталог японских книг Санкт-Петербургского университета (фонд Арисугава)», «Хрестоматия по истории японской литературы». Переводчик: «Гэндзи-обезьяна».

Александр Мещеряков

Японские коровы

У «нормального» японского крестьянина никогда не было в хозяйстве коровы, и потому, естественно, он не считал ее своей кормилицей-поилицей и не испытывал по отношению к ней никаких особенно теплых чувств. Отсутствие привычки к скоту настолько вошло в японскую кровь и плоть, что японцам казалось, что от коров и их мяса с молоком «воняет» (это они говорили европейцам, прибывшим в страну в XVI в.).

Однако в древности дело обстояло несколько иначе. В отличие от последующих эпох в начале периода Нара скотоводство, все-таки, получило некоторое развитие, поскольку государство предпринимало определенные усилия для поощрения разведения коров.

Некоторое распространение разведения коров в эпоху Нара было связано с волной переселенцев с Корейского полуострова в VII-VIII вв. Они обеспечили страну не только квалифицированными кадрами для разведения коров, но и для производства молочных продуктов (коров разводили не столько «на мясо», сколько «на молоко»). Изданый в правление Момму (696-707) в 700 г. указ о производстве сыра был адресован, прежде всего, этим переселенцам. Поскольку молочные продукты входили в диету буддийских монахов, некоторые монастыри также держали коров.

Однако следует иметь в виду, что потребление молока и молочных продуктов (сыр и кефир) было в период Нара привилегией весьма ограничен-

Этнография

ного круга лиц - прежде всего, придворных и монахов. Таким образом, молокопродукты были товаром «престижной экономики». В значительной своей части они использовались в качестве лекарства или же «пищевой добавки». Доставка молока непосредственно к государеву столу находилась под контролем Аптечного ведомства. Ежедневно к государеву столу доставляли 2 литра 300 граммов молока, которое, как было сказано в инструкции, следовало кипятить и подавать охлажденным.

Производство молочных продуктов осуществлялось главным образом благодаря наличию специальных государственных пастбищ, расположенных во многих провинциях. Крестьянам, занимавшимся там скотоводством, вменялось в обязанность доставлять ко двору сыр. Эта практика продолжалась по крайней мере в течение двух столетий, однако официальные документы свидетельствуют о том, что сыр доставляли нерегулярно, а его качество зачастую оставляло желать лучшего - властям приходилось наказывать провинившихся. При этом продажа коров в частные руки была ограничена - ввиду того, что это нанесло бы ущерб основному виду сельскохозяйственного производства - выращиванию риса. Кроме того, сами крестьяне не были особенно заинтересованы в разведении скота ввиду крайне ограниченных наделов, которыми они обладали. Эта незаинтересованность хорошо видна на данных более позднего времени: когда с развитием частного землевладения часть государственных пастбищ переходит в частную собственность, эти территории превращаются в возделываемые поля, а выпас коров там прекращается. Уже в период Нара зафиксированы случаи, когда по требованию крестьян государственные пастбища переводятся в категорию обрабатываемой земли. Так, согласно сообщению за 716 год, два пастбища в провинции Сэццу были отданы местным крестьянам «для прокорма» - по сравнению с мясом и молоком с единицы площади можно получить намного больше «рисовых» калорий.

Так что разведение коров имеет историческую тенденцию к сокращению - при постоянно растущей на рисо-рыбном рационе численности населения оно себя не оправдывало. Разведение коров в качестве мясо-молочной продукции практически прекращается в конце периода Камакура.

В то же самое время некоторое распространение в Японии получили волы. Их использовали для па-

хоты и в качестве тягловой силы. Если аристократов не несли в паланкине, они, бывало, передвигались в повозках, запряженных волами. Нечего и говорить, что эти путешествия совершались весьма медленно, а их маршрут не выходил, как правило, за пределы столицы.

Кроме того, использовались волы и в качестве вьючных животных.

Известен также пример использования быков в сражении, когда 500 голов крупного рогатого скота атаковали лагерь противника. Однако такую тактику следует считать все-таки экзотикой, а не повседневными военными буднями.

Как это ни странно, но почти полное отсутствие скота в стране сыграло большую роль в оборонных делах. Дело в том, что когда в 1274 и 1281 гг. в Японию вторглись монголы, перед ними возникла серьезнейшая проблема прокорма: в стране не было мяса, а рыбу они считали существом «нечистым». Эта «диетическая катастрофа» послужила одной из причин, почему монголы оба раза свертивали свои боевые порядки очень быстро.

Разведение коров и употребление в пищу молока и мяса получило некоторое распространение только после «обновления Мэйдзи». Те немногие люди, которые молоком не брезговали, считали себя приобщившимися к цивилизации, остальные (и их было большинство) находили молоко откровенно «вонючим».

Хотя практическое значение крупного рогатого скота в хозяйственной жизни Японии было невелико, «коровья» символика все-таки получила некоторое распространение. Каждому японцу корова известна по году быка. Каждый японец прекрасно знает предание о смерти знаменитого государственного деятеля и литератора Сугавара Митидзанэ (845-903, считается ныне покровителем школьников, студентов и ученых). В древних и средневековых буддийских произведениях довольно часто рассказывается невеселая история о человеке, который за свои прегрешения переродился в волов.

Японцы стали широко употреблять в пищу говядину, молоко и животное масло только в последние десятилетия. Благодаря этому они стали выше ростом и шире в плечах. Однако если до этого сердечно-сосудистые заболевания в этой стране распространены не были, то теперь их количество стремительно растет. Вместе с кальцием, на рекламу которого налегают производители, в японские организмы поступает и холестерин.

Людмила Ермакова

Япония XVI века и христианская Европа История одной находки

Я хочу рассказать об одной своей случайной находке, благодаря которой выяснились некоторые любопытные обстоятельства японской истории, а также обнаружилась одна антикварная вещица, имеющая отношение одновременно к Японии, к Ватикану и к Польше. Для русского читателя, быть может, будет интересно и то обстоятельство, что люди, которым эта вещица обязана своим существованием, во всяком случае, некоторые из них, оказались навсегда вписаны и в историю России, хотя на российской земле имена их утратили ореол своей славы.

Сразу скажу, что это за вещица - речь идет об образце средневековой латинской и японской каллиграфии,

выполненной в Риме собственноручно японским посланцем, прибывшим в далеком 1585 г. с японского острова Кюсю к Папскому престолу, - одним из участников так называемого «посольства юношей эры Тэнсё» (Тэнсё кэнъю сисэцу), первого посольства из Японии в Европу.¹

Это лист красной бумаги, на котором написаны начальные стихи двух Ветхозаветных псалмов Давида на двух языках - на латыни, а также в переводе на японский. Перевод этот, как удалось потом установить, был сделан в 1585 г. по просьбе польского епископа Бернарда Матеёвского, находившегося в то время в Ватикане. Возвращаясь в Польшу в 1586 г.,

¹ Относительно этой первой японской миссии в Европу существует подробная научная литература и в Японии, и на Западе, исчисляемая сотнями названий. История этой миссии изобилует интереснейшими событиями и эпизодами. Однако поскольку данная статья имеет определенную и гораздо более узкую задачу, нас по преимуществу будут интересовать лишь самые основные и любопытные факты, а также, разумеется, те, которые могут быть связаны с упомянутой находкой.

Летопись

Матеёвский взял японский автограф с собой, а в 1599 г. в Krakове этот исторический документ был по его распоряжению положен под стекло, оправлен в серебряную рамку с его вензелем и гербом и передан в дар Krakовской Академии. На обороте рамки тогда же была выгравирована история документа, но о его существовании было на несколько веков забыто. И, может быть, он еще долго оставался бы в забвении, если бы не обрывок записи от руки на польском языке, который случайно попался мне на глаза на островах Амакуса близ Кюсю, за тысячи километров от места хранения документа.

Надо сказать, что этот лист красной бумаги с каллиграфией под стеклом в витой серебряной оправе, украшенной монограммой и гербом Матеёвского, мне удалось отыскать способом чисто современным - то есть виртуальным, и, тем не менее, история его «поисков и находок» носила вполне детективный характер.

Но о том, как это было, я скажу позже, сейчас же, прежде всего, хочу обратиться к историческим обстоятельствам и персонажам, причастным к созданию документа и представляющим три разных культурных зоны, то есть Японию, Ватикан и Речь Посполитую.

Япония, Кюсю

В 1549 г., как гласит история, в Японию прибыл первый миссионер - иезуит Франциск Ксавериус (Ксавье, Ксавье), и развернутая им деятельность довольно быстро увенчалась значительными успехами. Успехи эти можно объяснить разными факторами - и религиозного, и политического, и экономического характера. Немалую роль сыграла и сама личность Ксавье и ревностное служение его спутников. Миссионеры освоили японский язык, организовывали учебные заведения и печатни, внесли в японскую культуру множество новаций и вне религиозной сферы.

Слухи об успехе их деятельности в Японии быстро распространились по всей Европе, а вследствии через западные источники дошли и до России: так в «Космографиях» XVII века писали: «А есть у них (у японцев - Л.Е.) многие такие места, как у нас академии, то есть книжные училища. В городе Баном есть училище, в том училище разные учения, среди иных учений есть по их языку семинариум езуитское, Бунгинское, там японцы учатся португальскому языку, а португальцы японскому языку; а также латинскому языку, так и португальскому - великие труды и тщание»².

² Космография, сиречь описание сего света земель и государств великих. Написана бывш сия книга, малолемая география, сиречь земли описание в 7178 лето в 4 дне ильиаурия месяца, в Холмогорах. // Временик Общества любителей древностей, Спб., 1878-1881, XXI-LVII-LXVIII.

³ Ода Нобунага (1534-1582) - полководец, принадлежавший к аристократическому роду Фудзивара. Ему удалось свергнуть сёгунат Асикага и начать объединение страны под своим правлением. Нобунага покровительствовал христианским миссиям, быстро принимал и внедрял разные европейские новшества. В конце концов он был предан собственным военачальником, который со своими воинами окружил монастыре Хонно-дзи, где находился Нобунага и поджег его. Нобунага был вынужден сделать харакири.

⁴ Енё Герий. История папства. Пер. с венг. О.В. Громова. Москва, Республика, 1996, с. 221.

Известно, что тогдашний реальный правитель Японии Ода Нобунага³ был горячим покровителем миссионеров-христиан и даже устраивал в Киото нечто вроде богословских диспутов, привлекая к ним миссионеров и буддийских священнослужителей. (Есть даже не вполне достоверные сведения, что и сам он принял крещение и был наречен Эммануилом). Считается, что к 1580 г. в стране насчитывались две сотни католических церквей и сотни тысяч японцев, крещенных в католичество.

Япония таким образом оказалась тогда в русле основных тенденций мировой культуры и политики, поскольку в XVI веке и страны Европы, и многие страны Востока стали, можно сказать, частью глобального проекта иезуитов по распространению христианства в его католическом изводе.

Орден иезуитов, основанный в XVI в. незадолго до описываемых событий, очень скоро приобрел большое влияние в Европе и стал опорой движения Контрреформации. Его деятели стремились участвовать в разных сферах светской жизни, в том числе, в большой мере, в управлении государством; при этом одним из главных направлений их трудов стали прозелитизм, воспитание и образование молодежи, тесно связанные с проповедью и исповедью на языке народа.

Орден быстро превратился в большую обучающую организацию. В сущности, именно иезуитам мы обязаны многими чертами господствующей ныне методики образования в широком смысле слова: это они ввели использование педагогических принципов, которые применяются и поныне (например, проставление оценок); они внедрили обучение на национальных языках, чем обогащали лексику и понятийный аппарат местных языков, они вводили бесплатное народное образование.

Другим направлением их педагогической деятельности было воспитание детей господствующего класса - осуществлялось своего рода выращивание элиты⁴. Все эти принципы воплощались в жизнь одновременно и повсеместно, где разворачивалась деятельность иезуитов. В том же XVI в., когда одна иезуитская миссия устраивала семинарии и коллегии на Кюсю и западе Хонсю, другая, параллельно с первой, распространяла свое влияние в немецких и польско-литовских землях.

В Японии, как известно, иезуитами было организовано несколько коллегий. Примерно то же самое происходило и в других странах, и не только на Востоке. Например, в Западной России, по распоряжению Ватикана, для обучения в учрежденной в 1577 г.

в Греции Афанасьевской коллегии были отобраны несколько мальчиков, «рожденных в законном браке, воспитанных в греческом [православном] обряде, в возрасте от 12 до 18 лет, хороших наклонностей, понятливых и способных к изучению наук и усвоению знаний, при этом таких, у которых были родные, вследствие чего они охотно бы возвратились в родные места»⁵.

В странах Европы иезуитам надо было преодолеть влияние Реформации или православия. Точно так же и в Японии они стремились вытеснить прочие религиозные объединения, монополизировав христианское образование населения и вообще всю сферу миссионерской деятельности. История деятельности иезуитских миссий в Японии чрезвычайно интересна, и влияние событий тех десятилетий до сих пор явственно видно в языке, реалиях, обычаях - то есть на самых разных уровнях японской культуры. В отечественном японоведении этот период не становился объектом специального внимания и отражен очень приблизительно, однако, к сожалению, и здесь нет возможности говорить о нем подробно. Вернемся к тем фактам, которые имеют непосредственное отношение к находке.

Итак, японское посольство годов Тэнсё в Ватикан стало одним из ярких свидетельств торжества деятельности христианских миссионеров на японской земле. Посольство было призвано продемонстрировать японцам величие и мощь христианства в Европе, а также засвидетельствовать Папе успехи посланной им миссии. Разумеется, с обеих сторон в расчет входили и политические, и экономические соображения.

Организовал это путешествие священник-иезуит Александро Валиньяно при содействии троих обращенных в христианство владетелей на Кюсю, где влияние иезуитов было особенно сильным. Эти трое были Оотомо Сорин (в крещении Франциско), Арима Харунобу (Протазио) и Оомура Сумитада (Бартоломео). Было отобрано четверо хорошо подготовленных подростков в возрасте 12-13 лет из числа учеников семинарии в Арима, которых звали Ито Манцио, Тидзива Мигель, Накаура Джулиан и Хара Мартиньо. Одного из них ни за что не хотела отпускать мать - одинокая вдова, у которой он к тому же был единственным сыном, однако Валиньяно уверил ее, что задуманная экспедиция будет находиться под божественным покровительством и защитой, поэтому с посланцами ничего дурного случиться не может, - и оказался прав.

Четверо юных японских послов добирались до Италии три года. Выйдя из Нагасаки 20 февраля 1582 г., они побывали в Тихом, Индийском и Атлантическом океанах (Суэцкого канала, разумеется, еще не

существовало), заходили по пути в Макао, Гоа, Мозамбик, обогнули всю Африку, миновав Мыс Доброй Надежды, побывали на острове Св. Елены, в Гаваделупе, в Мадриде, пересекли по суше Португалию и Испанию. Отплыв затем от Аликанте, 1 марта 1585 г. (по новому, гregorianскому календарю) они прибыли в итальянский порт Ливорно, после чего, проплыв через Мальорку, Ливорно, Пизу, Тоскану, Флоренцию и Сиену⁶, прибыли в Рим с пышностью и торжественностью.

Рим, Ватикан

Японские посланцы прибыли в Рим 22 марта 1585 г. и остановились в одном из помещений, принадлежащих Ордену иезуитов. На следующий же день они были приняты Григорием XIII. 3-го апреля они еще раз нанесли визит Папе и поднесли ему расписную ширму - подарок от самого Ода Нобунага.

А буквально через неделю - 10 апреля - Григорий XIII скончался. 25 апреля его преемником избирается Папа Сикст V, который на следующий же день, 26 апреля, дает аудиенцию японцам, что также свидетельствует об огромном значении, которое придавалось японским посланцам в глазах Ватикана - центра католической Европы. 5 мая они присутствовали на торжественной церемонии восхождения нового Папы на Апостольский Трон. 11 мая на Римском форуме японцы получили право называться гражданами Рима, то есть были признаны патрициями, и 29 мая были приглашены принять участие в очередном гражданском Форуме. В сущности, этим и кончается их недолгое пребывание в Риме. 26 мая Сикст V написал и вручил послам ответные письма к владельцам Оотомо, Арима и Оомура, 2 июня они нанесли Папе прощальный визит и 3 июня 1585 г. уже покинули Рим⁷. Перед отплытием на родину из Лиссабона они также побывали во многих городах Италии и Испании, среди которых назовем Перуджию, Лорето, Венецию, Милан, Геную, Барселону.

Известно, что прибытие японских послов стало настоящей сенсацией не только в Ватикане и Риме. Венецианский дож при их прибытии в город даже запретил их портреты самому Тинторетто (к сожалению, обнаружить их пока не удалось)⁸. По всей Европе разошлась весть об этой миссии, немедленно начали издаваться книги о пребывании японцев в Ватикане, гравироваться их портреты. Историю их визита включали впоследствии во многие европейские описания Японии, вышедшие в XVI-XVIII вв.

В самой Италии вести о прибытии японских послов сначала распространялись в так называемых «cinquecentine», кратких брошюрах-выпусках, украшенных соответствующими гравюрами. Такие бро-

⁵ Мараш Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569-1795). Минск, Вышэйшая школа, 1971. с. 57. Описания их подготовки и самого путешествия представлены во множестве исследований. См., например, работу одного из наиболее авторитетных специалистов: Мацууда Китти. Ситан Тэнсё: кэнъю: сисэцу. (Историческая сага. Миссия в Европу эры Тэнсё). Токио, «Коданся», 1977. ⁷ Даты даны по последнему изданию монографии Мацууда Китти: Тэнсё: кэнъю: сисэцу. (Миссия в Европу эры Тэнсё). «Коданся», Токио, 1999, с. 411-417.

⁸ Мацууда Китти. Op. cit., p. 266-267.

Летопись

шюры были характерны для XVI в. (Cinquecento), по своей оперативности они напоминали нынешние газеты.

Итальянская исследовательница А. Боскаро, специально занимавшаяся изучением источников XVI в. о первых японских посланцах, пишет о 78 таких выпусках, выходивших чуть ли не во всех странах Европы, причем, как она указывает, 49 из них вышли в свет в том же самом, 1585 г.

Эта сверхактивная деятельность по изданию оперативных информационных выпусков, украшенных гравюрами и имевших широкое хождение по всей Европе, прекратилась с выходом в 1586 г. книги Гвидо Гвалтьери «Реляции о прибытии японских послов в Рим вплоть до их отплытия из Лиссабона»⁹. Прекратилась потому, что эта книга вобрала в себя основную массу сведений и подробностей путешествия и пребывания японцев в Европе - вплоть до их отплытия назад через Лиссабон в апреле 1586 г. Последующие европейские издания на эту тему уже в большинстве своем или представляли собой переводы этой книги, или как-то соотносились с ней.

Книга Гвидо Гвалтьери сыграла особую роль в обнаружении автографа XVI в., поэтому к ней мы еще вернемся.

Российские читатели узнали о японском посольстве в Рим в XVIII в. также через переводы. Вот, например, фрагмент одного из них, рассказывающий об отношении Папы к явившимся посланцам: «Сей двор употребил все свое великолепие для приятия их. Никогда входящий торжественник в Капитолию не являлся с толиким великолепием, с каковым явились Японские послы. Папа, обнимая их, плакал от нежности сердца»¹⁰.

Григорий XIII, надо думать, и в самом деле чувствовал себя вознагражденным за многолетние усилия. Период его пребывания на Святом Престоле последовал вскоре после Тридентского собора (1545-1563), на котором католические догмы получили свое нынешнее выражение и были окончательно отъединены от протестантских.

Взойдя на Папский престол в 1572 г., одной из главных своих задач Григорий XIII считал прозелизм и строительство иезуитских коллегий и семинарий. Помимо самого Рима, благодаря ему были основаны или же продолжали функционировать при его поддержке следующие иезуитские учебные заведения: Английская коллегия в Донаи, Шотландская в Пон-а-Муссон, семинарии в Граце, Вене, Ольмюнцене,

Праге, Колошваре, Аугсбурге, Милане и еще в 5 городах Европы, а также 3 иезуитские школы в Японии. Всего Григорий XIII за период своего пребывания на Папском престоле в 1572-1585 гг., учредил в Европе 23 Греко-католические семинарии, прикрепленные к Коллегиям; последние же, в свою очередь, содержались на средства Папы. Миссионерство и прозелизм при Григории XIII достигли более чем значительного размаха: он, в частности, пытался склонить к католицизму и русского царя Ивана IV Грозного¹¹.

Японские посланцы прибыли ко двору этого Папы в последний год и даже в последний месяц его жизни. Их приезд стал важной вехой, можно сказать, венцом его деятельности - недаром даже суперсовременная «The Catholic Encyclopedia» утверждает, что «самым счастливым событием за время пребывания Папы Григория на священном престоле был приезд четырех японских послов, приехавших в Рим 22 марта 1585 г., которые <...> прибыли, чтобы выразить благодарность Папе за отеческую заботу, поскольку это он направил в Японию миссионеров-иезуитов, открывших японцам учение Христа».

Все путешествие заняло у японских посланцев восемь с половиной лет. Тем временем преемник Григория XIII Папа Сикст V в Риме стал проводить решительные реформы, Рим украсился новой архитектурой, становясь все более барочной столицей, а сила и авторитет Папства росли с каждым днем. В Японии же происходили перемены в противоположном направлении - покровительствовавший миссионерам Ода Нобунага был убит всего через четыре месяца после отплытия японцев из Нагасаки, а ставший во главе Японии Тоётоми Хидэёси, напротив, открыл эру гонения на христиан. Неясна судьба благополучно добравшихся домой молодых японских посланцев. Известно лишь, что все они, так или иначе, умерли довольно рано, а один из них был подвергнут мучительной казни за приверженность христианской вере - это был как раз тот из них, кто по дороге в Рим заболел, и когда, наконец, мучимый лихорадкой и жаром, предстал перед Папой Григорием XIII, Папа потряс юношу до слез своей отеческой тревогой и заботой о нем.

Речь Посполитая

Итак, в какой-то из дней весны-лета 1585 г., когда четверо японских юношей находились в Риме, с ними встретился находившийся в Риме польский представитель Бернард Матеёвский. И не только встретил-

⁹ «Relationi della venuta degli ambasciatori Giaponesi a Roma fino alla partita di Lisbona. In Roma. Per Francesco Zannetti. M.D.LXXXVI (в том же году появилось и венецианская книга - Venetia: Gioliti, 1586).

¹⁰ Китайские, японские, сиамские, тонкинские и прочие анекдоты, в которых наипаче описываются нравы, поведения, обычай и религии сих различных азиатских народов. Перевод с французского. Т. 2. М., 1791. С. 183.

¹¹ Надо сказать, что в православной традиции Григорий XIII считается «главным виновником церковной смуты и соблазна», поскольку это при нем был введен новый, «солнечный», так называемый греко-католический календарь, принятый понятие во многих странах мира. С точки же зрения православия, реформа календаря, проведенная Папой Григорием XIII, есть «само неверие»: «если бы Римско-католическая Церковь имела эту веру, то она в лице папы и своих ученых пасторалистов не стала бы подвергать изменению канонические правила, положенные в основу нашей старостильной пасхалии, через которые Дух Святый выразил истину, не подлежащую изменению» («новостильников» и Григория XIII критикуют также со стороны математиков, астрономов и т.п.).

ся, но и попросил их написать по-японски небольшой текст - перевод из Библии.

Кто же такой был Бернард Матеёвский? Скажем сразу, что человек он был незаурядный. Он оставил по себе память в самых разных областях европейской культуры, не говоря уже о Польше как таковой.

Бернард Матеёвский¹² родился в 1548 г. в восточной части Польши в городе Люблине, имеющем давнюю историю: здесь находилась одна из древнейших католических церквей, относящаяся еще к 986 г., королевский же замок в Люблине датируется 1115 г.; в 1241 г. город разрушили монголы. Матеёвский был сыном кастеляна Люблинского замка, получил вначале домашнее образование, затем был отправлен в Вену, где обучался в иезуитской семинарии - наподобие тех, что были организованы иезуитами в Японии. При жизни короля Зигмунта-Августа (правил в 1548-1572) начал военную карьеру в ранге придворного хорунжего (1570). После смерти бездетного Зигмунта монархия в Польше становится выборной, однако избранный король - Генрих Валуа-Ангальемский, брат французского короля Карла XI, через год покидает Польшу, и на престол избирается венгерский военачальник Стефан Баторий. Матеёвский сближается с молодым королем, с 1579 по 1581 г. принимает участие в ряде кампаний Ливонской войны¹³ и даже выставляет за свой счет вооруженный полк.

В этот период он сблизился со знаменитыми католическими деятелями Петром Скарой и Станиславом Хозием¹⁴, под влиянием их проповедей оставил военное дело и свою должность бориславского старосты. Свои владения он передал в дар иезуитской коллегии в Люблине¹⁵ и перешел в стан духовенства. В 1582 г. он по совету Антонию Поссевино, - кстати го-

воря, папского легата в Московии, отправился в Италию, изучал там теологию, жил в Перуджии, затем в Риме, где и был посвящен в духовный сан. Он вернулся в Польшу в 1586 г., то есть на следующий год после прибытия в Ватикан японских послов.

После смерти Стефана Батория снова началась кампания выборов польского короля. Матеёвский окказал поддержку Зигмунту III Вазе, который, получив престол, в 1588 г. возвел Матеёвского в сан епископа Луцкого и Брестского (короли обладали обширными полномочиями в церковной администрации, благодаря своему «праву патронажа», существовавшему в практике всех римско-католических государств в Европе). Матеёвский - страстный реформатор и приверженец иезуитов - часто навещал подведомственные ему приходы и созывал епархиальные советы. В 1591 г., оценив его заслуги, король назначил его епископом Вильно, однако Матеёвский был тогда отвергнут местным капитулом, желавшим видеть епископом литовца¹⁶. 23 мая 1600 г., выдвинутый Папой, Матеёвский стал епископом краковским. Тогда же он написал свое знаменитое «Послание пастыря» (*List pasterski*)¹⁷, которое стало первым пособием для польских католических священников. Как большинство епископов того времени, он сочетал пастырские и политические функции, в частности, представляя польский престол в Риме. В 1603 г. Папой Климентом VIII (1592-1605) Матеёвский был назначен кардиналом с титулом *Sancti Ioannis ante Portam Latinam*. Через 2 года после этого, 31 июля 1606 г., он стал архиепископом гнезненским (примасом), что давало ему высшее положение в польском епископате.

При нем в Кракове был построен Собор Св. Ио-

¹² Биография Бернарда Матеёвского изложена в следующих источниках: *Bilinski, Piotr. Bernard Maciejowski herbu Ciołek (1548-160)* - *Tygodnik Salwatorski*. 1999. *Archiwum, Biografie; Korytkowski J. Arcybiskupi Gnieznienscy, prymasowie i metropolici polscy*, t.III. Poznań, 1869, s. 654-656; *Nasiorowski, Sławomir. «List pasterski» kard. Bernarda Maciejowskiego. Lublin, Red. Wydawnictwo Katolickiego Uniwersitetu Lubelskiego*, 1992 и других.

¹³ Ливонская война велась до 1583 г. между Россией, где правил Иван IV, Швецией, Польшей и Великим княжеством Литовским, - главным образом за Прибалтику и выход к Балтийскому морю.

¹⁴ Петр Скарь (1536-1612) - известный католический писатель, доктор философии, проповедник, обладавший выдающимся даром красноречия. Стоял у истоков университетской науки в нынешних Литве и Беларусь, будучи первым ректором Академии в Вильне (Вильнюсе), а также первым ректором в Полоцке, когда в 1581 г. Стефан Баторий основал Полоцкий иезуитский коллегиум. Наиболее известные его работы - «Жития святых», а также трактат «О единстве церкви Божией» (полное название в переводе «О единстве Церкви Божией под единым пастырем и о греческом от оного единства отступлении, с предупреждением и увещеванием русским народам, держащимся греков», напечатан в Вильнюсе в 1577 г.).

Станислав Хозий (в русских текстах часто «Гозий») - католический деятель, родился в Вильно, был некоторое время председателем на Тридентском Соборе. Пользовался высоким авторитетом во всем католическом мире. Это благодаря ему впервые в Вильно появились иезуиты - около 1569 г., сразу после объединения Литвы с Польшей.

¹⁵ *Syganski J. Listy ks. Piotra Skargi z 1566-1610. Kraków*, 1912, s.133-137. Цит. по: Мараи Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569-1795). Минск, «Віцэйшая школа», 1971, с. 84.

¹⁶ Лев Сапега (1557-1633) - литовский канцлер, виленский воевода и великий гетман литовский писал в те времена королю Зигмунту III, что для него вопрос стоит так: «или умереть, или добиться, чтобы епископом Вильнюса стал литовец» - см. *Nortautas Statutus. On Ethnicity of Magnates in the Grand Duchy of Lithuania (1434-1582)*. //«Artium Unitio». Sociologii et humanitaru zurnalas. Vilnius, 1999, №8. Примечательно, что сам Лев Сапега родился православным, впоследствии воспринял идеи Реформации, а в конце жизни стал католиком. Был одним из организаторов Брестской церковной унии 1596 г., объединившей на территории государства православную и католическую церкви при главенстве Папского престола.

¹⁷ В Библиотеке Ягеллонского Университета среди полутора десятков изданий проповедей и речей Матеёвского хранится такое, например, издание этого послания на латыни: «Epistola Pastoralis, Bernardus Miserationes Divina, tit. S. Ioannis ante Portam Latinam I.R.E.Presbiter Cardinalis, Maciejowski pincipatus, Archiepiscopius Gnesensis, Legatus Natus Regni Poloniae, Primas et Primus Princepi etc.», вышедшее в 1607 г. еще при жизни автора. В частности, под влиянием этого послания в польско-литовских землях значительно увеличилось число бесплатных больничных приютов.

Летопись

анна Крестителя и Св. Иоанна Евангелиста, начато строительство первого в Польше монастыря Ордена камальдольцев. В 1602 г. он основал в Кракове (на Вавеле) духовную семинарию. С его именем связаны и легенды о чудесах. Так, он немало содействовал культу св. Кунигунды (Кинги); как сообщают источники, в 1603 г. он совершил паломничество к ее мощам, вследствие чего излечился от тяжелой болезни¹⁸. Русскому читателю, вероятно, интересна была бы такая деталь его биографии: именно он совершил обряд обручения Лжедимитрия (в лице его представителя) с Мариной Мнишек¹⁹. В настоящее время в среде историков и искусствоведов знаменита также так называемая «Библия Матеевского» - иллюминированная Библия середины XIII в., в конце XVI в. оказавшаяся у Матеевского, которую он послал в дар иранскому Шаху Аббасу²⁰.

Матеевский умер 19 января 1608 г., будучи еще и папским нунцием, и польским легатом (в Польшу тогда входила часть территории Литвы и Беларуси), и кардинальским пресвитером, не говоря уже о других его должностях. Он похоронен в Кракове в костеле на Вавеле, рядом со знаменитым епископом Ежи (Юрием) Радзивиллом, Петром Скарой и Станиславом Хозием. Пожалуй, его можно назвать наиболее выдающимся из польских церковных деятелей того времени - недаром и нынешний Папа Иоанн Павел II во время своей поездки по Польше в 1999 г. упомянул его имя в проповеди²¹ в числе священнослужителей, которые останутся не только в истории церкви, но и в польской истории, и в памяти ее культуры.

Надо сказать, что Матеевский остался в памяти не только польской культуры - его имя с весьма неоднозначными оценками можно встретить и в российских, и в белорусских, и в украинских, и в литовских исследованиях²². Причина - в главном деле его жизни: организации так называемой Брестской Унии. Как сказал Папа Климент VIII в своей булле от 23 де-

кабря 1595 г., Матеевскому принадлежит одна из главных заслуг в успехе этого предприятия. Матеевский и в самом деле сделал чрезвычайно много для образования Греко-Католической, так называемой Униатской, церкви, некогда объединившей православных и католиков ряда областей нынешней Украины, Беларуси, Западной России в едином модусе веры, - при подчинении Папе Римскому и сохранении основных элементов православного обряда.

Драматическая история этой церкви чрезвычайно сложна и теологически, и политически, и здесь нет возможности говорить о ней сколько-нибудь подробно, тем более, что литература по этому вопросу достаточно обширна. Скажем лишь, что активная роль Матеевского отмечается во многих работах, и не только католические или светские, но и многие православные авторы отмечают, что он, как правило, придерживался в области политики умеренных взглядов и «всегда стремился достичь компромисса»²³.

Главный документом, оформившим существование новой, греко-католической церкви, стала «Соборная грамота», подписанная в Бресте Киевским Митрополитом и несколькими православными епископами 8 октября 1596 г., о вступлении их в союз с римской церковью и признании над собой верховной власти Папы Климента VIII и его преемников. Там, разумеется, стоит и имя Матеевского как одного из представителей «отца святого Папы Климента, на тот синод посланных»²⁴. Сохранились и письма Матеевского - к Петру Скарье, папскому нунцию в Польше Неаполитанскому архиепископу Аннибалу, а также его переписка с Ватиканом²⁵.

Таким был этот человек, которому пришло в голову обратиться к одному из японских послов с просьбой написать для него (и в его лице для всей Польши) перевод на японский нескольких стихов из Библии.

Получив перевод, Матеевский, через какое-то время уезжая в Польшу, увез с собой и этот листок крас-

¹⁸ Grzegorz Brozek. *Przed kanonizacją bl. Kingi. W poczcie bogosławionych*. // Tarnowski gosc niedzielny. 23.08.1998, numer 34/257.

¹⁹ Этот обряд сопровождался рядом эпизодов, как комического, так и неприятного для Бернарда Матеевского характера. Обряд описан, например, в книге Н.И.Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», где фамилия Матеевского дана в варианте «Мациевский», а также в работах польских церковных историков и биографов.

²⁰ A Book of Old Testament illustrations of the middle of the thirteenth century: sent by Cardinal Bernard Maciejowski to Shah Abbas the Great, king of Persia, now in the Pierpont Morgan Library at New York / described by Sydney C. Cockerell; with an introd. by Montague Rhodes James and notes on the armour by Charles J. Ffoulkes. Cambridge [Cambridgeshire]: Printed by W. Lewis at the University Press for the Roxburghe Club, 1927.

²¹ См., например, польскую версию проповеди, которую 15 июня 1999 г. огласил за Папу в Кракове кардинал Мачарский: «Krakow, 15 czerwca 1999 r. Homilia Jana Pawła II wygłoszona przez kard. Macharskiego».

²² См., например, из наиболее новых исследований: Шевцов Ю.В. Дезинтеграция культурно-политического пространства Речи Посполитой в 1587-1592 гг. Издательство «Белый свет» и Алманах Геополитика. Минск, 1996. (Первое издание - Вильнюс, 1994).

²³ Его умеренность признает, в частности, Митрополит Макарий: Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 5, 6. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, М., 1996. (На основе издания 1857-1883 гг.). Об этом же пишет, например, и Б.Н.Флоря в: «Подготовка Брестской унии и политика духовной и светской власти Речи Посполитой» // «Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI - начале XVII в. Ч. I. Москва, Индрик, Библиотека Института славяноведения и балканстики, 1996, с.175.

²⁴ Уния в документах. Минск, Лучи Софии, 1977, с. 138.

²⁵ Письма Бернарда Матеевского на латыни, обращенные к Папе Сиксту V и Павлу V, находятся в архивах Ватикана и опубликованы в: Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae. Gentiumque Finitimarum/ Historiam Illustrantia/ Maximam Partem Nondum Edita ex Tabulariis Vaticanis/ Deprompta Collecta ac Serie Chronologica Disposita ab Augustino Theiner. Tomus Tertius. 1585-1696. Reproductio phototypica editionis 1860-1864. Osnabrück, Otto Zeller, 1969, p. 21:22, 41-42, 89-90, 288, 294-295.

ной бумаги со скорописным японским текстом, надо думать, вместе со многими другими вещами, книгами и рукописями, накопленными за годы жизни в Италии.

Автограф японского посланца

Рассказ о том, как, собственно, был обнаружен этот лист со скорописными иероглифами и латыни, написанными тушью на красной бумаге (со временем выцветшей до желто-розового цвета), сам по себе тоже по-своему любопытен как цепь редких совпадений и счастливых случайностей.

Итак, расскажу об обстоятельствах своей находки. В феврале 2000 г. я побывала на островах Амакуса. Это цепь мелких островов, тянувшихся вдоль западного побережья Кюсю и известных своей исторической связью с японским христианством.

Там находилась и одна из трех организованных иезуитами в XVI в. коллегий, где японцам преподавали Священное Писание, обучали латыни, и где был устроен печатный двор. 12 лет назад в тех местах был создан музей, посвященный деятельности этой коллегии - «Амакуса Корэдзё-кан», куда и направилась наша группа.

В этом музее в одной из витрин лежала раскрытая старинная книга. Это была упоминавшаяся выше книга Гвидо Гвалтьери 1586 г. издания - «Реляции о прибытии японских послов в Рим вплоть до их отплытия из Лиссабона»²⁶. Рядом с книгой лежала небольшая полоска бумаги с текстом, написанным от руки и почему-то на польском языке. Удивившись, я спросила у экскурсовода, откуда взялась эта записка по-польски и каково ее назначение. Выяснилось, что при основании музея 12 лет назад его организаторы решили приобрести книгу Гвидо Гвалтьери, увидев ее в каталоге одного букинистического магазина в Токио. Когда эта редкая и драгоценная книга прибыла в музей, то бумажка с польским текстом была обнаружена между ее пергаментной обложкой и фронтисписом. На каком языке написана записка, никто в музее не разобрался, выбрасывать как-то не решились, подумав, что записка, быть может, имеет какое-то отношение к самой книге Гвалтьери. В общем, ее положили рядом с книгой, время от времени убирали в шкаф, потом снова выкладывали.

Не сдержав своего любопытства, я вызвала про читать и перевести для музея текст, который гласил:

«Японский перевод двух цитат из Священного Писания, написанный по просьбе Бернарда Матеёвско-

го, королевского посла при Апостольской столице, японскими послами к Папе Григорию XIII, в Риме 1585 г. подарил Krakowskoy Akademii в знак великой своей милости тот же Бернард Матеёвский, епископ Луцкий, в 1599 г.».

По стилю записи мне показалось, что это что-то вроде каталожной карточки или надписи к музеиному экспонату. Из текста явствовало, что японские послы и Бернард Матеёвский были в Риме одновременно, и польский представитель попросил их написать японский перевод двух фрагментов Библии.

Сначала это не вызвало у меня особого удивления. В японоведении я всегда занималась по преимуществу древностью, с историей японского средневекового христианства была знакома весьма поверхностно. Но, внезапно почувствовав что-то вроде го-эн - собственной «кармической связи» с ситуацией, а проще говоря, поддавшись любопытству, я решила посмотреть исторические исследования об этом первом посольстве японцев в Европу и вскоре поняла, что об этом контакте между японцами и поляками, видимо, самом первом в истории этих народов, никому не известно, а переводы фрагментов Библии, выполненные в Ватикане, также представляют собой новые факты, неизвестные истории.

Надежды на то, что этот красный лист бумаги еще сохранился, было немного. Дальнейшие мои поиски в японских, польских и латинских источниках и научной литературе по этому конкретному пункту - встрече японцев с Матеёвским - оказались напрасными и никаких сведений о документе не принесли, обогатив, впрочем, автора множеством интересных фактов и подробностей.

Не больше пользы поначалу было и от интернета. Впрочем, в какой-то момент, разглядывая в электронном каталоге Библиотеки Ягеллонского Университета (Краков) сканированные старые рукописные карточки с названиями книг Бернарда Матеёвского, я уви дела почерк, похожий, как мне показалось, на почерк обнаруженной в Музее записи. А вдруг ту записку о японском переводе и эти карточки писал один и тот же библиограф этого университета, лет, например, сто назад?

Эта надежда побудила меня отправить по интернету запрос в дирекцию Библиотеки Ягеллонского Университета. Так началась моя переписка с отделом рукописей этой библиотеки, продолжавшаяся полтора года. Приведу некоторые выписки из полученных из Кракова писем:

²⁶ «Relationi della venuta degli ambasciatori Giaponesi a Roma fino alla partita di Lisbona. In Roma. Per Francesco Zannetti. M.D.LXXXVI. Интересно, что в 1933 г. вышел японский перевод этой книги, сделанный Киносита Мокутаро, известным японским поэтом и писателем, который побывав на островах Амакуса, увлекся драматической историей первой японской миссии в Европу и трагической судьбой японских христиан и решил перевести эту книгу на японский язык.

Летопись

19 мая 2000 г.

«<...> Извещаю Вас, что в собраниях Ягеллонской Библиотеки нет рукописи, содержащей перевод Священного Писания на японский язык. В нашей Библиотеке никогда не было книг и рукописей, переданных в дар от кардинала Бернарда Матеёвского. Может быть, мы могли бы Вам помочь, если бы Вы согласились указать источник Вашей информации. Зав. отделом рукописей Анна Козловска».

6 июня 2000 г.

«<...> Ваше предположение о памятке, найденной Вами в старой итальянской книге, удалось подтвердить. В инвентарной книге нашей Библиотеки за 1840 г. в разделе «Разное» на стр. 128-129 нашлась следующая запись: «Табличка серебряная, под стеклом лист красной бумаги, на котором на латыни и по-японски написаны два фрагмента из псалмов Давида. Табличка увенчана монограммой и гербом Бернарда Матеёвского. На обратной стороне высечена надпись: *Hanc Japponeus Regum A. D. MVLXXXV (sic) ad Gregorium XIII P. M. Oratorum ad instant[iam] suam manu et charact[ere] Romae scriptam tabellam regius tunc ad S. Sed. Apo. Leg. Ill. Revm[fus?que] DD. Bernardus Maciejowski Episc. Luceor. post in Acad. Cracov. Biblioth. sui erga illam magni amoris indicium ad memoriam posteritatis extar (sic) voluit A. D. MDIC²⁷.*

Последняя запись, подтверждающая, что табличка находилась в хранении нашей Библиотеки, относится к 25 июля 1906 г. После этой даты табличка в наших инвентарных списках не фигурирует. <...> Очень жаль, что такая интересная и, вероятно, красавая вещь пропала, но, как Вы понимаете, от 1906 г. нас отделяют две войны. То есть времени прошло немало, и многое за это время случилось - *habent sua fata libelli*.

И, наконец, неожиданный мэйл от 13 августа 2001 г., то есть больше чем через год после последнего письма:

«<...> В нынешнем году во время работы по упорядочению наших хранилищ удалось подтвердить, что табличка более 400 лет лежала себе спокойно в ожидании своего «открывателя». Если Вы все еще заинтересованы этой проблемой, Библиотека выполнит для Вас и пришлет цветные фотографии объекта. Однако это возможно будет осуществить только после работ, связанных с очищением объекта».

Такова вкратце история обнаружения этой вещи, фотографию которой я получила через два месяца

после этого письма и которую привожу здесь.

Латинский и японский тексты на этой табличке представляют начальные строки из двух псалмов Давида:

Псалом 92

[Хвалебная песнь Давида. В день предсубботний, когда населена земля.]

1 Господь царствует; Он облечен величием, облечен Господь могуществом [и] препоясан: потому вселенная тверда, не подвигнется.

Псалом 116

[Аллилуия.]

1 Хвалите Господа, все народы, прославляйте Его, все племена;

2 ибо велика милость Его к нам, и истина Господня [пребывает] вовек. Аллилуия.

Неизвестно, кто выбрал именно эти фрагменты Библии для перевода, и чья именно рука взяла кисть, чтобы написать эти каллиграфические строки. Возможно, выбор Псалмов принадлежит Матеёвскому; японская каллиграфия - одному из взрослых спутников четверых подростков. От их посольства остался один японский текст, который до сих пор хранится в Ватикане: по пути обратно 28 июня 1585 г. японцы прибыли в Венецию, в тот же день были приняты Венецианским Дожем и обменялись подарками с ним, а 6 июля, перед тем, как выехать в Падую, передали Дожу благодарственное письмо от имени японской миссии - по-японски, с помещенным слева итальянским переводом²⁸. На взгляд профана, текст письма Дожу и отыскавшийся в Кракове перевод Псалмов написаны одним и тем же почерком, хотя, разумеется, наверняка об этом может судить лишь эксперт.

Остается неизвестным, и в какой именно из дней марта-июня 1585 г. произошла встреча Матеёвского с японскими послами. Предпринял ли он специальное посещение резиденции японских послов или встретился с ними в Ватикане - сказать трудно.

Вообще, многое еще осталось неразгаданным, но, вероятно, можно надеяться, что дальнейшее изучение обнаруженного документа пролет свет на неизвестные доселе стороны пребывания японских посланцев в Ватикане, а также откроет новую страницу истории японо-польских отношений²⁹.

²⁷ Перевод с латинского по моей просьбе сделан Е.А.Костюкович.

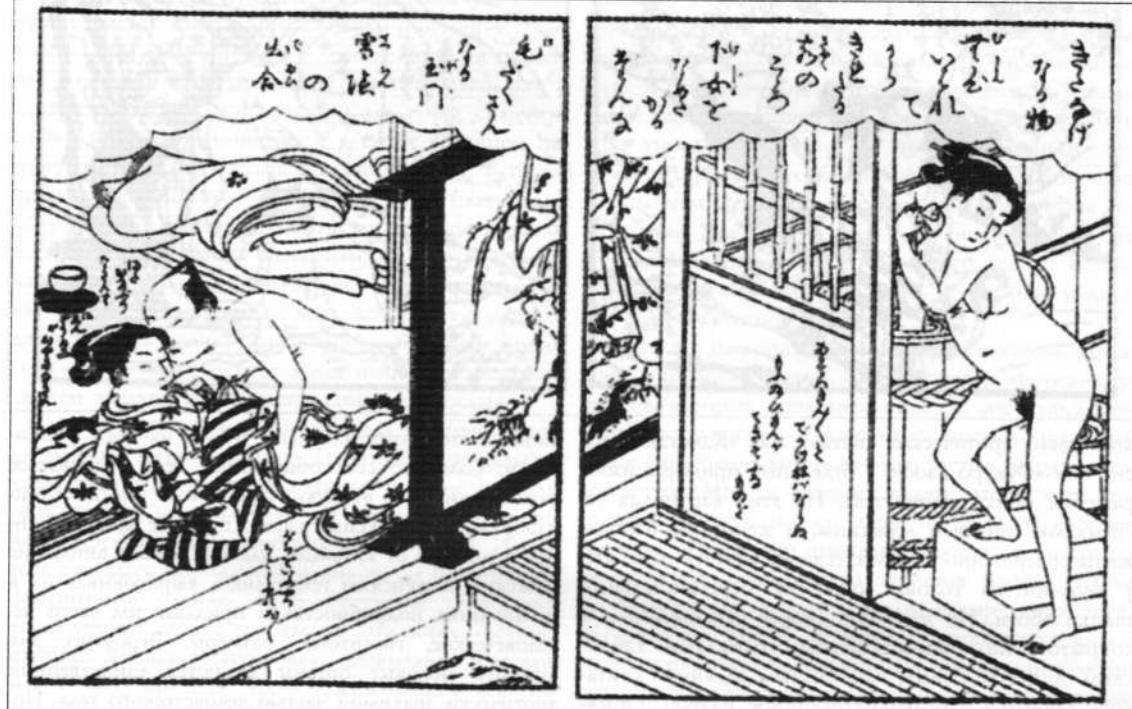
Сие есть скрижаль, послом от японского престола собственноручно римской грамотой писанная, в год 1585 при Григории Тринадцатом Великом Понтифике, а впоследствии Доктором Бернардом Матеёвским, епископом Луцким, некогда при Святом Апостольском престоле выполнявшим обязанность легата, переданная в Библиотеку Краковской Академии - в знак его великой милости и в память потомкам по его воле в год 1599.

²⁸ Воспроизведение этого благодарственного письма можно найти в самых разных источниках, в том числе и в упоминавшемся труде Мацууда Кити.

²⁹ Автор полагается слушаем выражить благодарность своим коллегам - Софье Мацукава, Накамура Ёсикадзу, Окамото Такао, Оса Сидзу, а также Хатакэяма Юсабуро за помощь на разных этапах работы.

Александр Кабанов

Нагота в японской жизни и искусстве

Традиционное отношение японцев к обнаженному телу радикально отличалось от античной, западной или индийской традиций. В европейском и индийском искусстве нагота имела как эротический, так и эстетический смысл, и обнаженное тело прославлялось с обеих этих точек зрения, причем особое внимание уделялось так называемым вторичным сексуальным признакам: грудям, животу, бедрам, округлым очертаниям фигуры женщины, атлетическому строению тела мужчины. В Японии эстетически значимым было не тело, а одежда, которая в старину фактически была одинаковой для представителей обоих полов. Внешние различия между мужчиной и женщиной порой казались неуловимой, что очень заметно по гравюрам эпохи Эдо. И лишь на эротических картинах (сюнга, «картины весны») гендерные различия оказывались намеренно подчеркнутыми преувеличением и чрезвычайно тщательно выписаным изображением половых органов. Другие же части тела (за исключением лиц и ног) обычно оставались скрытыми под пышными и изысканными одеяниями. Такое отношение к наготе ближе к традиционному китайскому (хотя ниже пойдет речь о сущес-

твенных различиях и между ними тоже).

Марк Холборн достаточно прямолинейно утверждает, что «в китайском и японском искусстве нет традиции изображения наготы. Когда на ландшафтах сунской эпохи появляются изображения людей, они выполнены одним взмахом кисти, и их значимость приравнивается к очертаниям дерева или скалы. Человеческая фигура является одним из составляющих элементов ландшафта, а вовсе не доминирующим изображением на конкретном фоне. Человек и его мир представляют собой континuum. Идеализация человека полностью отсутствует, поскольку человек является не более важным компонентом картины, чем время года или ландшафт, в котором он представлен» (Holborn M. Beyond Japan. London: Barbican Art Gallery, 1991, p. 50). Это утверждение более применимо к китайскому искусству, чем к японскому, ибо в Японии, начиная с периода Эдо, эстетика обнаженного, полуобнаженного или драпированного женского тела стала, особенно в эротических картинах жанров сюнга и бидзинга («изображения красавиц»), одной из самых привлекательных тем.

В хэйанском искусстве встречаются - правда, толь-

ко в таких эротических свитках, как «Какигаки дзоси» или «Фукуро дзоси» - отдельные примеры изображения обнаженного тела. На этих картинках со сценами соития и мужчины, и женщины изображены совершенно голыми, если не считать того, что у мужчин на головах остаются церемониальные шапки эбоси. Но это было скорее исключением: в скрытом под многослойными одеждами хэйанском обществе самым изысканным одеянием считалось дзюити-э (одиннадцатислойное платье). Обычно открытыми для всеобщего взора оставались лишь лицо, голова и часть шеи; под тяжелым многослойным платьем контуры фигуры оставались совершенно неопределенными.

Как пишет Цветана Кристева, «постепенный доступ к следующим слоям одежды акцентируется двумя деталями костюма: декольте и рукавами. Чем ближе слой к телу, тем уже декольте и длиннее рукав, благодаря чему вертикальные плоскости подчеркиваются горизонтальными линиями. Обе константы одинаково важны. Разноцветные декольте не в силах передать свою информацию из-за многочисленных помех, чинимых другим источником - рукавами. Эти детали являются продолжением скрытого под одеждой тела и содержат информацию, которая не может быть передана откровенно». (Кристева Ц. По следите на четката. София, 1994, с.31).

Эстетика эротического одеяния или драпировки сохранялась в неизменном виде во все долгие века японской истории, она и поныне остается очень актуальной. На эротических ксилографах периода Эдо женщины во время совокупления изображаются в ярко-красочных, но скомканных и распущеных ки-

моно, из-под которых видны только их ноги и гениталии. Само по себе обнаженное тело оказывается важным лишь во вторую очередь, хотя иногда и оно изображается на ксилографах. В то же время японцы, в отличие от китайцев, уделяли особое внимание мужским и женским гениталиям, вырисовывая их в мельчайших подробностях и придавая им часто нечеловеческие, гигантские размеры. Вероятно, для японцев половые органы являются единственной эротически значимой частью человеческого тела. Подобное отношение сохраняется и в наши дни, когда кульминацией любого стрип-шоу является демонстрация женских половых органов, которые посетители пристально изучают. В то же самое время «зацикленность» на женском лоне привела к появлению особой японской формы цензуры, когда все попадающиеся на картинах, фотографиях или в кино интимные части женского тела, и особенно волосы на лобке, тщательно затушевываются или прикрываются мозаикой.

До эпохи Мэйдзи (1868 г.) обнаженное тело обычно воспринималось как нечто естественное и не сопровождалось эстетическими или эротическими ассоциациями (в публичных банях, на горячих источниках, во время хадака мацури - «голых праздников», соревнований по борьбе сумо). Женщины не особенно стыдились демонстрировать свою голую грудь. Один из членов американской экспедиции Перри в Японию в 1854 г. писал с отвращением о том, что, побывав в бане, он увидел, как «семнадцатилетние девушки, старухи, молодые женщины и старики сидели на корточках на каменном полу, не прикрывшись и тряпицей размером хотя бы с но-

готь на большом пальце». На ксилографах периода Эдо, изображающих сцены в публичных банях, отчетливо видно, что мужчины прикрывают свои тайные места маленьким фартуком, тогда как женщины полностью обнажены.

Эрнест фон Гессе-Вартег, посетивший Японию в эпоху Мэйдзи, был смущен тем, что японцы не пытаются скрыть свою частную жизнь от посторонних глаз. Проезжая мимо ряда домов, он заглядывал внутрь и был поражен, видя, как «молодая девушка, обнаженная до пояса, сидит на корточках перед зеркалом, пудрит свое красивое лицо и румянит губы, совершенно не стесняясь». В другом месте он пишет, что японка «ежедневно, даже по несколько раз в день, принимает ванны, внутри дома или снаружи, одна или еще с кем-нибудь и в своей невинной наивности показывается, как есть, всему свету. В то же время ее возмущают глубокие вырезы на платьях наших дам. Только бы не делать чего-нибудь на половину. Она или совсем одета, или, если обстоятельства этого требуют, она сбрасывает с себя кимоно и остается в своем природном виде, который ей, однако, далеко не так к лицу, как кимоно. В жаркое время года она зачастую (у себя дома, или при работах на свежем воздухе) сбрасывает с себя все одеяния».

Совсем другого типа нагота была приемлема среди мужчин низших классов. Грузчики, кули, сельскохозяйственные или промышленные рабочие, почтальоны часто не носили ничего, кроме набедренной повязки (фундоси) или коротких подштанников. Их нагота считалась нормальной и никого не шокировала. Заменителем одежды часто выступала татуировка, когда человек словно надевал на себя новое, «вечное» одеяние. Японская татуировка, чрезвычайно изысканная и многоцветная, часто покрывающая всю поверхность тела, сохранилась почти в неизменном виде до наших дней и рассматривается как специфическая форма искусства. Знаменитый писатель Танидзаки Дзюнъитиро отмечал: «Посетители веселых кварталов Эдо предпочитали нанимать великолепно татуированных носильщиков паланкинов; куртизанки Ёсивара и квартала Тацуки влюблялись в татуированных мужчин... Время от времени устраивались выставки, участники которых раздевались догола, и чтобы продемонстрировать свои филигранные тела, они горделиво похвастывали себя по телу, хвастались рисунками на своих тела и критиковали достоинства друг друга».

Ранее распространенная, в основном, среди париев общества, татуировка превратилась в значимый символ, заменитель одежды, сделавший видимым нагое тело. Не физические характеристики, а необычность татуировки придавала значимость ее хозяину.

В другую категорию попадают борцы сумо. Их обезображеные ради соответствия традиционным стандартам тела оказываются привлекательными как раз по причине своей уникальности: именно свисающие животы, жирные бедра и ноги превращают их в объект поклонения.

Тем не менее, в этом случае (как и в хадака мацури) нагота, вероятно, имеет ритуальное происхождение и не имеет никаких коннотаций с реальными признаками физического тела. В некотором смысле это касается публичных бань (сэнто) и горячих источников (онсэн), где люди не обращают внимания на взаимную наготу. Бернард Рудофски описывает отдых японских семей на морском побережье на острове Сикоку в 1960-х годах. Хотя, по его словам, некоторые из юных матерей, обнажившись по пояс, и плескались с детьми у самого берега, ни одна не решилась плавать. Единственным исключением оказалась девушка, попытавшаяся доказать, что умеет плавать. Женщин восхищал цвет ее ярко-желтого купальника, гармонировавшего с цветом заката (мужчины при этом не обращали на представительницу прекрасного пола никакого внимания). Когда, покончив с купанием, девушка возвращалась на берег, она «не без труда стягивает с себя купальник модного, но консервативного фасона, после чего вешает его на руку и, ничем не прикрывшись, в чем мать родила, без тени смущения уходит».

Находясь на крошечном островке Такэтоми, входящем в архипелаг Яэяма, я видел группы японских туристов, которых привозили оглядеть местную достопримечательность - безупречно чистый песчаный пляж, посещение которого было частью их однодневного тура. Мне не довелось видеть, чтобы хоть кто-то из них искупался или хотя бы разделялся, хотя некоторые решительно принялись бродить босиком по мелководью. Большинство туристов просто сидели на берегу и наслаждались видом изумрудного моря. На островах Мияко и Яэяма я очень редко видел, чтобы кто-нибудь из японцев (за исключением люби-

телей подводного плавания) вообще погружался в море. Возможно, одной из причин является нежелание загореть, поскольку у японцев цвет кожи от природы более смуглый, чем у европейцев, но, вероятно, более важно то, что им просто неприятно выставить свое тело на всеобщее обозрение. Когда это происходит в коллективе, нагота не только позовительна, но даже остается незамеченной, в противном же случае она кажется отвратительной или, наоборот, сексапильной.

После революции Мэйдзи, под влиянием западных пуританских взглядов, обнаженное тело стало строгим табу, что привело к запрещению древних фаллических культов, равно как и откровенных упоминаний о сексе. Это положило конец совместным баням и горячим источникам, впрочем, никогда не имевшим сексуальных коннотаций (единственным исключением были порно-издания, намеренно эксплуатировавшие эту тему как непристойную). Даже в современных японских сэнто и ротэнбуру (банях под открытым воздухом) сохраняется весьма пуританская атмосфера. У мужчин (и редких женщин) интимные части прикрыты специальным фартучком или полотенчиком, которое снимается только перед погружением в ванну. Самое странное здесь то, что молодые мужчины обычно больше озабочены прикрытием своего мужского достоинства, чем люди зрелого возраста и старики, которые часто вообще забывают об этом. В любом случае, прикрываться полотенчиком — неписанный закон современных публичных бань в Японии.

Когда в послевоенное время антисексуальная цензура частично была ослаблена, публикации на темы секса появились, как грибы после дождя. Тем не менее, до наших дней сохранился запрет на изображение гениталий (и прежде всего волос на лобке) на рисунках, фотографиях, в кино и на видео.

Центральной фигурой послевоенного культа мужского обнаженного тела стал писатель Мисима Юкио (1925-1970), всегда восхищавшийся классическим греческим искусством. Он позировал в обнаженном виде перед камерой Хосэ Эйко, в результате чего появился их совместный фотоальбом «Баракэй» («Убитые розами», 1963), балансирующий между идеями подавленной жестокости и гомэротизма. А еще раньше Мисима настолько потряс революционный балет Хидзиката Тацуши, создавшего первый в Японии аутентичный театр тела, что Мисима решил даже внести вклад в его развитие.

Это было время расцвета всевозможных сексуальных девиаций. Когда открытая демонстрация половых актов и органов была запрещена, продюсеры заменили примитивные фиговые листочки суперэротичными садомазохистскими или гротескными сценами с эксцессами флагелляции, пыток и ужасов. Цензура пропускала любые аномальные сцены, лишь бы только в них не содержалось демонстрации половых органов и волос на лобке. Типы подобных эксцентричных изображений получили название «эро гуро нансенсу» («эротическая гротескная чушь»). Гротескное сексуальное искусство просуществовало несколько десятилетий и оставалось популярным до самого последнего времени.

Японская порно- и секс-индустрия является одной из самых невинных и в то же время самых изобретательных и самых отвратительных в мире.

Садомазохизм и бондинг («связывание») в сочетании с первверсивным сексом перекочевали позже в комиксы и видеопродукцию для взрослых, производимые в Японии в невероятном количестве. Связывание постоянно оставалось популярной темой, потому что кожаные костюмы, высокие каблуки и длинные перчатки предлагали образ женщины одновременно обнаженной и одетой. «В фигуративных видах искусства, - пишет Марио Периола, - эротизм присутствует как отношение между одетостью и наготой. Поэтому он предполагает возможность движения - перехода - из одного состояния в другое. Если один из этих полюсов приобретает первостепенное или существенное значение в ущерб второму, то возможность перехода приносится в жертву, а вместе с нею и условие существования эротизма. В таких случаях абсолютной ценностью становится либо одетость, либо нагота».

После эпохи Эдо японцы постоянно балансировали между обеими крайностями, и связывание отлично отвечало этой двойственности. Мужчины-японцы кажутся абсолютно равнодушными к женской наготе, если только перед ними не экзотичные западные девицы, привлекающие своими особенно пышным бюстом или бедрами. В то же время японские девушки в прозрачном нижнем белье вызывают у них особый восторг.

Другой специфической особенностью японской культуры, начиная от великих мастеров и кончая бульварными журналами, является садомазохизм. Где еще, кроме Японии, можно встретить такой необычайно широкий спектр садомазохистских фантазий? Художник Мурои Асунадзи создал большое количество комиксов с одним единственным персонажем: «женщиной-собакой» (онна-ину). Голая девушка с лицом Лолиты, торчащими сосками и хвостом представлена в них как объект самых разных унижений (как правило, на шее у нее имеется ошейник). Обычно эту девушку пытают, душат, на нее мочатся, за нее следят и т.п. Но при этом никто не пытается с ней совокупиться. Харукава Намио постоянно эксплуатирует другую тему: обычно он изображает пышную девицу с европейскими чертами лица и голым задом, восседающую за стойкой бара на связанном мужчине, лицо которого, упирающееся в ее лобо, служит ей сидением. Неотъемлемой частью многих авангардистских представлений являются извивающиеся в мучениях, кричащие от боли, подвешенные на веревках обнаженные девушки, над которыми всячески измываются. В большинстве случаев они вряд ли могут вызывать сексуальное желание, но в стране запрещенного секса они так же привлекательны, как женщины с розгами в викторианской Англии. Накаясу Хиротору предпочитает еще более жуткие сюжеты: ему принадлежат фотографии полуобнаженных женщин, совершающих сеппуку. Давний поклонник Мисима Юкио и автор нескольких обстоятельных ис-

следований по истории харакири в Японии, Накаясу пытается придать эротический налёт суицидальному акту. Среди его персонажей - почти исключительно женщины; экстатическое выражение их лиц в момент, когда меч или нож входит в их голые животы, призвано стереть грань между Танатосом и Эросом. При всем при том эти фотографии не нарушают японское законодательство, так как не демонстрируют ни гениталии, ни волосы на лобке.

Вопрос о волосах на лобке был ключевым для обвинений в нарушении антинепристойных законов. В начале 70-х годов на короткое время возник специфически японский бум под названием «бинихон»: появились фотографии девушек (иногда в парах) - обнаженных, но прикрытых прозрачными бикини. Причем при полном отсутствии мужчин! Накануне бума видео для взрослых именно эти фотографии пользовались бешено популярностью. Вероятно, считается, что волосы на лобке особенно стыдно кому-либо показывать, потому что подсознательно они считаются апотропейским средством, что со всей очевидностью следует из средневековых японских трактатов, в которых «срамные» волосы играют особо важную роль в разных привораживающих снарядах.

Другой вероятной причиной может быть страх перед осквернением (кэгарэ), связанный в японской культуре с женским детородным органом. Даже в наши дни в японских комиксах манга манипуляции с женскими гениталиями, включая куннилингус, производятся, скорее, ради того, чтобы унизить женщину, чем для того, чтобы доставить ей сексуальное наслаждение. Женщины остаются объектом жестокого отношения и сексуального удовлетворения только при взгляде издалека.

Оrientированные на девушек манга изобилуют сценами насилия, хотя и не нарушают существующих запретов. Так, в них никогда открыто не изображаются гениталии (обычно заменяемые бананами, колбасами, огурцами или вибраторами). Потоки сексуальных флюидов или спермы дозволительны, только если они существуют независимо от гениталий. Превалирует лицемерие.

Это особенно раздражает, когда смотришь японские версии кинофильмов. Шокирует появление долженствующих предотвратить оскорблению общественной нравственности клякс или мозаичных заставок. Это вызывает в памяти советскую или маоистскую сексуальную цензуру, по вине которых жители СССР и КНР не смогли своевременно увидеть многие шедевры мирового кино.

Японские видео, особенно «фильмы для взрослых», все еще остаются загадкой для иностранцев. Как можно наслаждаться такими фильмами, если все они прошли через цензуру? Возможно, японское воображение делает их более вульгарными, чем они есть на самом деле. Мне попадались в японских букинистических магазинах серьезные книги, включавшие в себя сюнга великих японских художников: Хокусая,

Утамаро, Эйсэя, Куниёси и др. Конечно, на этих картинах гениталии были тщательно прикрыты белыми квадратиками, но бывшим владельцам книг иногда удавалось прорисовать недостающие детали карандашом. Даже в современных публикациях классического эротического искусства определенные места часто закрашены, стерты или вырезаны. По моему мнению, после подобной операции они становятся еще более вольными и непристойными. Эксплуатируется традиционная логика стриптиза. Японская цензура превращает не только современную секс-индустрию, но и классические произведения искусства в бесконечное стрип-шоу.

Трудно представить себе, насколько деспотичной в некоторых отношениях может быть культура, в которой даже в наши дни во время некоторых праздников на всеобщее обозрение выставляются гигантские фаллосы, а в фарсах кэгэн демонстрируются ритуальные совокупления на сцене.

Сегодняшнее отношение к сексу в Японии стало более открытым, и теперь можно найти даже классические ксилографы без цензурных ограничений. Хотя японская издательская индустрия наконец получила долгожданную свободу, некоторые стороны секса все еще остаются табуированными для японского общества и кажутся подозрительными. Даже сейчас учебники по половому воспитанию иллюстрированы картинками с изображением бесполых кукол или комиксовых фигур, оставляющих широкое поле для воображения. Воротили порнобизнеса довольны: существующая цензура является одной из важнейших причин их успеха.

Несмотря на более высокий уровень свободы, которым отличается современная Япония, там сохраняются многие неизвестные Западу сексуальные ограничения и запреты на демонстрацию обнаженного тела. Вряд ли в Японии можно отыскать крупный центр бодибилдинга для лиц обоих полов или нудистский пляж. Изданые в Японии фотоальбомы с «обнаженкой» кажутся совершенно невинными, а мускулистое мужское тело, как правило, не вызывает восхищения. Большинство японцев по-прежнему совершенно равнодушны к эстетическому аспекту обнаженного тела, хотя эротические предпочтения радикально изменились: эротические манга делаются почти исключительно в западном стиле, и в них изображаются женщины с большими грудями, узкой талией и тяжелым задом. Хотя в современной Японии и наблюдаются отчетливые вуайеристские тенденции, Страна Восходящего Солнца остается преимущественно «задрапированным обществом».

Александр Мещеряков

Футбол 2000-го года

Давно это было, еще до чемпионата мира... Пока худшие (то есть мужские) представители цивилизованного человечества наблюдали по телеку битвы лучших футбольных дружин старого света на чемпионате Европы 2000 года, ваш покорный слуга гонял мячик на самой окраине города Киото, который, между прочим, был основан в 794 году. Проведя за переводом древней хроники год в Японии, я вполне освоился и с нынешними обычновениями и даже вступил в местный футбольный клуб, где и предавался беготне с киотоскими подростками и их папашами. И ничуть не пожалел о том, что пропустил чемпионат Европы, который, ввиду явной периферийности его в узких глазах обитателей архипелага, освещалась весьма скромно. Не пожалел потому, что опыт вышел поучительным.

Выйдя на поле в первый раз, я довольно быстро забил две «банки». Что и неудивительно: подростки есть подростки, а взрослые мужики играли когда-то в своей школе в более бейсбольные игры. Я же прожил свое детство со сбитыми коленками, совершая подкаты в асфальтированных московских двориках.

Очень довольный собой, я уселился в перерыве на землю и стал потягивать свой яблочный сок в ожидании похвал моему мастерству. Подошел тренер. «Устал?» - «Немного». - «А ты не носись так». С этими словами он отправился раздавать советы другим игрокам.

Будучи знаком с японской манерой выражаться в течении трех десятков лет, я обреченно расшифровал его message: больше забивать нельзя, потому что это нарушает принцип справедливого распределения голов на среднестатистическую душу. И потому после перерыва встал в глухую защиту. Что, впрочем, не было чересчур обидно, потому что счета не велось. То есть победитель не определялся. Игрокам был важен процесс, который и являлся главным результатом, что в моих выпученных глазах уравнивало его с вечерней пробежкой перед сном, от которой есть польза здоровью, но вот удовольствия - никакого. Я же, разумеется, хотел выиграть. Но оказалось, что выигрывать было не у кого. То есть победить можно было только самого себя. Получалось вполне по-дзэнски.

После окончания тренировки тренер добродушно похлопал меня по плечу: молодец, умеешь неизреченное понимать.

Однако радость по поводу собственной сообразительности была преждевременной. На следующей тренировке тренер восхищенно (о, это знаменитое японское двуличие!) сказал: «До чего же ты футболом увлечен! В обычновенных трусах играешь!» И скрылся на необъятном футбольном поле.

Я обреченно оглядел себя в направлении сверху вниз. На мне были сатиновые пляжные шорты, которые не имели ничего общего с нижним бельем. Даже карманчики, между прочим, у этих шортов были. Однако message есть message - предстояло покупать

специализированные футбольные трусы долларов за пятьдесят. И хотя в шортиках я чувствовал себя вполне комфортно, и отсутствие фирменных трусов никак не влияло на мою результативность, следовало соответствовать тренерской установке, которая, в свою очередь, вполне соответствовала местному представлению о том, что все (будь то офис или футбольное поле) должны быть одеты по форме.

В силу разных причин к следующей тренировке купить футбольные трусы мне не удалось. Тренер, похоже, предвидел и это. Поэтому перед тем, как попрощаться, он протянул мне трусы, сказав одностороннее: «Дарю».

Трусы оказались ношеными. При этом тренер явно не хотел обидеть меня. Наоборот - он хотел помочь мне. Чтобы я не выглядел уж полным идиотом на фоне прекрасного единства. Понимая это, я поплелся в спортивный магазин. В силу специфики нашенского национального менталитета я не мог играть в чужих трусах.

На следующей тренировке тренер встретил меня ласковым взглядом. И я подумал, что теперь-то ко мне уже не придирешься. Однако чуть позже я снова попал впросак. Пошел вульгарный дождь. Что делает русский человек в таком случае? Он плзает на дождь и снимает майку, потому что в мокрой майке бегать ему неприятно. Японцы тоже наплевали на дождь, но майку снял только я. И тут же услышал за спиной: «Ишь ты, разделся!» Сказано это было таким тоном, который не заставлял сомневаться в том, что народ меня осудил.

Насмотревшись на нескромные средневековые картинки и на нынешних отцов семейств, прилюдноправляющих малую нужду, я до этого момента пребывал в наивной уверенности, что японцы относятся ко всем проявлениям телесного без лишней ажиотации. Однако оказалось, что я неправ. Из послетренировочных бесед с ученою японской братией мне удалось выяснить: времена нестеснительности более-менее канули в Лету. И если помочиться на улице до сих пор не считается предосудительным, то вот обнаружение, даже по пояс, в последнее десятилетие стало пониматься как нарушение общественных приличий. А потому и многие молодые люди теперь уже не ходят в баню, хотя баня для Японии - институт с тысячелетней историей. Мои собеседники валили все на американцев. Вот, мол, средний американец в банюходить стесняется, предпочитая свою душевую кабинку (принимая во внимание ее скромные размеры и закрытость со всех сторон света, вполне можно было бы назвать ее и душегубкой), и мы тоже за ними потянулись...

Я так и не узнал, кто стал чемпионом Европы. Человеку с пристрастиями к культурным шокам эта информация вовсе не обязательна.

Ориентационная система в Японии VII - X вв. на примере первого территориально-административного деления

«Существенно, реально лишь то, что сакрализовано, а сакрализовано лишь то, что составляет часть космоса, выводимо из него, причастно к нему. Только в сакрализованном мире известны правила его организации, относящиеся к структуре пространства и времени. Вне его - хаос, царство случайностей»¹.

Организация пространства в древних обществах всегда является сложной сакрализованной системой. Раннее японское государство VII-X вв., которое принято называть «государством Рицуру» («государство, основанное на законах») не является исключением.

VII - VIII вв. - время создания централизованного государства по китайскому образцу. Китайским моделям следовали во всех областях государственной жизни: идеологии, административном делении, системе землепользования, структуре чиновничества, архитектуре, делопроизводстве и т.д. Одной из главных задач молодого государства было создание условий для контроля над всей территорией страны, для чего вводилось административное деление и сеть дорог, соединявших столицу с основными регионами. Основными его элементами являлись центральная (столичная) область (утицукуни, кинай), области (до), провинции (куни), уезды (гун) и сёла (сато).

Слово «утицукуни» (японское прочтение слова «кинай»), обозначающее Внутреннюю, или центральную (столичную), область, встречается в описаниях правлений полулегендарных государей Судзин (97 до н.э. - 30 н.э.), Кэйко (71-130), Сэйму (131-190), Нинтоку (313-390), Кэйтай (507-531), причём только в описании правления государя Нинтоку оно упоминается в контексте противопоставления «внутренних» и «внешних» земель (кигэ).

В указе о реформах 646 г. в «Нихон сёки» определены границы центральной области: «Внутренние провинции имеют границами: к востоку от реки Ёкакава в Набари, к югу от горы Сэнояма в Кии, к западу от Кусифути в Акаси, к северу от горы Апусакаяма в Сасанами, что в Оми»².

Локализация границ «внутренних земель» была проведена К.А.Поповым: «...Она проходит преимущественно по речным долинам: совр. р. Ки (на берегу которой находится гора Сэ) - на юге, реки Уда (древняя р. Ёко) и Набари - на северо-востоке, р. Удзи и южная часть оз. Бива (где расположена гора Афусака) - на севере и бассейн реки Ёдо - на западе. В общем это были бассейны рек Ёдо и Ки с их притоками»³.

После указа, определяющего границы центральной области, частота упоминания её хроникой «Нихон сёки» возрастает почти в 5 раз, особенно в правления «государей-строителей»: при Котоку (645-654) - 6, при Тэмму (673-686) - 9, при Дзито (690-697) - 12.

Почти идентичный китайской столичной области, статус Внутренней области Кинай предполагал: 1) введение особого рассмотрения дел гражданской администрации; 2) военное укрепление района; 3) существование тяжелой отработочной повинности по строительству столицы, дворцов и для организации «высочайших выездов» государя; 4) нахождение там пахотных земель, где выращивали рис для государя; 5) существование системы посланцев, инспектирующих провинции, хотя за пределами Кинай службу несли управители провинций; 6) проведение там общегосударственных молений о дожде и других важнейших церемоний и ритуалов; 7) деление на «сакральную столицу» и «внешние земли»⁴.

Количество провинций, входящих в область Кинай, менялось. Сначала в системе административно-территориального деления «провинция-уезд» территорию Кинай составляли 4 провинции: Ямато, Сэтцу, Кавати и Ямасиро. В 716 г. были выделены три уезда провинции Кавати и образован «особый район Идзуими» - Идзуими-но цукаса. В 740 г. была выделена часть провинции Ямато и учрежден самостоятельный «особый район Ёсино» - Ёсино-но цукаса. В 740 г. они были упразднены, а в 757 г. образована отдельная провинция Идзуими. С этого времени Кинай стал включать 5 провинций и получил название «Пять провинций центрального округа» (Гокинай).

Как отмечают японские исследователи, несмотря на то, что система административно-территориального деления была заимствована из Китая, в Японии она приобрела определенную специфику. Так, если в Китае это понятие подразумевало столичную область, то в Японии столицы (резиденции императора) иногда размещались за пределами области (например, в Оцу в провинции Оми в 667 г.⁵), однако особая значимость области от перемещения столицы не менялась. Представляется справедливым утверждение, что область Кинай определяла границы территориально-го проживания главных аристократических родов (тюо сидзоку), властные полномочия которых сформировались еще до эпохи Рицуру, что придавало Кинай особое значение в административно-территори-

альной системе⁶. Таким образом, можно с достаточной уверенностью утверждать, что район Кинай являлся административным и сакральным центром молодого государства.

Все земли за пределами Внутренней области были разделены на 7 до - областей. И тогда вся территория страны стала обозначаться как «Кинай и 7 областей до» (Киситидо). В этом территориальном делении Кинай был центром⁷.

Однако законодательные своды не дают оснований говорить о том, что уже в первой половине VIII в. официально сформулированное административное деление существовало на всей территории государства в полном объеме. Так, все 7 до - «дорог-областей» (основным значением слова «до» является «дорога») в тексте законодательства упоминаются лишь один раз в разделе «Формы официальной документации» в статье 51 о лошадях для почтовых курьеров, где определены границы, до которых обязаны предоставлять казенных курьерских лошадей для провинциальных посланцев в столицу (за пределами указанных границ эта обязанность ложилась на управления провинций). В этом упоминании речь идет о до - «дорогах», а не «областях».

Как уже говорилось, система дорог, соединявших центральную область с основными регионами архипелага, была создана в эпоху Нара. Названия дорог и областей совпадают, хотя окончательные границы областей, вероятно, были определены только в X в. в «Энгисики», когда были впервые названы провинции, входящие в их состав⁸.

В «Рицуруё» 7 дорог, соединяющие центр с регионами, определены буквально следующим образом: «Посланцам провинций в столицу предоставлять почтовых [казенных] лошадей на дороге Токайдо - восточнее холмов [горы между Суруга и Сагами], на Тосандо - восточнее гор [горы между Синано и Кодзукэ], на Хокурикудо - севернее переправы Каму [переправа между Этту и Этиго], на Санъиндо - до Идзумо [дорога из столицы на север в сторону Идзумо], на Санъёдо - западнее Аки, на Нанкайдо - в Тоса и других провинциях, и на всей Сайкайдо. В остальных случаях использовать лошадей каждой провинции»⁹.

Таким образом, центром «государственной» разметки пространства был Кинай, от которого исходило 6 лучей: Токайдо, Тосандо и Хокурикудо на северо-востоке и Санъиндо, Санъёдо, Нанкайдо на юго-западе. В «Нихон сёки» упоминаний «дорог/областей» в сравнении с упоминаниями центра мало, и они указывают скорее направления, чем территории, в то время как в хронике «Сёку никонги» (797 г.) возрастает частота упоминаний всех «дорог/областей», меняется и их количественное соотношение с центром¹⁰.

Хотелось бы подчеркнуть, что в хрониках отражен не только процесс оформления территориальной, но и ориентационной системы, в которой определяющими были восточное направление и ориентация по оси

восток-запад, а северное и южное направления были не столь значимы.

«Современным людям трудно представить себе, какое значение имела для древнего человека ориентация в пространстве. Быть структурно связанным с этим пространством значило для него пребывать в безопасности, в состоянии устойчивости, подобно всему космосу. Изоморфизм (говоря современным языком) человека, вещи пространству мира служил гарантией благополучия»¹¹.

Стороны света издревле играли главную роль в создании системы координат, помогали человеку определять свое место в пространстве. Основой для этого чаще всего служило движение солнца по небесному склону. Ось, образованная между двумя относительно фиксированными точками - восходом и закатом солнца, образовывала самую распространенную ориентационную опору. Картина мира древнего человека складывалась из нескольких важных взаимообусловленных аспектов - космического (астрономического), географического, религиозно-мифологического и личного восприятия. Ориентация по сторонам света, помимо своего практического значения (в передвижениях, войне, охоте), имела и сакральный смысл¹².

В «Нихон сёки» и «Сёку никонги» упоминается восточное направление - Токайдо (8 раз) и Тосандо (69 раз), западное - Санъиндо (2) и Санъёдо (44), север - 0 и 19 (Хокурикудо) раз, юг - 1 и 22 (Нанкайдо) раза.

Область	Нихон сёки	Сёку никонги
Кинай	34	23
Токайдо	3	35
Тосандо	5	34
Хокурикудо	0	19
Санъиндо	1	20
Санъёдо	1	24
Нанкайдо	1	22
Сайкайдо	0	29

Первоначально западное направление, видимо, ассоциировалось с Санъин и Санъё, показывая, как и на востоке, не точку, а линию горизонта. Остров Цукуси¹³, впоследствии получивший название округа «Сайкай», сохранил внутри себя иную ориентацию, центром которой была северная часть острова, где располагалось главное управление области (Дадзайбу). Ориентационная система север-юг на южном острове, сохранившаяся и в X в., видимо, свидетельствует о более сильном влиянии материковых представлений, а также о «самостоятельности» региона¹⁴, хотя со временем Сайкай явился как бы продолжением «сливающихся» на юго-западной оконечности острова Хонсю округов Санъиндо и Санъёдо.

Графически «лучи» до - «дорог» образуют шестиконечный косой крест. «В числе древних графем есть такие, которые читаются как «шесть сторон света»... Солнце восходит не точно на востоке и западе, а в

довольно широких пределах восточной и западной сторон горизонта. Если отметить на горизонте крайние точки восхода и захода солнца, а именно восход и заход в дни летнего и зимнего солнцестояния, то эти четыре направления вместе с направлениями на север и юг, разделят окружность горизонта на шесть примерно равных частей¹⁵.

Как в «Маньёсю», так и в «Нихон сёки», встречаются свидетельства, указывающие на структурирование пространства по сторонам света.

К правлению государя Сэйму (131-190), считающегося главным территориально-административным устроителем японского государства¹⁶, относится указ о территориальном делении, в основу которого положена система ориентации: «...И вот, провели границы по горам и рекам, разделяя провинции и большие села, [территории] деревень определили в соответствии с [дорогами, идущими] вдоль и поперек. И тогда восток и запад стали считаться «вертикалью солнца» (хи-но татэ), юг и север - «горизонталью солнца» (хи-но ёко); [южная, солнечная] сторона гор, на которую приходится солнце, соответствующая началу Ё [кит. Ян], стала называться «личиной света» (кагэтому), а [северная, теневая] сторона гор, на которую приходится тень, соответствующая началу Ин [кит. Инь], стала именоваться «личиной спины» (сотомо)¹⁷. Этот пример иллюстрирует процесс осмыслиения и оформления ориентационных представлений в терминах китайской философии. Однако, думается, что в заимствованную оболочку стремились поместить и автохтонные представления.

Лингвистический анализ понятий «хи-но татэ», «хи-но ёко», «сотомо», «кагэтому» подробнейшим образом проведен японским учёным Оба Ивао¹⁸. Разбирая ориентиры в песне «Маньёсю»¹⁹, он указывает, что относительно столицы Фудзивара горы Кагуяма и Унэби располагались не строго на востоке и западе, а в точках восхода и захода солнца во время зимнего солнцестояния. Оба подчеркивает, что для древних японцев направления восхода и захода солнца означали восток и запад, и главными были точки летнего и зимнего солнцестояния. Таким образом, понятия восток и запад представляли не строго определенные точки, а линии горизонта восхода и захода солнца на протяжении года. Это положение подтверждается удвоением востока (Токай, Тосан) и запада (Санъин, Санъё) в рассматриваемой нами системе.

Членение пространства на центральную область Кинай и 7 до, представляющее собой косой крест, подчёркивает идею центра и основных направлений, ведущих от центра. Крест символизировал упорядоченность пространства, указывая четыре стороны света²⁰, а «центр соотносится с сакрально-политическим фокусом мирового пространства, персонифицированным правителем, и ассоциируется прежде всего с царской резиденцией и столицей»²¹. Однако если китайская модель делила пространство на 5 частей (5 элементов),

Сайкайдо: гора - Санъиндо:
запад - Санъёдо: Кинай
юг - Нанкайдо:

север - Хокурикудо:
восток - То:сандо:
восток - То:кайдо:

то восьмеричное деление (Кинай и 7 до), имеющее в основе **шестиконечный крест**, вероятнее всего, являлся автохтонным.

Идея креста/перекрестья была очень сильна в японской культуре с древних времен, что нашло выражение как в почитаемых там божествах, так и в комплексе магических обрядов на перекрестье дорог. В молитвословиях норито упоминаются три божества путей: Мити-но ками (Божество путей), Ятимата-хико (Юноша восьми перекрестков) и Ятимата-химэ (Дева восьми перекрестков). Полагают, что эти божества охраняли путников, а также границы дома (в самом широком смысле) и пути, ведущие к нему. Во время праздника Митиаз-но мацури («Праздник пиротов на дорогах») жертвенные подношения делались на скрещении четырех дорог вокруг столицы. Существование пары божеств с одинаковыми функциями удваивает, усиливает магическую силу, что указывает на значение понятия перекрестья в ранней культуре Японии. Божество перекрестков Тимата-но ками встречается в «Кодзики» в цикле мифов о божестве Оокунинуси, что может свидетельствовать о древности, возможно, автохтонности понятия креста. В «Маньёсю» воспевается магическая сила перекрестья дорог, где совершались гадания. Так, в песне 736 говорится: «Гадал у перекрестка на слова». Или в песне 2506: «Здесь у перекрестка множества дорог, // Где решает дело сила слов, // Я гадаю нынче ввечеру». Как отмечает В.Н. Топоров, магия «перекрестья или креста» встречается во многих культурах и является отражением солнечного знака, воловьей упряжки или огнива²².

Предком божеств дорог и их перекрестьй считался Сарута-хико-ооками, занимавший высокое положение в общегосударственном пантеоне, что, вероятно, объясняется большой магической силой, которой он обладал, его ролью посредника между Небесными и Земными богами. В описании его облика подчёркиваются блеск и красный цвет, его глаза уподобляются зеркалам - всё это свидетельствует о его магической силе и связи с Солнцем. Мацува Таксэи полагает, что до того, как Аматэрасу стали почитать как богиню-предка императорского рода в Исэ, там располагалось святилище божеств Солнца. Сарута-хико был одним из них²³. Наделение древнего солнечного божества функциями божества перекрестья дорог еще бо-

лее акцентирует идею перекрестья-креста в японской культуре²⁴.

Древняя ориентационная система, которая проявляется в раннем административном делении, продолжала существовать и в X в. Так, в «Энгисики» в норито «На-но мацури-но котоба» («Слова во время ритуала изгнания демонов болезней») называются «оконечности» японского государства: на востоке - Митиноку (северо-восток острова Хонсю), на западе - Вотика (острова Гото у восточного побережья Кюсю), на юге - Тоса (провинция на юге острова Сикоку), на севере - Садо (остров в Японском море у северо-западного побережья острова Хонсю)²⁵. Мы видим, что крест утратил два луча, но порядок перечисления границ страны свидетельствует о сохранении прежней ориентации (главная ось проходит с востока на запад). При этом за пределами «видимости» оставалась та часть Хонсю, которая была расположена севернее острова Садо, и расположенная южнее острова Сикоку часть острова Кюсю. Видимо, ко времени составления данного норито эти части архипелага ещё не были полностью освоены (практически и символически)²⁶.

Важное значение подобного деления подтверждает и перечисление провинций в «Энгисики», когда после провинций Кинай первыми перечисляются провинции областей Токайдо, Тосандо, Хокурикудо - с востока на запад; затем Санъиндо, Санъёдо, Нанкайдо - с запада на восток²⁷. Вновь особняком оказывается область Сайкайдо - остров Кюсю, которая и в ориентационной системе «Куни-но мияцуко хонги»²⁸ также представляет собой пространство с самостоятельным центром²⁹.

Таким образом, вероятно, можно говорить о том, что в VIII в. 6 дорог, ведущих от центра, образующих косой крест, были не просто коммуникационной системой, но и системой координат, помогающей ориентации как в реальном, так и в символическом пространстве.

Для древнего и раннесредневекового периода Японии характерны словесные, литературные описания, а не графические изображения территорий и ландшафтов³⁰. Однако уже в «Нихон сёки» есть некоторые сведения, позволяющие полагать, что составители хроники были знакомы с трудами китайских географов. Это и упоминания о китайских картах и книгах по географии, которые попали на японские острова в общем массиве текстов с материка³¹, и упоминания о том, что японцы сами составляли или пытались составлять карты отдельных местностей архипелага³². В распоряжении Дадёканы от 814 г.³³, приведенном в «Райдзю сандайкяку»³⁴, есть отсылка к указу 738 г.³⁵ о том, что необходимо составить карты всех провинций государства. Сам текст указа в источниках не обнаруживается, хотя в «Сёку никонги» включено напоминание от 738 г.³⁶ о том, что необходимо составить карты всех провинций и уездов. В хронике «Нихон коки» под 796 г.³⁷ даны более чёткие требования: кар-

ты должны включать все провинции, уезды, большие сёла, расстояния до близких и дальних почтовых дворов, формы знаменитых гор и больших рек. Все это - свидетельство того, что процесс составления карт шёл очень медленно, если вообще шёл. Однако для нашего исследования важно, что в Японии VII-VIII вв. были известны достижения китайских географов и делались попытки, или, во всяком случае, было стремление, воспользоваться ими.

В основе картографической ориентации до «дорог-областей» может лежать та система координат, которую применяли китайские географы. «В Восточном Китае, в котором географические исследования производились довольно широко уже в раннем периоде, главные хребты простираются преимущественно меридионально, а основные реки текут с запада на восток. Это обстоятельство позволяло определить местонахождение любого объекта относительно естественных, объективно существующих на местности осей координат - главных хребтов и основных рек»³⁸. Если использовать данную систему координат и наложить её на японский архипелаг, на котором горные хребты простираются с востока на запад, а реки, в основном, текут по оси север-юг мы получим сетку диагональную, т.е. имеющую в основе косой крест, образованный дорогами из центра. Стоящий особняком Сайкайдо вполне укладывается в предлагаемую систему, поскольку горные хребты на острове Кюсю расположены с севера на юг.

Иероглифическое использование обозначений сторон света, гор, морей в названии «дорог-областей», вероятно, до некоторой степени соотносимо с китайским классическим географическим сочинением «Шань хай цзин», которое, как и районные географические описания, процветавшие в эпоху Шести царств, оказали большое влияние на формирование географической мысли в Японии³⁹. Однако ориентационная система демонстрирует, что, хотя и были использованы формы материковых представлений, но составили её содержание собственные «островные ориентиры». Это и основная ось ориентации Восток - Запад (в Китае - Север - Юг); нумерологически восьмичленная, в отличие от пятичленной китайской, и «подвижная по линии горизонта» (восход/заход солнца на протяжении года), в отличие от точечной - Полярная звезда, структура.

Как уже отмечалось, главным было восточное направление - восход Солнца, так называемая «солярная ориентация»; это направление в данной модели не

только удвоено, но и вмещает как бы все возможные представления о пространстве («гора + море» в интерпретации китайской географии и философии). Западное направление образовано теми же пространственными понятиями «горы», но более сложно оформлено через «слияние» двух ее проявлений - Инь-Ян и «моря». «При существовании различных вариантов сакральной и бытовой ориентации, т.е. при предпочтении одной из сторон света как особенно сакральной, в большинстве культур таковыми оказываются восток и юг. Восток выступает в качестве сакральной стороны у большинства индоевропейских, семитских и тюркских народов; в определенной степени священной она оставалась и для всех прочих древних обществ, ибо на Востоке вставало Солнце, почитаемое другими народами»⁴⁰. В китайской традиции солярная ориентация представлена в космологических моделях южного и восточного Китая, где сакральной частью света, связанной с бессмертием, полагался Восток (место обитания бессмертных - сяней) и Запад (место расположения волшебных гор Куньлунь)⁴¹.

На превалирование солярной ориентации в японской пространственной модели обращают внимание многие исследователи. В работах японских учёных подчеркивается деление архипелага на Восток и Запад, указываются существенные отличия Восточной и Западной Японии (этнические, лингвистические, культурные и хозяйствственные). Исследовав топонимы, обозначающие восток, запад, север и юг, Мураи Сёсукэ пришел к выводу, что в исторических источниках X-XV вв. географические названия, коррелирующие с северной и южной границами государства (остров Садо, Кумано или Тоса), встречаются крайне редко, что господствовало представление, о том, что окраины государства расположены на востоке и западе⁴². Амино Ёсихико, рассматривая историю Японии через развитие восточной и западной её частей, пишет, что, если в периоды палеолита и неолита (Дзёмон) Восток был передовым районом, то пришедшая с Корейского полуострова культура Яёи, основанная на поливном рисосеянии и обработке металла, на долгое время определила уровень развития различных частей архипелага. Запад превратился в передовой район, восток - в отсталый, остров Хоккайдо, сохранивший культуру дзёмон, навсегда выпал из зоны развития японской культуры, а на Окинаве возникла специфическая «культура южных островов». Подробно исследуя особенности исторического развития районов, он подчёркивает, что на протяжении III-X вв. и в западной, и в восточной Японии морские средства коммуникации играли очень большую роль⁴³. В ранних письменных памятниках содержится множество описаний пути по морю (хорографий), наиболее ярким примером является дорога из Ямато на материк⁴⁴. Однако передвижение на восток также осуществлялось в значительной части по воде. Из столичной области до провинции Суруга, вероятно, добира-

лись суходутными путями, но потом пересаживались на корабли и двигались морем вдоль побережья до Симоцуку⁴⁵. Примерно то же самое можно сказать и о северо-западе, когда, добравшись до провинции Этидзэн, часто также водным путем по озеру Бива, путешественники вновь пересаживались на корабли и двигались вдоль побережья до провинции Этто.

Ориентационная система существовала на японских островах издавна, без неё жители архипелага не могли бы охотиться, плавать по внутреннему морю, передвигаться по архипелагу, но оформлена она была лишь в VII-VIII вв. в категориях китайской философии и картографии. В этом проявился, свойственный японской культуре, уже вполне сложившийся к этому времени механизм заимствований, когда в иноземной культуре выбиралось явление или представление, наиболее соответствующее собственным понятиям, и часто адаптировалось (материковая форма наполнялась автохтонным содержанием).

Примечания

- ¹ Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний. // Труды по знаковым системам VI. Тарту. 1973. С. 114.
- ² Нихон сёки. Анналы Японии. СПб., «Гиперион», 1997. Т. 2, с. 148.
- ³ Попов К.А. Законодательные акты средневековой Японии. М. 1984, с. 61-64.
- ⁴ Нисимото Масахиро. Кинайсэй-но кисотэки косяцу («Фундаментальное исследование системы Кинай»). // «Сигаку дзасси». 1984. Г. 93, №1, с. 52-53.
- ⁵ Государ. Энти перенёс столицу в провинцию Оми в условиях возможной агрессии с материка.
- ⁶ Коокуси дайдзитэн («Большой словарь национальной истории»). Т. 4, с. 172.
- ⁷ Коокуси дайдзитэн. Токио, «Ёсикава кобункан». 1984. Т. 4, с. 172.
- ⁸ Энисики. Токио. Ёсикава кобункан. 1999. Т. 2, с. 559-567. В квадратных скобках детализируются границы, согласно примечаниям.
- ⁹ Рицурё. Токио, «Иванами сётэн», 1994, с. 395.
- ¹⁰ Государ. Сусон. [589 г.] 2-7-1. Апуми-но Оми Миту был послан в Яма-но Мити для проверки границы с землей Эмиси. Сисипито-но Оми Кари послан в Умиту Мити для проверки границ земель, прилегающих к Восточному морю. Ап-но Оми послан в Куруга-но Мити для проверки границ с Коси и другими землями. Государ. Тэмму. [685] 14-7-27. Государь рек: «Во всех провинциях к востоку от Мино в Тосандо и к востоку от Исе в Токайдо все те, кто обладают рангом, освобождаются от трудовой повинности».
- ¹¹ [685] 14-9-15. Туно-но Асоми Усикани, ранг дзики, 4-я широкая степень, назначен послом в [район] Токай. Исиакана-но Асоми Мусина, ранг дзики, 4-я широкая степень, назначен послом в [район] Токсан. Сами-но Асоми Сукунамаро, ранг дзики, 4-я широкая степень, назначен послом в [район] Санъё. Косэ-но Асоми Апамоти ранг дзики, 4-я широкая степень, назначен послом в [район] Санъин. Митино Матито Томи, ранг дзики, 3-я широкая степень, назначен послом в [район] Нанкай. Сапэки-но Сукунэ Пиротари, ранг дзики, 4-я широкая степень, назначен послом на Тукуси. Каждый из них взял в поездку для осмотра [районов] одного судью, одного писца, управителей про-

- винций, управителей уездов, крестьян.
- ¹¹ Антонова Е.В. Очерки культуры ранних земледельцев Передней и Средней Азии: опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984, с. 61.
- ¹² Подосинов А.В. Ex Oriente Lux! М., 1999, с. 18-21.
- ¹³ См.: [685] 14.9-15.
- ¹⁴ Simonova-Gudzenko E. «Kuni-no miyatsuko hongi». // International Conference «Japan Phenomenon: Views From Europe». М., 2001, р. 191.
- ¹⁵ Голан А. Миц символ. М., «Русслит», 1993, с. 150.
- ¹⁶ В «Куни-но мияцуко хонги» география назначений куни-но мияцуко - «управителей провинций» в правление государя Сэйму охватывает земли северной части острова Кюсю, восточного побережья Сикоку, части северо-восточного побережья и побережье Внутреннего японского моря, образуя морскую границу государства; сухопутная же проходила по северной границе земли Митиноку, на юге - Цукуси и Тёкёну. Подробно см.: Синто. Путь японских богов. СПб., 2001. Т. 2, с. 112-127.
- ¹⁷ Нихон сёки, 7-5-9.
- ¹⁸ Оба Ивао. Аматэрасу омиками то дзэмпо коэнфун-но надзо («Великая богиня Аматэрасу и загадка кругло-квадратных курганов»). Токио, «Рокко», 1983. Цит. по: Palmer Edwin. Land of the Rising Sun. The Predominant East-West Axis among the Early Japanese. // «Monumenta Nipponica», 46:1, spring 1991, р. 78-80.
- ¹⁹ «...На востоке у ворот, // Где восходит солнца свет, // Где Ямато - милый край // Там в лазурь пред тобой // В зелени густой листвы // Подымается гора, // То гора Кагуяма, // Что зовут горой весны. // А у западных ворот, // Где заходит солнца свет, // Свежей зелени полна // Встала Унэби-гора, // Величаво, гордо ввысь // Подымается она, // И зовет ее народ: // «Юной прелести гора!» // А у ближних к ней ворот, // Там, где севера страна // Миминаси поднялась. // Вся в зеленых камышах, // Красотой лаская взор, // Божеством встает средь гор! // А на юге у ворот, // Там, где солнца сторона, // Нежной прелести полна // Встала Есину - гора!» (№ 52)
- ²⁰ Шовенг цзецизы («Словарь толkующий письмена и иероглифы»). Пекин, 1990, с. 50. Цит. по: Зиновьев Г.В. О категории «талант» в китайской традиции // «Вестник МГУ. Серия 13». М., 2001, с. 38.
- ²¹ Кравцова М.Е. Поззия вечного просвещения... СПб., «Наука», 2001, с. 138-139.
- ²² Миры народов мира. Т.2, с. 12.
- ²³ Matsumae Takeshi. Origin and Growth of the Worship of Amaterasu. // «Asian Folklore Studies». Nagoya, Vol. XXXVIII-I. 1978, р. 4-5.
- ²⁴ Существуют и иные толкования функций божества. Так, Юдаса Ясуо, проанализировав передвижения Сарута-хико, считает, что это было звездное божество, связанное со звездой Антарес, визуальная величина которой изменчива. Этим он объясняет и блеск, и красный цвет, и страх, связанный с культом (Ками гами-но тандзё («Рождение божества»). Токио, «Ибунся», 1984, с. 134-136).
- ²⁵ Норито. Сэммё. С. 131.
- ²⁶ Kazutaka Unno. Cartography in Japan. Р. 366.
- ²⁷ Энгисики. Токио, «Ёсакава кобункан», 1999. Т.2, с. 559-567.
- ²⁸ «Описание управителей областей» составляют 10-й, заключительный свиток «Сэндай кудзихонги» («Основные записи о действиях прошлых эпох»). Составлен в 823-936 гг. Текст представляет собой список назначений управителей провинций в раннем японском государстве. Перевод и статью о памятнике см.: Синто. Путь японских богов. СПб., 2002, с. 101-127.
- ²⁹ Подробно см.: Синто. Путь японских богов. Т. 2, с. 191.
- ³⁰ Для западноевропейской традиции, синхронной по времени, также было характерно словесное описание, а карты появились лишь к XV в. «...В течение всего Средневековья, начиная с каро-
- линских «полиптиков» и кончая «свидетельствами и переписями» XV века, в документах, имевших юридическую силу, даже наиболее сложные территориальные вопросы разбирались посредством словесного описания. Сегодня для того, чтобы хорошо их понять, мы в первую очередь стараемся соотнести их данные с картой; но ни к одному из этих текстов вплоть до XV века не прилагались ни карты, ни планы». Эдмон Понсон. Повседневная жизнь Европы в 1000 году. М., «Молодая гвардия», 1999, с. 59-60.
- ³¹ После поражения ван Силла выразил свое подчинение: «Зимой, в день Каното-но уси 10-го месяца... И он поднял белое знамя и сдался сам, связав себе белым шнуром руки сзади за спиной, запечатав карты и посемейные регистры и пришел к ладье государыни и склонился перед нею. И бия головой [об землю], сказал: «Отныне и вперед я тебе буду служить так долго, как [долго] существуют Небо-Земля, и стану твоим конюшим...» (Нихон сёки. Т. 1, с. 269).
- Государыня Суйко (592-628). «Зима, 10-я луна. Прибыл монах из Пэкче по имени Квангван. Он преподнес книги по календарю, астрономии, географии, а также книги по искусству становиться невидимым и по магии. В это время были выбраны три или четыре ученика, которые стали учиться у Квангвана. Тамануру, предок Яю-но Пубито, изучал календарь. Опотомо-но Сугури Котокуцу учился астрономии и искусству становиться невидимым. Ямасиро-но Оми Питатэ учился магии. Все они учились с щадением» (Нихон сёки. Т. 2, с. 93).
- ³² [681 г.] 10-7, доп - 20. «Послы, отправленные на остров Танз, доставили карту страны Танз. Эта страна находится более, чем в 5000 ри от столицы. Она лежит в море к югу от Токуси. Там обрезают волосы и носят одежду из травы. Урожай риса там всегда обильны. Сеют один раз, а жнут два раза. Там производят краску и выращивают ситник развесистый. Продуктов моря добывают много и разных».
- [684 г.] 13-2-28. «В этот день принц Мино и Унэмэ-но Оми Токура были посланы в Синано для осмотра местности, и было решено строить столицу там».
- 4 доп-11. «Принц Мино и иже с ним представили карту провинции Синано».
- ³³ Конин, 5-6-23.
- ³⁴ «Классифицированное собрание законов трёх эпох» включало законы периодов Конин (810-824), Дзёган (859-877) и Энги (901-923). Составлен в 80-90 гг. XI в., состоит из 30 свитков.
- ³⁵ Тэмпэ, 10-5-28.
- ³⁶ Тэмпэ, 10-8-26.
- ³⁷ Энряку, 15-8-21.
- ³⁸ Масиброда В.Е. Из истории китайской картографии. // «Вопросы географии». М., 1958. Сб. 42, с. 180.
- ³⁹ The Cambridge History of Japan. Vol. 1, ed. by Delmer M. Brown. Cambridge University Press, 1993, p. 469-470.
- ⁴⁰ Подосинов А.В. Ex Oriente Lux! С. 640.
- ⁴¹ Кравцова М.Е. Поззия вечного просвещения. С. 138.
- ⁴² Murai Shosuke. The Boundaries of Medieval Japan. // «Acta Asiatica», 81. Tokyo, «Toho Gakkai», 2001, p. 72.
- ⁴³ Амино Ёсихико. Хиаси то Ниси-но катару нихон-но рэксис («История Японии, рассказанная Востоком и Западом»). Токио, «Коданся», 1999, с. 61-82.
- ⁴⁴ Симонова-Гудценко Е.К. Особенности восприятия пространства в эпоху «Манъёсю» // История и культура Японии. М., 2001, с. 112-113.
- ⁴⁵ «Манъёсю». П. 1780.

СУКИЯКИ

Сегодня, когда японская кулинария, потеснив китайскую и итальянскую, триумфально завоевала западный мир, думается, стоит расширить и наши представления, часто ограниченные лишь знанием суши/сасими.

Принято думать, что в японской национальной кухне почти отсутствует мясо. Но это не совсем так. Японская поэзия, художественная и историческая проза донесли до нас свидетельства охоты на зайца, оленя, кабана, мясо которых употреблялось в пищу. Известно также, что в древности местным синтоистским божествам в качестве жертвоприношений приносили тонкие полоски вяленого мяса. Конечно, мяса в Японии ели намного меньше по сравнению, например, с позднесредневековой Европой, где оно составляло основу диеты. Но все же, нельзя сказать, что оно всегда полностью отсутствовало в рационе японцев.

Если посмотреть кулинарные книги Франции или другой европейской страны, то, при всем разнообразии используемых продуктов, бросается в глаза преобладание блюд из мяса и дичи. Мясное жаркое было обязательным (кроме постных дней) среди нескольких перемен во время обеда. Именно поэтому европейцы, попавшие в Японию в XIX в., обратили такое большое внимание на *сукияки*. Может быть, поэтому нежный вкус и тонкий аромат блюда был оценен на Международной кулинарной выставке в Женеве, где ему была присвоена золотая медаль. И все-таки, до «обновления Мэйдзи» в японском обществе было распространено неприятие мясных блюд, что было связано с буддийскими запретами.

Говорят, что название *сукияки* происходит от обычая, когда крестьяне жарили (*яку*) мясо на лопате или на лемехе плуга (*сукি*). Со временем блюдо усложнилось, и в него стало входить не только мясо, но и набор грибов и овощей, а мясо дичи заменили говядиной.

В японском толковом словаре говорится, что *сукияки* - это мясо или дичь, приготовленное вместе с тофу (соевый творог) и овощами как *набэмоно*. *Набэмоно* - «блюдо в кастрюле» - готовится непосредственно на столе перед гостями. Сегодня такой тип приготовления пищи принято называть «здоровым питанием». Набэмоно различаются способом приготовления: жарка - *сукияки*, варение - *мидзутиакэ*. Если первый способ широко известен и на Западе, то второй популярен на японских островах. На середину стола ставится глубокая сковорода на горелке (ныне ее может заменять электрическая сковорода). Необходимые ингредиенты режутся и красиво раскладываются на большом керамическом или деревянном блюде и также подаются на стол. Подобный тип трапезы привлекателен тем, что и гости, и хозяева одинаково увлечены приготовлением блюда. Кроме того, вы получаете свою еду индивидуального приготовления с пылу-с жару. Особенно приятно собраться в хорошей компании вокруг ароматно пахнущей и пышащей жаром сковороды в холодное время года.

Одно из лучших описаний сукияки в русской литературе можно найти в воспоминаниях советских писателей, командированных в послевоенную Японию. Какое внимание придавал кулинарному искусству один из участников поездки, Константин Симонов, очень точно сформулировал Б.Н. Агапов, корреспондент газеты «Известия». Он писал: «На столе дымится похлебка - волшебно-ароматическое творение симоновского искусства. Он всегда весело гордится своим чревоугодием, и всюду, куда бы ни бросала его судьба, пополняет и без того обширную кулинарную эрудицию». В поездке по Японии К. Симонов также обратил внимание не только на архитектуру, искусство, театр, литературу, чему посвящены «Рассказы о японском искусстве», но и на кулинарию. Пожалуй, наиболее сильное вкусовое впечатление на него произвело именно *сукияки*. С первых дней поездки он «был одержим яростным желанием попробовать [сукияки]», о котором ему много говорили, но которого, «несмотря на все свое чревоугодие», он не успел попробовать. Но потом чревоугодное счастье все-таки улыбнулось ему. «Ели японский обед; ры-

бу одну, рыбу другую, рыбу третью, наконец сукияки, которое, как я уже успел заметить, является своего рода экспортным блюдом. Японцы, когда собираются одни, едят его довольно редко. Во всяком случае, сейчас». Это блюдо ему настолько понравилось, что при возвращении, когда делегация переправлялась на военном корабле из Токио во Владивосток, «вечером Симонов пригласил нас на сукияки собственного приготовления» (Б.Н. Агапов).

В японских дневниках К.М. Симонова есть замечательное описание сукияки:

«Началось сукияки. Так как все равно надо где-то описывать, что такое сукияки, то опишу это здесь.

На жаровню, стоявшую посередине стола, была поставлена сковородка. Жена Хидзикаты¹ внесла большую плоскую плетенную корзину, в которой во всей красе своей натуральности лежали куски струганной морковки, толстые куски зеленого лука, крупные куски нарезанной редиски и еще несколько сортов разных непонятных нам овощей, тоже нарезанных кусками. Она взяла понемножку каждого из овощей и положила в кипящую жидкость на сковородку. Потом была внесена большая миска, обложенная зелеными листьями, на которой лежало нарезанное тонкими длинными кусками мясо. Это мясо клались поверх овощей все в ту же кипящую жидкость. Потом были принесены яйца и чашки, похожие на наши среднеазиатские пиалы.

Следуя примеру хозяйки, мы разбили по яйцу и вылили их каждый в свою чашку, размешав. Теперь нам осталось вооружиться палочками и есть сукияки. Мы брали палочками с кипящей сковородки куски мяса, окунали их в яйцо и отправляли в рот. То же самое мы делали и с овощами. Все это было необычайно вкусно, остро, а главное, это была предельно натуральная, какая-то наглядная еда: и корзина с нарезанными овощами, и куски мяса, обложенные зеленью, и шипящая жаровня - все это было очень красиво; добавок жидкость на сковороде шипела так, что мне, когда я один раз отвернулся и забыл об этом, показалось даже, что идет дождь».²

Очень поэтично, не правда ли? Писатель он на то и писатель, чтобы суметь перевести наши вкусовые ощущения в настоящее произведение искусства.

Сегодня существует несколько рецептов приготовления сукияки, вот один из наиболее распространенных:

Сукияки из говядины.

Для приготовления необходимо:

100 мл (1/2 стакана) соевого соуса;

225 мл (стакан) воды или бульона (лучше свежесва-

реного, но лентяям можно использовать и бульонный кубик);

3 столовые ложки сахара;

2 столовые ложки мирина (японский уксус), который можно заменить сухим белым вином или сухим шерри;

450 г вырезки, порезанной тонкими пластинами (идеально использовать так называемое «мраморное» мясо - говядина с очень тонкими прожилками жира, но и наша обычная вырезка очень даже годится);

1 большая луковица, разрезанная пополам и на куски;

6 стеблей зеленого молодого лука, порезанных на куски 3-4 см;

225 г порезанных грибов (ситтакэ, но можно шампиньоны или даже вульгарные сыройки);

225 г шпината, порезанного на 3-4 части;

225 г китайской капусты, порезанной на толстые куски 1,5-2 см;

175 г тофу (продается в крупных супермаркетах), порезанного на куски по 2-3 см;

4 столовые ложки растительного масла;

4 яйца.

Как следует смешайте первые четыре компонента и вылейте в миску или в ковш. Остальные продукты (кроме, естественно, растительного масла) красиво разложите на блюдах и поставьте на стол. Положите масло в сковороду и раскалите её. Затем обжарьте с обеих сторон половину имеющегося мяса. Отодвиньте его в сторону и слегка обжарьте половину репчатого и зеленого лука, затем половину грибов и китайской капусты. Страйтесь не перемешивать продукты на сковороде. Вылейте половину бульона, получившегося при смешивании первых компонентов, и готовьте 3-4 минуты. В это время предложите гостям разбить и взболтать яйцо в пиале. Теперь каждый обслуживает себя сам, беря мясо, овощи, грибы со сковороды, обмакивая в яйцо (обмакивание предназначается не только для вкуса, но и для того, чтобы не обжечься) и отправляя в рот. Когда все будет съедено, процесс повторяется.

Из овощей можно также использовать баклажаны (сначала продольно разрезать пополам, потом на кусочки); сладкий перец (удалить семена и порезать так же); морковь, порезанную на куски в 2-3 см. Вместо классической говядины, можно использовать куриные грудки, а можно и дичь.

Как дополнение к основному блюду можно подать соленые и маринованные овощи, соусы, рис, салат и, конечно, сакэ и зеленый чай.

Приятного аппетита!

¹ Во время своей поездки К.М. Симонов тесно общался с семьёй «красного графа» Хидзиката Ёсио, известного театрального режиссёра. В 1933-37 гг. он вместе с семьёй жил в Москве и работал в театре Революции В.Э. Мейерхольда. Глава семьи и оба сына говорили по-русски, старший сын, Кэйта помогал советским писателям как переводчик, впоследствии он возглавлял Общество Япония-СССР.

² Симонов К.М. Япония. 46. М., 1977, с. 84-85.

Алексей Горбылёв

Невидимый на свету

Мы продолжаем наш рассказ¹ о методах средневековых японских разведчиков ниндзя, известных под общим называнием «Ёнин» - «Невидимость при дневном свете». Описанные здесь приемы внедрения и использования агентов так же, как и те, о которых шла речь в прошлом номере, относятся к группе способов «проникновения на вражескую территорию издалека».

«Способ вывернутого мешка» (фукуро-гаэси-но дзюцу)

Так в знаменитой энциклопедии ниндзяцу «Бансэнсюкай» названа уловка, суть которой такова: ниндзя поступал на службу к кому-нибудь князю-даймё и втирался к нему в доверие, но в решающий момент предавал его и выдавал все планы врагу - своему подлинному господину.

В классическом варианте техники фукуро-гаэси выглядела приблизительно так. Ниндзя являлся к даймё и предлагал свои услуги, напирая на то, что владеет особым искусством шпионажа, позволяющим ему запросто проникать во вражеские крепости и устраивать там диверсии. Чтобы подкрепить свои слова, шпион мог продемонстрировать пару-тройку секретных приемов, представить потенциальному нанимателю интересную для него информацию. Князь, находившийся на пороге войны с соседом, разумеется, был заинтересован заполучить в свое распоряжение профессионала шпионажа и под впечатлением рассказов и демонстраций «безработного» ниндзя вскоре соглашался нанять его к себе на службу. С началом боевых действий новоявленный разведчик-диверсант отправлялся на задание: разведывал обстановку во вражеском тылу, осуществлял диверсии, сеял панику. В соответствии с планом своего подлинного хозяина, он мог выдать даймё-нанимателю некоторые маловажные секреты, спалить какой-нибудь ненужный домишко, прикончить нескольких преступников-смертников, переодетьх воинами. Его новый хозяин нарадовалась не мог на своего ловкого диверсанта, совершенно не догадываясь, что все его действия - лишь тщательно продуманные шаги в дьявольской игре врага. Но когда в войне наступал решающий момент, его любимец преподносил ему крайне не приятный сюрприз: поджигал замок, открывал ворота врагу, заманивал самого князя со всем «генералитетом» в смертельную ловушку, выхода из которой попросту не было...

Другой вариант использования «способа вывернутого мешка» был рассчитан не на диверсанта, а на мастера обмана, актерской игры и ораторского искусства. В этом случае задачей агента являлось проникновение во вражеский замок для сеяния паники и подготовки крепости к захвату. Для этого «Бансэнсюкай» рекомендовал ниндзя выявить посторонних лиц, имеющих возможность доступа во вражеский замок. Это мог быть буддийский монах, врач, слепой массажист, циркач-фокусник, ремесленник, торговец. Затем ему следовало познакомиться с этим человеком, сойтись с ним поближе и стать его компаньоном, например, в качестве ученика или слуги. Проникнув вместе с ничего не подозревающей жертвой обмана в замок врага, агент распространял там клевету, сеял пораженные настроения, подстрекал к мятежу, распускал ложные слухи, стараясь вызвать панику, напугать и поссорить

всех и вся, т.е. вел психологическую войну. А когда наступал решающий момент, переходил к активным действиям - организовал поджог и открывал ворота.

«Способ светлячка» (хотаруби-но дзюцу)

Средневековые японские шпионы сравнивали со светлячками, мечущимися в ночной тьме, тайных агентов с подложными компрометирующими документами - письмами, доносами, распоряжениями. Эти агенты сновали между своим и чужим лагерями. Таким образом, «способ светлячка» - это техника использования для компрометации опасных лиц в стане врага фальшивых документов, изготовленных специалистами в области гиё-гиин-но дзюцу - «техники подделки писем и печатей»².

Классический вариант применения «способа светлячка» выглядел так. Выбрав личность, подлежащую устраниению, ниндзя добывал образец её почерка и изучал его. Затем изготавливались письмо с нужным текстом, в котором намеченная жертва за соответствующее вознаграждение давала согласие на тайное сотрудничество с врагом, обещала поднять мятеж в случае нападения на замок господина и т.д. и т.п. Письмо снабжалось необходимыми печатями, образцы которых также добывались заранее.

Затем нужно было подстроить так, чтобы это письмо попало в руки врага. Для этого из числа опытных и хладнокровных ниндзя, обладающих недюжинным актерским дарованием, выбирался «почтальон». Он должен был сознательно «поставиться» врагу, дать схватить себя и, будто не выдержав пыток, выдать «секретную бумагу», предварительно вымолив себе помилование.

В результате такой операции, если даже с жертвой обмана неправлялись немедля после получения «улик», она все равно оказывалась надолго вы��ленной из «игры», так как становилась объектом пристального внимания контрразведчиков-мэакаси (букв. «прочищающие глаза»), отстранялась от дел, сажалась под домашний арест и т.д.

Почти таким же способом можно было скомпрометировать и своего бывшего союзника, переметнувшегося на сторону врага. Для этого требовалось дать противнику возможность перехватить «секретное послание», из которого бы явствовало, что перебежчик - на самом деле тайный агент, внешенный «по заданию центра», так называемый «внутренний червь» - миномузи.

Если противник сомневался в подлинности попавших в его руки документов, все его сомнения следовало рассеять. Для этого изготавливались новое письмо от имени какого-то военачальника своих войск к мнимому «внутреннему черви». Затем ловкий «невидимка» помещал его в тайничок с секретными документами в доме лица, подлежащего устраниению, и каким-либо образом провоцировал обыск в его усадьбе. В результате контрразведчики врага обнаруживали новую «улику», после чего «под тяжестью неопровергимых доказательств» опасный сановник противника отправлялся на тот свет.

Самым главным в такой многоходовой комбинации был правильный подбор разных «улик» и умелое, своевременное

¹ Начало см в: «Япония», № 3/2002, с. 39-43.

² См.: Горбылев А. «Начальные хитрости» ниндзяцу // «Япония», № 2/2002, с. 31-36.

представление их вражеской контрразведке. Делать это японские средневековые шпионы умели прекрасно, неслучайно в их тайных наставлениях подробно описана теория выявления достоверной информации из разнородных сообщений и фабрикации качественной «дезы» с характерным названием «фуссио сорозу дзюцу» - «искусство упорядочивания бамбуковых колен».

Впрочем, опытные контрразведчики противника не всегда покупались на подметные письма. Порой, чтобы провести их, требовалось сделать все гораздо убедительнее. В такой ситуации можно было попытаться использовать агента-смертника - «шпиона смерти», по классификации Сунь-цзы.

В этом варианте начальник тайной службы передавал «секретное» послание одному из своих подчиненных ниндзя, поставив ему задачу передать письмо «лично в руки» кому-то из самураев во вражеском лагере и наказав бить его, как зеницу ока. На роль «почтальона» специально подбирался неумелый лазутчик с дурной репутацией, пожертвовать которым было не жалко. Делалось это с расчетом, что бдительные глаза вражеских контрразведчиков позволят им обнаружить и схватить его. Когда ничего не подозревающий шпион оказывался в их лапах, мэакаси быстро «кололи» его пыткой и получали «ценнейший документ». При этом обманутый своими же коллегами шпион, естественно, боролся за свою жизнь, как только мог, и выдавал столь «чистосердечные» признания, что не поверить им было крайне затруднительно.

К другому варианту использования «шпиона смерти» предпочтел прибегнуть в середине XVI в. князь Мори Мотонари. Он приказал выпустить из тюрьмы преступника и направить его в соседнее княжество Амако под видом паломника. А к его шее привязали письмо, из которого явствовало, что несколько крупных военачальников княжества Амако уже давно завербованы Мори. Доставив «паломника» к границе, самураи секретной службы зарубили его и перебросили ночью труп на территорию княжества Амако. Воины этого княжества, найдя труп, прочитали письмо и доложили своему господину. Тот поверил фальшивке и немедленно расправился со своими лучшими полководцами. А через некоторое время Мори напал на княжество Амако и без труда разгромил его...

Еще более хитроумный вариант применения «способа светлячка» строился на манипуляциях третьим лицом для ослабления влияния или даже устранения неугодного деятеля во вражеском стане.

Наметив свою жертву среди военачальников противника, ниндзя передавал местной красавице, имеющей влияние на правителя или кого-то из его приближенных, любовное послание от его имени. Втершись в доверие к ней и распалив ее чувства к видному полководцу, ниндзя становился тайным «мостиком», связующим «влюбленных». Интересно, что от «любовника» в данном случае не требовалось совершенно никакого участия, ведь ниндзя сам умел читать любовные письма и стряпать ответы на них. Так что «влюбленный» витязь оставался в абсолютном неведении о своих «замуренных приключениях». Когда порыв страсти в душе благородной дамы достигал апогея, ниндзя посыпал ей письмо, в котором «любовник» сообщал, что чувства его к красавице охладели, и он намерен прекратить всякие отношения с бывшей «госпожой своего сердца». «Отвергнутая и оскорблена» женщина «в порыве чувства» превращалась в злую фурию и становилась смертельным врагом ничего не подозревающего военачальника, прилагала усилия для того, чтобы обрушить на него гнев своего покровителя или просто отправляла на тот свет при помощи наемного убийцы. А ниндзя, сбросивший с себя всю грязную работу, в это время только склонно посмеивался, наблюдая за «жизненной драмой возлюбленных».

Вообще, поддельные письма можно было подбросить кому угодно - купцу, художнику, ремесленнику, крестьянину. Важно было лишь, чтобы они попали «по назначению» - в

руки контрразведчиков врага. Если «документ» был изготовлен достаточно умело и переправлен в «нужном направлении», можно было рассчитывать на успех.

«Способ небесной слоны» (тэнда-но дзюцу)

Кто из читателей не знает детский анекдот про то, как Вицин, Моргунов и Никулин плевались в потолок, лежа на диване? Не знаете? Серьезно?! Смысла в том, что плевок всегда возвращается обратно - до потолка доплюнуть непросто, а сила земного притяжения - штука неслабая. Именно это замечательное свойство плевка, видимо, и подвигнуло ниндзя присвоить поэтическое название «способ небесной слоны» технике использования перевербованного вражеского агента.

Если контрразведчикам удавалось выявить и захватить вражеского ниндзя, всегда вставал вопрос о способах его использования. Агента можно было просто прикончить, предварительно «распросив» о замыслах его господина. Но лучше было перевербовать его и заставить работать на себя, пообещав жизнь и обеспеченную старость.

Если плененный шпион давал согласие на перевербовку, его следовало щедро наградить и заручиться гарантиями лояльности: заставить присягнуть новому хозяину, а для верности выкрасть его семью и спрятать у себя в качестве заложников. Подготовившись таким образом, ниндзя разрабатывали план операции, давали новому агенту необходимые инструкции и засылали обратно с дезинформацией для противника.

Если операцию по перевербовке удавалось «прокрутить» достаточно быстро и так, чтобы враг ничего не заподозрил, новый «обратный шпион» (пользуясь терминологией Сунь-цзы) мог сослужить неплохую службу. Не случайно, что китайский стратег ставил «обратного шпиона» выше всех других и писал о нем так: «Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь приобрести и местных шпионов и внутренних шпионов и пользоваться ими. Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь, придумав какой-нибудь обман, поручить своему шпиону смерти ввести противника в заблуждение. Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь заставить своего шпиона жизни действовать согласно твоим предположениям» (перевод Н.И. Конрада).

Однако в операциях с использованием «способа небесной слоны» существовали свои «подводные камни», так как «перевербовку» враг мог запланировать заранее, разыграв комбинацию ходов по описанному выше «способу вывернутого мешка» или по «способу спускания тетивы», о котором речь далее. Поэтому, чтобы уберечься от обмана, в комбинации со «способом небесной слоны» следовало использовать «способ горного эха» (о нем - ниже). Но враг мог предвидеть и этот шаг и использовать... Но, стоп! Так можно идти до бесконечности! Ведь шпионаж - это война умов. Здесь побеждает не тот, у кого больше мускулов, а тот, у кого голова работает лучше, кто хитрее и изворотливее, рассчитливее и опытнее.

Другой вариант «способа небесной слоны» применялся в том случае, когда выявленного вражеского ниндзя схватить не удавалось, или это не имело смысла, или же, имея информацию о наличии шпиона в тылу, секретная служба никак не могла выйти на него. В такой ситуации следовало организовать снабжение шпиона дезинфекцией.

Например, если лазутчика обнаруживали на подходе к крепостной стене, следовало притвориться, будто его появление осталось незамеченным и, не пытаясь схватить его, организовать «утечку информации», дав подслушать «секретный» разговор, разыграв выступление войск в поход, беспечность охраны и т.д. Если в крепости ощущалась нехватка воды или провианта, и вражеский соглядатай пытался выяснить реальное положение дел, можно было организовать «шоу» с расточительным использованием воды, скармливанием зерна птицам или скоту, с выбрасыванием остатков пищи в помойку. Можно было также устроить драку на глазах у вражеского ла-

Сила

Нападение на принца Мицудзи

Ниндзя, облаченный в полностью черный костюм, извлекает из ножен меч, чтобы нанести смертельный удар своей жертве - принцу Мицудзи, который, кажется, совершенно не сознает опасности в своем любовании луной и игре на цитре кото.

зутчика, продемонстрировав «отсутствие единства» в рядах осажденных. Можно было организовать «утечку» «информации» через какого-нибудь болтуна (или болтуны), контактирующего с агентом, так, чтобы у него создалось впечатление, будто «важная» информация попала к нему по чистой «случайности».

Таким образом, вражеский ниндзя невольно и незаметно для себя превращался в «обратного шпиона» и поставлял своим начальникам дезинформацию.

Более тонкий вариант аналогичной операции включал помыкку шпиона, его пытки и заключение в темницу, организацию «утечки» «информации» с последующим представлением возможности для побега. Такой «спектакль» выглядел еще правдоподобнее.

В качестве невольного «обратного шпиона» можно было использовать и не очень сообразительного (или вовсе тупого) вражеского военнопленного, подстроив его побег. Такая уловка в «Бансэнсюкай» называна «рёхан-дзюцу» - «способ возвращения пленного».

«Способ спускания тетивы» (тикю-но дзюцу)

Когда тетиву лука натягивают, он выгибаются чуть ли не в полукруг, но стоит спустить тетиву, и лук вернется к исходной форме. Точно так же и ниндзя, если его схватили враги, может сделать вид, что готов работать на них и стать их «обратным шпионом», но при этом продолжит выполнение своего задания, превратившись в «обратного обратного шпиона» (ханкан-но ханкан).

В наставлениях ниндзя описано несколько вариантов использования «способа спускания тетивы». Самый распространенный - сознательная «подставка» шпиона в расчете на то,

что враг попытается перевербовать его для поставки дезинформации. Если же враг не пытался перевербовать ниндзя, тот сам должен был предложить ему свои услуги в обмен на сохранение жизни, принести клятву верности, пообещать отдать в заложники свою семью - специально натренированных ниндзя. Чтобы сделать «спектакль» правдоподобнее, в ответ на требование о предоставлении заложников шпион должен был изобразить крайнее отчаяние и сослаться на то, что его семейство в качестве заложников захвачено прежним хозяином. Поскольку это было общепринятым правилом в те времена, такой ответ при умелой подаче не мог вызвать особых подозрений.

Если враги соглашались нанять ниндзя на службу, то в период «испытательного срока» он, по согласованию со своим подлинным хозяином, должен был потрудиться на славу: спалить что-нибудь, прирезать кого-нибудь из рядовых воинов, сообщить подлинную, но малозначительную информацию. Добившись, таким образом, доверия противника, ниндзя получал возможность проникнуть в его сокровенные замыслы, которые при первом же удобном случае выдавал господину, предварительно расправившись с парой-тройкой влиятельных лиц из окружения нового хозяина (лучше, конечно, с самим хозяином).

Другой вариант «способа спускания тетивы» надлежало использовать при случайном, незапланированном захвате ниндзя противником. Такие ситуации, конечно же, просчитывались заранее, и каждый шпион имел план действий в экстренной ситуации. Как правило, он подразумевал согласие на работу в качестве «обратного шпиона», через которого противник мог бы поставлять дезинформацию.

Например, враги могли притащить схваченного разведчи-

Но уже в следующее мгновение принц Гэндзи повергает своего врага наземь и, к восхищению напуганных дам, отнимает у него меч (правору Утагава Кунисада к «Нисэ Мурасаки инака Гэндзи» («Принц Гэндзи в деревне. Подражание Мурасаки»), пародии на знаменитый роман Мурасаки Сиккубу «Гэндзи моногатари» Рюотэй Танхэкю, опубликованной в Эдо между 1828 и 1842 гг.)

ка к стенам крепости его союзников и заставить передать ложную информацию. Ниндзя, к огромному удовольствию его пленителей, сообщал союзникам заведомо ложные сведения, но каким-то заранее оговоренным образом давал понять, что действует под давлением. Зная, что переданная им информация - натуральная «деза», союзники могли избежать крупных неприятностей, а чтобы сохранить жизнь агенту и уверить врага в его полезности, позволяли причинить себе небольшой урон. Видя, что уловка дает плоды, враги оставляли ниндзя в живых и старались использовать его как «обратного шпиона», тем более, что после того, как дезинформация причинила вред его прежним хозяевам пути назад у него уже, казалось, не было. В этой ситуации ниндзя принимался «добросовестно» играть роль штатного дезинформатора, но при первом же удобном случае совершал побег.

В худшем случае шпиону приходилось жертвовать собой. Классической иллюстрацией этого трагического варианта применения «способа спускания тетивы» служит предание о Тории Кёэмон.

... В 16-й день 6-го месяца 1575 г. крупный отряд князя Такэда Кацуёри атаковал замок Нагасино, который обороняли вассалы Токугава Иэясу, заклятого врага дома Такэда. Все попытки взять крепость штурмом провалились - несмотря на большое численное превосходство врага, гарнизон держался стойко. По приказу Кацуёри специально вызванные из провинции Синано горнорабочие тайно принялись рвать туннель, чтобы под покровом ночи впустить в замок отборный отряд. Однако обороняющиеся разгадали этот план и подвели контридину. Тогда Такэда распорядился выстроить плоты и стал переправлять на них своих бойцов через реки Таки и Оно, омывавшие стены замка с двух сторон, в расчете на то,

что там обороны не столь крепка. Но он просчитался: защитники скосили его воинов из мушкетов. Та же участь постигла и отряды, попытавшиеся привинуть к стенам крепости высоченные штурмовые башни, поднявшиеся над стенами замка. Кацуёри не оставил ничего иного, как перейти к правильной осаде. Вскоре замок окружили частоколы, реки были перекрыты тросами, а самураи Такэда разбили вокруг лагерь.

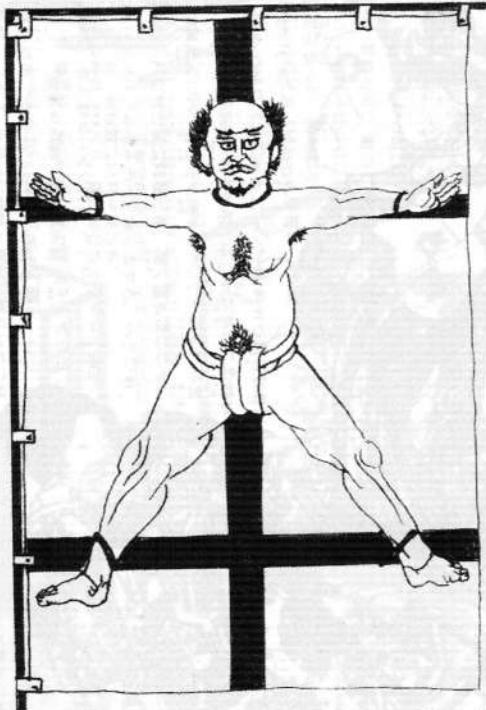
Еды в замке было всего на несколько дней, а враг уходит не собирался. Командир осажденных тайно послал гонца к Иэясу с просьбой о помощи, но у того было недостаточно войск, чтобы сразу идти на выручку, и он обратился за помощью к своему союзнику Ода Нобунага. Прочем, ничего этого в замке не знали. Время шло, а подмоги все не было.

Когда все уже решили, что гонцы к Иэясу были перехвачены врагом, к коменданту пришел самурай по имени Тории Кёэмон и вызвался доставить депешу князю.

В полночь 22-го дня 6-го месяца Кёэмон бесшумно со скользнул со стены в воду реки и, перерезав трос ножом, не замеченным проплыл под носом у стражи Такэда. Вскоре он добрался до замка Окадзаки, где Ода и Токугава как раз разрабатывали план спасения Нагасино. Они обещали немедля прийти на выручку гарнизону, и Кёэмон с радостной вестью запечатил назад.

Но на этот раз гонцу не повезло. Когда он подплыл к замку и попытался перерезать трос, вдруг выяснилось, что к ветвям привязаны многочисленные колокольчики, звон которых сразу же раскрыл его местонахождение самураям Такэда. Через несколько минут скрученного по рукам и ногам лазутчика привели в палатку Кацуёри.

Такэда уже знал от своих соглядатаев, что в замке нечего

Отохико Сасхайдзи, вассал Такэда Кацуёри и свидетель гибели Тории Кэймон, с разрешения своего сызгена, изобразил его подвиг на своем знамени

есть. Поэтому он решил использовать Кёэмона, чтобы окончательно сломить дух осажденных и склонить их к капитуляции. В обмен на жизнь он предложил ему пойти к стенам замка и сообщить защитникам, что помочь ждать нечего - она не придет.

Поразмыслив некоторое время, Тории согласился. Однако Кацуёри заподозрил подвох. Он приказал привязать Кёэмона к деревянному кресту, а на случай вылазки выстроил вокруг копейщиков с длинными пиками в руках, наставленными на гонца.

Над стенами замка повисла тревожная тишина. Посмотреть на пойманного лазутчика собрались едва ли не все защитники. Они прекрасно знали, что от того, удалось ли Кёэмон добраться до союзников, зависит их судьба. И в этой гнетущей тишине крик Тории прозвучал как разрывы бомбы: «Не пройдет и трех дней, как подмога придет! Держитесь!» В это же мгновение десятки копий пронзили его тело.

Помощь пришла, и битва при Нагасино завершилась скрупулезным поражением дома Такэда.

«Способ горного эха» (ямабико-но дзюцу)

Думаю, что все знают, что такое эхо: звук в горах отражается от скал и возвращается назад в несколько искаженном виде несколько раз. Именем этого природного явления ниндзя называли одну из своих самых коварных стратегем.

Согласно «способу горного эха», господин и его вассал разыгрывали шумную ссору с жестокими избиениями (разумеется, вассала), обвинениями в измене, конфискацией имущества. Для пущего правдоподобия «мерзавца» следовало засадить в «тюрьму» и приговорить к смертной казни. Можно было также публично расправиться и с его семьей - за нее могли сойти какие-нибудь преступники, приговоренные к смерти. Затем от неминуемой погибели вассала должно было спасти «чудо» - вмешательство родственников или преданных

слуг, ночью взломавших тюрьму и в яростной схватке - за убитых солдат могли сойти те же преступники - отбивших своего господина. Если игра шла по крупному, можно было не пожалеть и своих воинов и устроить небольшое «показательное» побоище. В такой ситуации единственное, что оставалось делать обвиненному во всех смертных грехах вассалу, - бежать к враждебному князю и просить у него защиты. Под предлогом мести «разобиженный» вассал выдавал вражескому властителю «все секреты» прежнего господина и постепенно набирал вес и влияние на новом месте, принимал деятельное участие в обсуждении политики и дипломатии, разработке военной стратегии, планировании боевых операций. Но когда военное противостояние между прежним и новым хозяевами достигало апогея, по сигналу своего истинного хозяина - организатора всей операции, он неожиданно переходил на его сторону и наносил смертельный удар - в фигулярном и буквальном смысле - в спину своего нового «отца-благодетеля».

Согласно наставлениям ниндзя, при использовании «способа горного эха» господин и его вассал, участвующие в реализации плана, не должны поддерживать друг с другом контактов, чтобы у противника не могло возникнуть ни малейшего подозрения. Соответственно, все возможные варианты развития ситуации должны быть предусмотрены заранее.

Существует предположение, что идею «способа горного эха» ниндзя позаимствовали в китайской истории.

...Дело было во время войны между княжествами Цзинь и Шу в первой половине IV в. до н.э. Войсками Шу командовал Ли Сюн. Во главе цзиньских войск стоял Ло Шан. Борьба велась без каких-либо результатов для обеих сторон. Тогда Ли Сюн решил прибегнуть к хитрости. Он знал, что Ло Шан непременно воспользуется любой возможностью, чтобы привлечь себе в лагере противника шпиона, и решил ему эту возможность предоставить. По его плану в качестве «обратного шпиона» должен был выступить преданный вассал Пу Тай. Однажды Ли Сюн при всех придворных обвинил Пу Тая в разных провинностях и приказал страже жестоко избить его. Затем окровавленного сановника за ноги выволокли из дворца и швырнули в ров. Спустя некоторое время Пу Тай, которому пришлоось удалиться в глухую деревушку, тайно вступил в контакт с Ло Шаном, а затем и вовсе перебежал к нему вместе с самыми преданными своими друзьями, семьей и челядью.

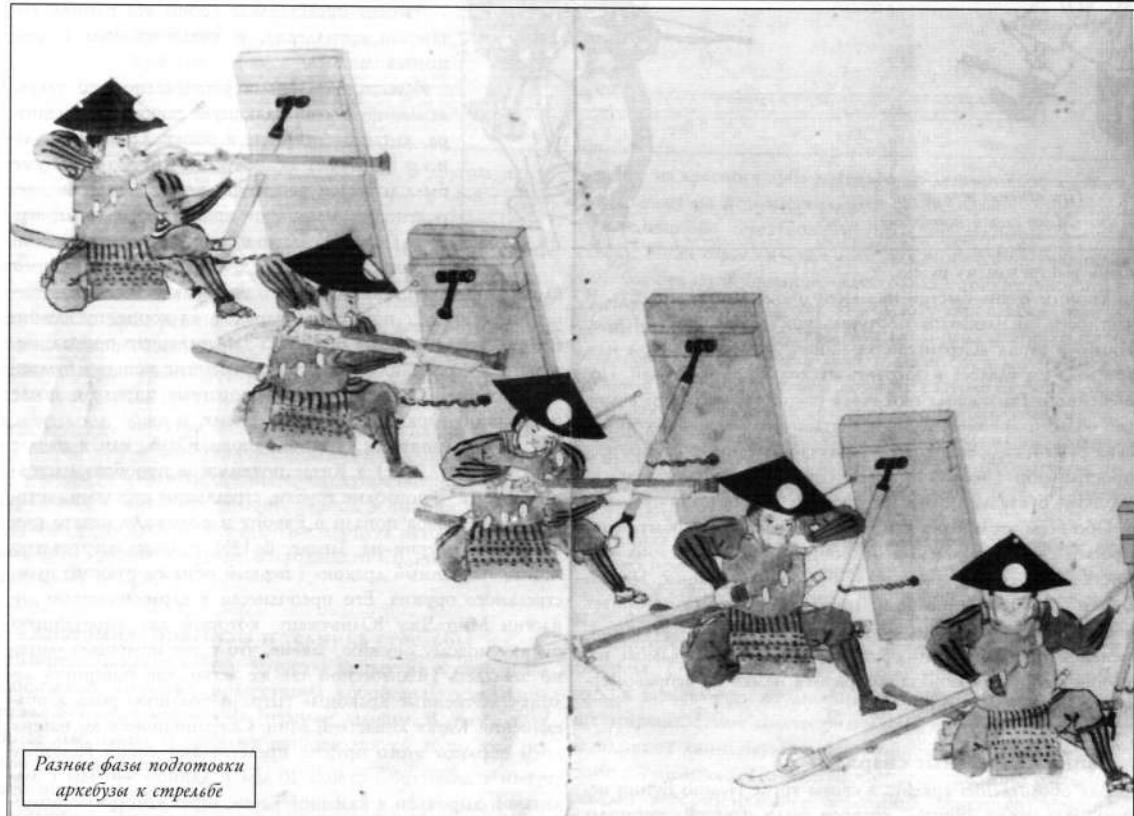
Ло Шан поверил, что Пу Тай горит жаждой мести, ввел его в свое окружение и даже назначил помощником командающего армией. Под предлогом мести Ли Сюну Пу Тай разработал план разгрома армии Шу. По этому плану, сторонники Пу Тая были должны убить своего начальника и огнем подать сигнал о нападении войскам Ло Шана. Ло Шан согласился, и наконец в лагере Ли Сюна показался огонь. Тотчас же сто отборных воинов Ло Шана, стоявших наготове, ринулись в атаку. Предполагалось, что в суматохе им без труда удастся проникнуть внутрь укрепления противника. Однако все они были убиты, а войска Ло Шана, двинувшиеся на штурм вражеского лагеря, попали в засаду и были разбиты. Сам Пу Тай в решающий момент битвы вместе со своими соратниками убил Ло Шана, его сына-наследника и главнокомандующего, обезглавив цзиньское войско. После этого он приказал воинам не оказывать сопротивления Ли Сюну, и княжество Цзиньпало без боя...

На этом мы заканчиваем изложение способов «проникновения на вражескую территорию издалека». В будущем году нас ждут способы «проникновения с малого расстояния», а также приемы иннин - «невидимости в темноте», самого любопытного и загадочного раздела ниндзюцу.

Продолжение следует

Алексей Горбылёв

«Огненные копья», или аркебузы в Стране Восходящего Солнца

При упоминании самурайских воинских искусств многие вспомнят о фехтовании мечом, стрельбе из лука, копейном бою. И лишь особо начитанные упомянут в их числе искусство применения огнестрельного оружия ходзюцу.

К сожалению, об этом будзюцу не только у нас, но и на Западе, написано пока мало. Причина простая: ходзюцу развивалось под сильным влиянием западного военного искусства, во многом копировало его технологии и способы применения оружия, а потому кажется исследователям каким-то совсем неяпонским, лишенным того мистического ореола, который окружает, например, «путь меча», и потому недостойным пристального внимания. Дескать, чего его изучать, если у нас некогда было все то же самое. Между тем, изучением именно этого предельно техницизированного и внешне европейского воинского искусства, как мне кажется, позволяет многое понять в самой природе будзюцу. И потому сегодня наш рассказ - о ходзюцу.

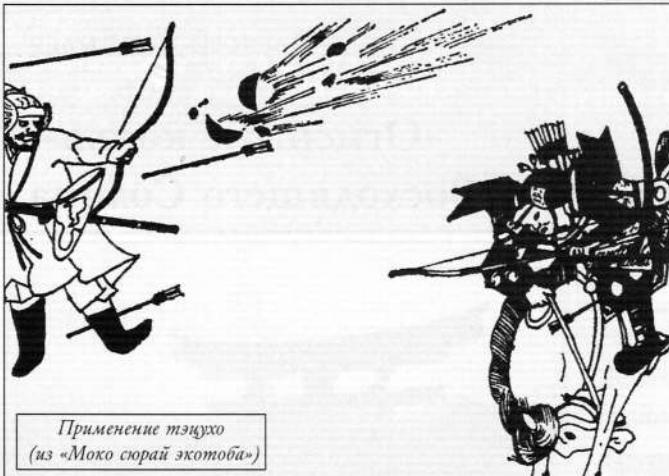
Ходзюцу, как и другие традиционные японские воинские искусства, разделяется на множество школ рю. В зависимости от специализации все их разделяют на три большие группы: школы применения стрелкового огнестрельного оружия; применения пушек; применения ракет и зажигательных стрел. Уже одно это деление показывает, что ходзюцу объединяет широкий спектр систем использования са-

мых различных видов огнестрельного оружия. Рассказать обо всех применявшихся японцами в домэйдзийский период видах вооружений такого рода в коротком очерке невозможно. Поэтому речь пойдет, в основном, об использовании ручного огнестрельного оружия.

«Ружья с острова Танэгасима»

Долгое время считалось, что историю ходзюцу следует отсчитывать с того самого 25-го дня 8-й луны 12-го года Тэмбун (1543), когда в заливе Ниси на южной оконечности японского островка Танэгасима, встала на якорь потрепанная штурмом китайская торговая джонка. Она доставила в Страну Восходящего Солнца первых европейцев - двух португальцев, которые и познакомили японцев с европейским ручным стрелковым огнестрельным оружием.

Когда один из португальцев подстрелил из своего ружья птицу со значительного расстояния, это произвело такое впечатление на Танэгасима Токитака, правителя острова, что он тут же упросил чужестранцев продать ему одно ружье и немедля приказал местным кузнецам изготовить такое же, используя купленный экземпляр в качестве образца, а сам начал учиться приемам обращения с ним у пришельцев. Токитака оказался способным учеником и уже в 9-й день следующего, 9-го, месяца со ста шагов поразил ми-

шень выстрелом из ружья.

Японцы очень быстро наладили производство аркебуз. В частности, знаменитый португальский авантюрист Мендес Пинто в своих «Странствиях» пишет, что всего за два или три года им удалось изготовить несколько сотен ружей. Постепенно с Танэгасимы они стали распространяться и в другие области архипелага, но память о родине первых японских ружей жила еще долго - неслучайно одно из самых распространенных названий аркебуз того времени - «танэгасимадзю» - буквально означает «ружья с острова Танэгасима».

Обо всем этом через полстолетия после этих событий по просьбе семьи Танэгасима подробно рассказал в своих «Записях о ружьях» («Тэппоки») буддийский монах Нампо Бунно. Его сочинение было призвано упрочить авторитет дома Танэгасима в качестве родоначальника искусства применения огнестрельного оружия. Однако уже в самом названии сочинения монаха содержался намек на неправомерность этих притязаний...

Тэппо - «железные снаряды»

Для обозначения аркебуз в своем труде Нампо Бунно использовал слово «тэппо», которое было известно японцам задолго до того, как португальцы привезли свои аркебузы на островок Танэгасима. Слово это обнаруживается уже в текстах конца XIII - первой половины XIV вв., описывавших нашествие монголов на Японию («Моко сюрай экотоба», «Хатиман гудоки» и др.). Правда, в то время его читали, как «тэцуло».

В «Хатиман гудоки» рассказывается: «Когда японцы побежали, монголы стали метать «тэцуло», погрузили всю окружу во тьму, наполнили ее грохотом, повергли японцев в смятение, лишили их мужества. Ослепленные и оглушенные, они растерялись и перестали различать, где восток, а где запад».

По-видимому, эти «тэцуло» представляли собой небольшие легкие железные ядра, начиненные порохом, которые можно было метать во врага с помощью пращи и использовать в полевых сражениях. Подобные снаряды - «гром, сотрясающий небо», метавшиеся с помощью камнеметных машин, применялись в Китае для защиты крепостей уже во времена династии Цзинь, но, похоже, именно монголы первыми стали использовать их в полевых сражениях.

Обнаружение упоминаний о тэцуло в источниках заставило историков подвергнуть сомнению укоренившуюся версию, будто японцев впервые познакомили с огнестрельным оружием именно португальцы. И в самом деле, могло ли случиться так, что японцы, столь многое заимствовавшие из

Китая, не познакомились с изобретенным в Срединном царстве порохом и способами его боевого применения? Обратившись к изучению этого вопроса, японские военные историки, к своему удивлению, обнаружили в японских источниках целый ряд упоминаний о фактах использования различных видов вооружений с применением пороха, аналогичных китайским.

Что же представляла собой эта ранняя китайская артиллерия, и когда японцы с нею познакомились?

В настоящее время установлено, что такую важнейшую составляющую пороха, как селитра, китайцы открыли в эпоху Хань (III в. до н.э. - III в. н.э.). В эпоху Тан (VII-X вв.) им уже была известна рецептура пороха, который, вероятно, использовали при запусках фейерверков. Первые сведения о боевом применении пороха относятся к правлению сунского императора Тай-цзуна (X в.). В то время использовались «огненные стрелы» с пороховым зарядом на конце, пускавшиеся из лука, «огненные шары» из затвердевшего пороха, метавшиеся с помощью катапульт, «огненные копы» - бумажные или бамбуковые трубы, начиненные порохом, после поджигания заряда извергавшие пламя, и др.

Еще при монголах, в конце эпохи Юань, или в начале эпохи Мин (XIV в.) в Китае появился и прообраз настоящих пушек - бронзовые трубы, стрелявшие стрелами, которые через арабов попали в Европу и положили начало развитию артиллерии на Западе. В 1355 г. было изготовлено «копье - огненный дракон» - первый образец ручного огнестрельного оружия. Его преподнесли в дар основателю династии Мин Чжу Юаньчжану, который дал высочайшую оценку новому оружию, заявив, что с его помощью «можно завладеть Поднебесной так же легко, как повернуть ладонь». «Огненные драконы» сыграли большую роль в объединении Китая династией Мин. Сохранившиеся до наших дней образцы этого оружия представляют собой железные трубы с диаметром ствола 20 мм и длиной 440 мм с маленькой дырочкой в казенной части, через которую с помощью фитиля поджигался заряд. Поскольку от тех времен сохранились ложечки для насыпки пороха, следовательно, порох был порошковый или в виде гранул. Массовое производство таких ручниц началось уже в начале эпохи Мин.

Из-за того, что технология изготовления «копий - огненных драконов» держалась в секрете, их распространение в регионе не обязательно было быстрым. Но уже в 1356 г. они попали в Корею: корейцы, измученные бесчинствами японских пиратов вако, решили использовать против них огнестрельное оружие.

Могло ли это оружие, сыгравшее столь важную роль в истории Китая и применявшееся корейцами против японских пиратов, оставаться неизвестным в Японии? Сомнительно! И в источниках действительно есть факты, подтверждающие, что японцам огнестрельное оружие было известно и до пребывания португальцев на остров Танэгасима.

В корейской «Подлинной летописи династии Ли» сообщается, что, когда японские послы в 1409 и 1419 гг. ездили в Корею, они оба раза лично наблюдали стрельбы из ручниц на острове Цусима. Таким образом, этот достоверный иностранный источник свидетельствует, что уже в начале XV в. японцы не только знали, но и умели пользоваться ружьями. В «Энрёкан нитироку» говорится, что, когда в 1466 г. рюкюсский чиновник уезжал из Киото после подношения дани сёгуну, за Главными вратами «раздались один или два

выстрела из тэппо», и все были напуганы. В другом источнике, «Хэйидзан нитироку», сообщается, что в 1468 г. в лагере Хосокава Кацумото «были повсюду приготовлены... «огненные копья»...», видимо, те самые «копья», которые явились прообразом китайских «огненных драконов».

Имеются также источники начала токугавской эпохи, называющие более ранние, нежели 1543 год, даты появления в Японии европейского огнестрельного оружия. Так, в «Кунитомо хококэн ёроку» говорится, что это произошло еще в 1510 г. А в «Коё гункан» сообщается, что ронин Мураками Синдзаямон, поступая на службу к Такэда Нобутори в 1526 г., поднес ему в дар «тэппо» (предположительно, аркебузу).

Однако приходится признать, что существенного распространения в «дотанэгасимский» период в Японии подобное оружие не получило. Все-таки настоящую историю огнестрельного оружия в Стране Восходящего Солнца следует отсчитывать от 1543 г.

«Анатомия» аркебузы и техника стрельбы

Португальская аркебуза, которую заполучил в свои руки Танэгасима Токитака, представляла собой гладкоствольное ружье с закрывавшимся фитильным замком. В отличие от более массивных и тяжелых разновидностей мушкетов, из португальской аркебузы можно было вести огонь без применения сошки-упора.

Главным конструктивным элементом аркебузы, так сказать ее сердцем, был ружейный замок. Фитиль с тлеющим концом зажимался в S-образном курке (серпентине), вращавшемся на оси. При нажиме на спусковой крючок пружина прижимала серпентин к пороховой полке, что вызывало поджог затравочного пороха и воспламенение заряда.

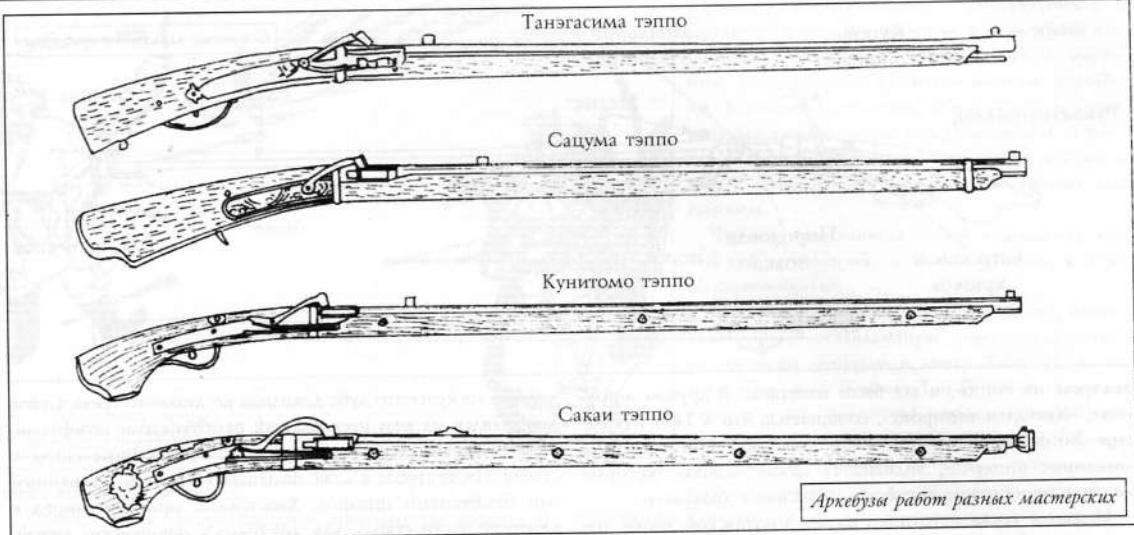
Ружейный ствол изготавливается из U-образной в сечении полосы железа, которая заковывалась в трубку вокруг стального стержня диаметром немного меньшим, чем требуется, чтобы позволить последующее тонкое сверление и шлифовку. С казенной части отверстие ствола закрывалось казенным винтом¹. Справа приковывалась пороховая полка для затравочного пороха. В месте соединения полки со стволов было приделана вертикальная латунная пластинка, она должна была уменьшать коррозию ствола от горячего пороха и не давать воде стекать по стволу и просачиваться под укрепленную на оси латунную крышку пороховой полки, защищающую зажигательную смесь от сырости и ветра. В среднем стволы японских аркебуз имели длину около 0,9 м с калибром 1,3-2,0 см. Мушка помещалась прямо у дульного среза, а целик - на расстоянии одной трети длины ствола от казенной части.

Ложе из красного дуба доходило до дульного среза. Ствол закреплялся на нем несколькими бамбуковыми штифтами, проходившими через ложе и ушки, приделанные снизу к стволу. Ниже ствола в ложе помещался простой деревянный или бамбуковый шомпол. Хвостовика, прикрепленного к казенной части ствола, как это было у европейских ружей, не было; вместо этого квадратный конец казенной части вставлялся в углубление в ложе и укреплялся латунным хомутом в этом месте, чтобы ложе не раскололось при отдаче. У тех португальских аркебуз, с которыми довелось познакомиться японцам в XVI в., не было четко выраженного приклада, ложе заканчивалось изогнутой пистолетной рукоятью, которую при стрельбе прижимали к щеке. И именно такие приклады имели японские ружья.

Техника стрельбы из фитильного ружья включает несколько приемов. Сначала аркебузу ставят дулом вверх и засыпают в ствол определенное количество пороха. Крышечка пороховницы, полагавшейся к ружью, вмещала в себя стандартное количество пороха, необходимое для одного выстрела. Однако на практике оно несколько варьировалось, в зависимости от дистанции стрельбы, погоды и других условий. Затем со стороны дульного отверстия в ствол вкладывают свинцовую пулю и прибивают ее сверху при помощи шомполя. По завершении этих операций ружьё переводят в горизонтальное положение, открывают крышку пороховой полки, высыпают на полку достаточное количество измельченного затравочного пороха из специальной пороховницы - натруски и снова закрывают крышку. Затем запаленный фитиль плотно зажимают в верхней части курка, так, чтобы его кончик торчал наружу. Держа аркебузу левой рукой за ложе, а правой за приклад-рукоять, взглядом оценивают мишень, открывают крышку пороховой полки, прикладывают приклад к щеке, прицеливаются и нажимают на спусковой крючок. При нажатии спускового крючка тлеющий фитиль прижимается к затравке, которая воспламеняется, огонь мгновенно проникает в зарядную камеру и запаливает пороховой заряд, после чего происходит выстрел.

В Европе для очистки стволов и плотного набивания заряда применялись пыжи. Японцы же, по какой-то причине, пыжами не пользовались. В результате из-за нагрева стволов сера, входящая в состав дымного пороха, начинала плавиться и прилипать к внутренним стенкам ствола. Вкладывать в ствол пули стандартного калибра становилось невозможным и для продолжения стрельбы применяли оторидама - «худшие пули» меньшего калибра. К смене калибра с большего на меньший приходилось прибегать приблизительно через каждые 20 выстрелов.

¹Легенда гласит, что оружейник, которому князь Танэгасима Токитака приказал изготовить аркебузу по португальскому образцу, никак не мог придумать, как закупорить ствол в казенной части. Не найдя решения задачи, он отдал свою doch portugальцам в обмен на этот секрет.

Начало распространения аркебуз

Слух о появлении на Танэгасима невиданного дотоле эффективного оружия быстро облетел Японию. И в этот отдаленный уголок страны устремились различные авантюристы, стремившиеся завладеть «кошырной картой» в междуусобных войнах. Одним из первых на остров приехал монах-воитель Цуда Кэммоцу из монастыря Нэгоро-дэра, армия которого активно участвовала в усобицах. Он раздобыл аркебуз и изучил приемы обращения с ней, а вернувшись в монастырь, отдал приказ о начале поточного производства ружей местному кузнецу Сибацудзи Киёмон. Вскоре целый отряд сохэй (воинов-монахов) Нэгоро вооружился огнестрельным оружием. Слава о нем быстро распространилась по близлежащим областям, и в монастыре стали стекаться воины, желавшие научиться стрельбе из аркебузы. Приобретя экзотическое оружие и овладев приемами обращения с ним, многие из них возвращались в родные места, распространяя искусство ходьюцу по всей стране.

Несколько позднее производство аркебуз было наложено также в торговом городе Сакай, в деревне Кунитомо провинции Оми, находившейся неподалеку от столицы Японии Киото. Значительные поставки огнестрельного оружия осуществляли и португальцы, хотя японцы довольно скоро начали изготавливать аркебузы, не уступающие по качеству европейским.

Первые упоминания об использовании аркебуз в военных действиях на Японском архипелаге относятся к 1549 г. Тогда их применил князь Симадзу Такахиса при наступлении на крепость Кадзики в провинции Осуми. Опыт вышел удачным, и наиболее дальновидные и талантливые в военном отношении даймё не преминули обратить внимание на новое оружие.

Так, известно, что уже в том же году Ода Нобунага заказал 500 аркебуз у семьи Кунитомо. В 1555 г. Такэда Сингэн использовал 300 аркебуз во время атаки на один из замков Уэсуги Кэнсин. Эффект оказался столь внушительным, что Такэда даже решил поместить 500 аркебуз в одном из своих замков. К 1569 г. он уже столь уверовал в огнестрельное оружие, что писал своим вассалам: «В дальнейшем аркебузы будут важнейшим видом оружия. Посему сокращайте численность копейщиков и самых способных своих воинов вооружайте аркебузами. А когда соберете своих солдат, испытайте их меткость и распорядитесь, чтобы отбор в аркебузиры осуществлялся по результатам [этих пробных стрельб].»

Внимание военачальников привлекла, прежде всего, про-

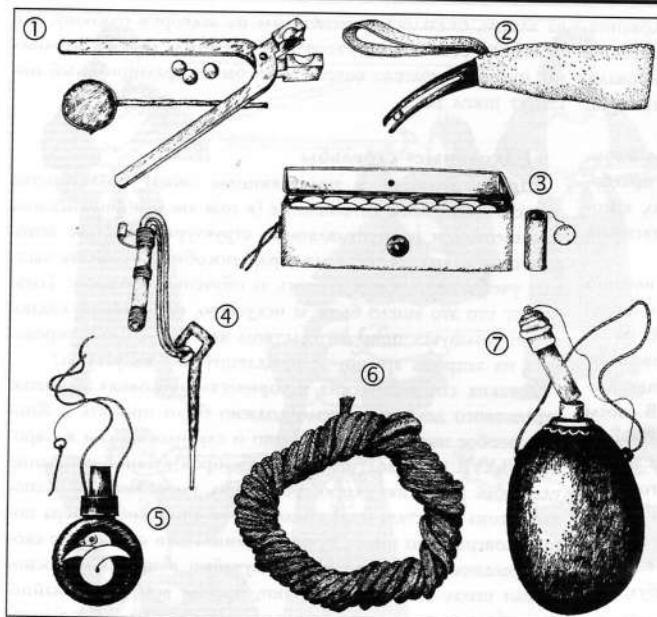
тивная мощь аркебузной пули, которая превосходила противную мощь стрелы. Вторым важным преимуществом аркебуз перед луком было то, что обучить сносной стрельбе из нее даже самого бесталанного ученика можно было за короткий срок, ведь в данном случае меткость стрельбы определялась, главным образом, качеством оружия, а не искусством стрелка, хотя преувеличивать легкость обучения стрелковому делу в то время все же не следует. Здесь требовалась и ловкость, и сноровка, потому что управляться с порошкообразным порохом и пулей, заряжающимися по отдельности, гораздо сложнее, чем заряжать патроны. А кроме того, стрелок должен был пройти основательную теоретическую подготовку, так как при стрельбе требовалось учить массу технических деталей: калибр и длину ствола ружья, дистанцию до мишени, влажность и температуру воздуха и другие.

Однако до триумфа ручного огнестрельного оружия было еще довольно далеко. Переооружение армий этим передовым видом вооружения тормозилось целым комплексом объективных и субъективных причин.

Говоря о последних, часто утверждают, что самураи недолюбливали огнестрельное оружие. Стремясь к личной славе, которую можно было приобрести только в поединке с таким же воином, они неустанно оттачивали свое боевое мастерство. А аркебуза любого рядового пехотинца - вчерашнего крестьянина за несколько уроков превращала в более эффективного солдата, способного отнять все победные лавры у элитных воинов. Да и сама мысль о возможности быть подстрелиенным простолюдином казалась японским рыцарям унизительной. Однако, думается, в бурное время междуусобиц XVI в. подобные соображения могли волновать лишь самых консервативных феодалов, которые в итоге оказывались сметенными со сцены истории более дальновидными соперниками.

Более серьезными препятствиями на пути распространения огнестрельного оружия выступали отсутствие достаточного количества аркебуз в стране (ни европейские экспортёры, ни японские оружейники не были в состоянии за несколько месяцев перевооружить многотысячные армии состоявших воевавших по всей Японии феодалов) и низкое качество этого оружия.

Сегодня, когда стрелковое оружие является основным личным оружием солдат всех армий, трудно поверить, что в ту эпоху его эффективность была ненамного выше, чем у лука.

⇨ 1. Инструменты для отливки пуль; 2. мешочек с пулами; 3. коробка с зарядами и заряд; 4. шило для извлечения штифтов; 5. натруска; 6. фитиль; 7. пороховница.

вать эффективное сопротивление аркебузиру, ведь огонь даже с большей точностью.

И это при том, что для заряжания аркебузы и прицеливания аркебузиру требовалось в 5 раз больше времени, чем лучнику! Иными словами, если самый натренированный стрелок при использовании зарядов (специальных контейнеров в виде круглой трубки с зарядом пороха на один выстрел и пулей) мог сделать за 1 минуту до 4 неприцельных выстрелов, лучник за то же время успевал выпустить до 20 стрел!

Низкая скорострельности аркебузы была большой проблемой: за те 15-20 секунд, что требовалось для перезарядки, кавалерия противника успевала покрыть всю дистанцию эффективного огня (до 200 м) и просто сминала аркебузиров. Кроме того, поскольку первоначально для повышения эффективности огня врага старались подпустить поближе, ружья в бою фактически могли сделать лишь по одному выстрелу, а после становились совершенно бесполезными.

Видимо, именно по этим причинам многие японские военачальники не спешили вооружить своих воинов огнестрельным оружием. В Европе решение этих проблем аркебуз уже было найдено, а японцем еще предстояло открыть его для себя...

Аркебузная революция Нобунага

Похоже, первыми в Японии наиболее эффективный способ применения аркебуз нашли воины из местности Сайга провинции Кии - последователи мятежной религиозной лиги Икко-икки, которая долгое время вела беспощадную войну против князя Ода Нобунага. В 1570 г. Нобунага предпринял попытку овладеть цитаделью Икко-икки монастырем-крепостью Исияма хонган-дзи. Однако союзники Хонгандзи из Сайга встретили его армию таким плотным огнем аркебуз, что она была вынуждена отступить, понеся большие потери. «Рецепт» наиболее эффективного применения аркебуз оказался прост: сосредоточение на одном участке фронта большого числа аркебузиров для создания непроницаемого огневого вала, способного пресечь любую атаку конницы или пехоты! Показательно, что до этого первыми в Японии додумались именно монахи и их мирские последователи из низших слоев японского общества, свободные от представлений о самурайской доблести и исходившие из чисто военных соображений.

Урок для Ода не прошел даром. Уже через три года после битвы при Исияма хонгандзи он сам применил залповый огонь в сражении при Нагасима. А в 1575 г. пришел черед знаменитой битвы при Нагасино, в которой сошлись обединенная армия Нобунага и его союзника, Токугава Иэясу и войско Такэда Кацуёри.

Ода располагал 3000 аркебузиров. Построившись в три шеренги за палисадом, они встретили дотоле не знавшую поражений конницу дома Такэда безостановочными залпами с дистанции около 50 м. Многие знатные рыцари погибли от их пуль, под другими были убиты кони, и они оказались на земле. Но, самое главное, аркебузирям удалось посеять хаос и сумятицу в рядах элитных конников, сделав их легкой добычей острых мечей и копий других воинов Ода.

Битва при Нагасино в военной истории Японии выступает символом торжества новой тактики: применения мас-

Эффективность огня из фитильного ружья определяется его калибром, от которого зависят вес пули и, соответственно, величина порохового заряда. На войне японцы обычно применяли аркебузы с длиной ствола 0,9-1 м, пули весом в 22,5 г и диаметром в 15,8 мм. Максимальная дальность выстрела из такого ружья превосходила 500 м, дальность эффективного огня была более чем вдвое меньше - приблизительно 200 м, а вот дальность прицельной стрельбы в ростовую мишень ввиду большого разлета пуль составляла не более 100 м (при этом целились в середину туловища, а пуля попадала куда ей заблагорассудится).

Несколько лет назад в Японии для определения точности и пробивной мощи аркебуз начала эпохи Эдо (1603-1867) была проведена серия экспериментов с участием опытного стрелка.

В ходе одного эксперимента оценивалась эффективность огня по разным мишениям и с разных дистанций. Выстрелы производились пулями калибра 9 мм с зарядом пороха в 3 грамма с дистанций в 30 и 50 м по следующим мишениям: А. деревянная доска толщиной 24 мм; В. деревянная доска толщиной 48 мм; С. железная пластина толщиной 1 мм; Д. железная пластина толщиной 2 мм.

С дистанции 30 м все мишени были пробиты навылет. С дистанции 50 м были пробиты навылет мишени А и С. В 48-миллиметровое доске пуля затрепая, пройдя лишь 3/4 ее толщины. 2-миллиметровую железную пластину пуля тоже не пробила, вызвав лишь образование выпуклости с тыльной стороны. Поскольку железные пластины типично го доспеха домару эпохи Сэнгоку имели толщину 0,8 мм, этот эксперимент позволил сделать вывод, что доспех такого типа мог быть «прошиб» пулей из аркебузы с дистанции в 50 м.

Однако с точностью стрельбы на такой дистанции возникли проблемы. В эксперименте, имевшем целью установление точности стрельбы, аркебузир произвел по пять выстрелов пулями калибра 8 мм по мишени в форме облаченного в доспехи самурая с дистанций 30 и 50 м. При стрельбе с дистанции 30 м все пять пуль поразили мишень - грудной отдел «самурая». Но с дистанции 50 м только одна пуля из пяти попала в грудь, что вряд ли можно признать удовлетворительным результатом, поскольку на такой дистанции хорошо обученный лучник вполне мог оказы-

Сила

сированного огня аркебуз по системе караколе (чертежования шеренг, дающих залп) в сочетании с действиями отрядов других родов оружия. Это сражение продемонстрировало подлинную мощь огнестрельного оружия при его правильном применении.

Ко времени гибели Ода в 1582 г. в большинстве японских армий приблизительно треть солдат составляли аркебузиры, численность которых возрастала со скоростью, которую обеспечивали развитие технологий и производственных мощностей.

Во времена корейских походов 1592 и 1597-98 гг. именно превосходство японцев в оснащенности огнестрельным оружием и его качестве в значительной степени способствовало их победам в сухопутных сражениях. Так, в первом сухопутном бою при Пусане корейцы встретили японцев «засевой из стрел», но «были смешены огнем аркебуз». В своем письме домой в начале Корейской кампании Симадзу Ёсикиро писал: «Организуйте для нас отправку аркебуз и боеприпасов. Копья здесь совершенно не нужны». Другой даймё, Асано Ёсигара, сообщал, что «установил, что и корейские, и китайские ружья - более низкого качества, [чем японские]», и распоряжался, чтобы при отправке войск в Корею они имели с собой как можно больше аркебуз, чтобы они были у всех солдат, включая самураев.

К началу эпохи Эдо в Японии насчитывалось около 200000 единиц стрелкового оружия различных образцов. Ка-запасы бы, искусству ходзюцу была уготована дорога, усыпанная розами, но все оказалось совсем иначе...

На задворках будзюцу

Прекрасно сознавая всю мощь огнестрельного оружия, сёгуны Токугава предприняли решительные усилия для ограничения его распространения в стране. Иэясу, основатель этой династии, считал, что власть военного правителя проще гарантировать не силой «штыков» его армии, а путем создания баланса сил различных групп вассалов - крупных феодалов, обладающих собственными армиями, которые можно было бы натравливать друг на друга в случае конфликта. И именно в поддержании этого баланса сёгунам виделся залог сохранения мира в стране. А для этого очень важно было снизить численность и боеспособность армий даймё. В деле снижения боеспособности ничего лучше нельзя было придумать, как ограничить численность аркебузиров на службе князей. Была также развязана пропагандистская компания с целью рекламы истинно благородного оружия, «души самурая» - меча, который был противопоставлен аркебузу - поддому и коварному оружию, недостойному рук буси.

В деле упрочнения мира меры, предпринятые первыми сёгунами Токугава, оказались в высшей степени эффективны: за два с половиной столетия правления династии в стране, где десятки тысяч самураев ежедневно упражнялись с самыми разными видами оружия, где символом правящего сословия были два меча, заткнутых за пояс, не было ни одной хоть сколько-нибудь крупной усобицы. Но не менее эффективно и быстро подорвали они и боеспособность самурайских дружин. Всего через три десятилетия после установления власти Токугава, во время восстания в Симабара в 1637-1638 гг., они показали свою полную неподготовленность к военным действиям, и только голод помог одолеть восставших крестьян, гораздо хуже вооруженных и значительно уступавших врагу числом. Катастрофически сказались такая политика и на состоянии ходзюцу: токугавские аркебузиры и канониры показали себя при подавлении восстания совершенно неудовлетворительно. И причиной было то, что это воинское искусство, лишившись покровительст-

ва власти, оказалось оттесненным на задворки будзюцу, где медленно развивалось своим собственным путем. Возможно, оно бы и умерло совсем, если бы не традиционный институт школ рю.

«Школьные» стрельбы

Школы ходзюцу в подавляющем своем большинстве представляли собой автономные (в том числе в финансовом отношении) и самоуправляемые структуры, во главе которых стояли выдающиеся мастера, способные привлечь частных учеников, готовых платить за обучение искусству. Только вот что это могло быть за искусство, если школы ходзюцу, не пользуясь покровительством власти, не ориентировались на запросы армии, не нуждавшейся в их услугах?

В таких специфических исторических условиях развитие стрелкового дела неминуемо должно было принять в Японии особое направление. Так оно и случилось. Если в Европе XVI-XVII вв. в подготовке аркебузиров главное внимание уделялось развитию скорострельности, умению вести залповый огонь в составе подразделения, то японские мастера пошли совершенно иным путем: главным они считали не скорострельность, а меткость. Не случайно в преданиях основатели школ ходзюцу предстают, прежде всего, как снайперы, обладающие «божественным мастерством». Несомненно, повлияли на этот выбор и многовековые традиции самурайской стрельбы из лука, ориентированные на меткость огня, и то, что в мирную эпоху Токугава аркебузы служили почти исключительно лишь в качестве охотничьего или спортивного оружия, и даже... сама форма японской аркебузы, о чем надо сказать особо.

Уже говорилось, что у японских военных аркебуз не было приклада, который заменяла пистолетная рукоятка. На это обстоятельство с удивлением обращали внимание европейские путешественники, которым довелось побывать в Стране Восходящего Солнца во второй половине XVI в. Например, иезуит Луиш Фрейш в своем сочинении «Сравнение культур Японии и Европы» (1585) отмечал, что, в отличие от европейских солдат, призывающих при стрельбе приклад эспингарда (вид ружья) к плечу, японцы прижимают приклад аркебуз к щеке. Между тем, такие ложа отнюдь не были японской новацией. Они довольно часто встречались и в тогдашней Европе, но... почти исключительно у охотничьего оружия. Как полагают исследователи, в то время там, где требовалась скорострельность, предпочтение отдавалось ложу с прикладом, а где была нужна точность - на охоте, например, - пистолетной рукоятке.

Это быстро поняли и на Дальнем Востоке. Например, еще в 1598 г. китаец Чжао Шичжэн писал в своей книге «Генеалогия божественного оружия», что ружья, прижимаемые рукоятью к щеке, удобнее при стрельбе по птицам, поскольку при использовании ружья с прикладом, прижимаемым к плечу, стрелку приходится принимать крайне неудобную позу.

Возможно, португальцы привезли на остров Танегасима именно охотничьи ружья, что и предопределило форму ложа японских аркебуз. Но вряд ли все было так просто. Все-таки сомнительно, чтобы при всех многообразных каналах импорта огнестрельного оружия в Японию (через португальцев, испанцев, голландцев, англичан) острожитяне не имели возможности познакомиться с военными ружьями с прикладом. Скорее, речь здесь следует вести о сознательном выборе. И выбор этот - в пользу меткости, а не скорострельности - был диаметрально противоположным европейскому.

В этой связи любопытна судьба нарезного оружия в Европе. Первый образец нарезного ружья, как полагают, еще

в XVI в. сконструировал житель германского города Нюрнберга Август Котт. Оно отличалось точностью стрельбы, но низкой скорострельностью. Поэтому оружейник адаптировал его охотникам, назвав свое творение «Jaeger», т.е. «Охотник». Лишь два столетия спустя такие ружья были приняты на вооружение армии. Но не обошлось без курьезов. Когда в 1800 г. Наполеон Бонапарт узнал, что в Англии создан отряд, вооруженный винтовками, он заказал образец винтовки, использовавшейся англичанами, и, проведя собственные испытания, решил не перевооружать свои войска: на подготовку винтовки к стрельбе требовалась минута, а за это время из более старого и менее меткого кремневого ружья можно было сделать 4 выстрела. Даже такой великий полководец не сумел понять, что началась эпоха нарезного - меткого - оружия...

А, с другой стороны, хотя более скорострельные, по сравнению с фитильными, кремневые ружья стали известны в Японии уже в XVIII в., подавляющее большинство школ ходзюцу так и не перешло на них. Дело в том, что ранние кремневые замки были несовершенны и препятствовали высокой точности стрельбы, поскольку оснащенные ими ружья сильно вздрагивали при выстреле из-за довольно сильного удара бойком-кресалом по кремню. Пожертвовав скорострельностью, представители школ ходзюцу остались верны аркебузам, у которых выстрел происходил благодаря легкому касанию тлеющим фитилем полки с затравочным порохом.

Выбор в пользу меткости предопределил многие специфические черты ходзюцу, отличающие это японское искусство от европейской стрелковой подготовки XVI-XVIII вв. Ходзюцу предстает как уникальный сплав техники, воплощенной в стандартизованных формах ката, научных знаний и... дзэнской медитации.

Точность стрельбы из ручного огнестрельного оружия зависит от многих факторов. Прежде всего, конечно, от качества оружия. И в Европе повысить меткость стрельбы всегда стремились именно за счет совершенствования оружия. Японцы же оказались чрезвычайно консервативны и вплоть до середины XIX в. так и не расстались со старинными ар-

кебузами. Конечно, нельзя сказать, что никаких усовершенствований ружей за всю эпоху Эдо произведено не было, но радикальных изменений в оружии подавляющего большинства школ ходзюцу не совершилось.

Вместо этого, мастера ходзюцу сосредоточились на совершенствовании техники стрельбы: приемов заряжания, прицеливания, нажатия на курок, требующих тончайшей согласованности позиций, дыхания, межмышечной координации. Вот эти-то технические аспекты и составляли секрет рю и передавались наставниками изустно.

Стрельбы проводились на специальных полигонах какудзё, где были установлены мишени. Существовало несколько стандартных дистанций стрельбы. Первая дистанция - 15 кэн, т.е. 27,15 м. В этом случае стреляли по мишениям в виде квадрата со стороной около 25 см, в центре которого черной краской был нарисован круг диаметром в 6 см, именовавшийся «звездой» - «хоси». «Звезда», в отличие от современных мишней, не разделялась на круги и представляла собой простое черное пятно. Задачей было «хосири» - «попадание в звезду». Стрельбы на расстояние более 1 тё - 109,09 м - назывались «тёти» - «стрельба на дистанции, измеряемые в тё». Здесь различались «стрельба на малую дистанцию» (кинтё) и «стрельба на большую дистанцию» (энтё). О какой-либо снайперской точности огня речь в данном случае не шла, и в качестве мишени использовалась «занавес» - «маку». Соответственно попаданием считалось «поражение занавеса» - «макуирэ».

Стрельба чаще всего осуществлялась из положения стоя (татиханаси) или из положения на колене (сицудай). Существовали и другие положения для стрельбы, а вот стрельба из положения лежа на животе, как ни странно, была чрезвычайной редкостью.

На полигоне все действия стрелка представляли собой торжественный обряд. Все приемы выполнялись надлежащим, правильным образом (ката). Совершенствуя состояние сознания и технику, ученик не должен был обращать внимания на попадание или промах. В дзэнских традициях считалось, что достичь «подлинного попадания» (макото-но атари) может только стрелок, сохраняющий абсолютное спокойствие и невозмутимость, «когда мишень нет перед глазами, и самого тебя нет перед мишенью, когда пребываешь состоянии «отсутствия Я - пустого сердца», когда в сознании нет ни единой дурной мысли, когда ничего не добиваешься».

В наставлении по школе ходзюцу Ватанабэ-рю говорится: «Если сердце ружья и сердце стрелка различаются, будет промах... Состояние сознания «круглая (совершенная) луна» подобдается яркому свечению луны, наделенной ясностью. Луна - это тень. Пока ружье не выстрелило - это тоже тень. Если стрелок не пребывает в тени, если между ним и его оружием нет гармонии, он дает промах. Тень имеет форму земли и не движется. Поэтому, когда сердце, глаза и ладони пребывают в единстве, в сознании не может возникнуть никакой иной мысли размером хотя бы с горчичное зернышко. Если, противостоя вражескому войску, стреляя по птицам и зверям, будешь забывать свое Я и не позволишь своему сознанию двигаться, всегда будешь достигать успеха. Именно это состояние сознания называют «сознанием круг-

лой луны». Когда полная луна набрала силу, нет такого места, которое осталось бы неосвещенным или было бы освещено слишком. И еще луна спокойна. В любую смуту: в войну, в пожар, в тайфун - луна всегда сохраняет спокойствие. Таким же должно быть и искусство стрельбы из ружья... В начале обучения различные мысли - серьезное отношение к стрельбе, желание заслужить похвалу при стрельбе в присутствии других или при стрельбе по птицам и зверям - тревожат душу, сердце движется, инь и ян сражаются друг с другом и пребывают в беспорядке. В таком состоянии, как ни целься, все равно не попадешь, а дашь большой промах».

Однако одного «сознания круглой луны» было явно недостаточно для точного попадания в мишень. Требовалось еще знать массу чисто технических вещей. Так, взрывная сила применявшегося дымного пороха во многом зависела от влажности воздуха. Поэтому, чтобы вести эффективную стрельбу из аркебуз, стрелок должен был, сообразясь с погодными условиями, менять соотношение трех составляющих порохов частей: селитры, серы и угля, а также его количество. В школах ходзюцу были разработаны специальные предписания относительно состава пороха для использования в разные сезоны года с учетом температуры и влажности воздуха.

Далее, стрелок должен был очень точно оценить дистанцию и придать стволу необходимое возвышение, чтобы пуля, пролетев по кривой, смогла поразить мишень.

Наставления по стрельбе из аркебуз испещрены многочисленными цифровыми показателями. Особенно много чисел связано с углами возвышения для стрельбы на различные дистанции. Само их существование свидетельствует, что мастера ходзюцу проводили серьезные исследования, наблюдая за траекториями полета снарядов - пуль и ядер. В процессе совершенствования своего искусства мастера ходзюцу сделали целый ряд важных открытий.

Особо следует отметить школу Цуда-рю, которая восходит к уже упомянутому Цуда Кэммому. Еще в 60-е годы XVI в. ее представители провели ряд исследований углов возвышения при стрельбе на различные дистанции и смогли точно установить, что пуля в полете описывает параболу. Это было выдающееся открытие, на несколько десятилетий опередившее открытие этого закона европейскими учеными. Так, крупнейший в те времена специалист по баллистике Тарталья в то же самое время утверждал, что ядро сначала летит по прямой, а потом падает отвесно вниз. И только через семьдесят лет после открытия японских стрелков, в 1639 г., знаменитый Галилео Галилей обнародовал свой научный доклад, в котором показал, что снаряд в полете описывает параболу.

К сожалению, в Японии исследования траектории полета снаряда не приняли научного направления, а ограничились лишь элементарными расчетами пропорций составляющих

пороха да умением выбирать нужный угол путем чисто механических расчетов на основе данных о величине заряда и угле возвышения при выстреле. Возможно, здесь сказалась традиционная закрытость школ, которые отнюдь не стремились делиться своими знаниями с посторонними людьми.

Поскольку стрелок должен был учитывать многочисленные числовые данные, заучить которые со слов учителя не представлялось возможным, в отличие от других направлений будзюцу в ходзюцу всегда имелись объемистые наставления. Большинство из начинается с напоминания о необходимости быть крайне осторожным при обращении с оружием, поскольку любая оплошность может стоить стрелку жизни. Далее описываются позиции для стрельбы и особенности психологического настроя. Каждой из этих тем может быть посвящено по 50, а то и по 100 параграфов - cada (поэтому такие тексты называют «кадэсё» - «книги с перечислением параграфов»). Во многих случаях они представляют собой вака - японские стихи. Далее излагаются хидэн, т.е. «сокровенные секреты»: объемы пороха, используемые для заряда в зависимости от массы снаряда; траектории стрельбы на ту или иную дистанцию; правила подбора составляющих пороха, их очистки и пропорций смешивания и другие научно-технологические знания.

Судьба ходзюцу

В эпоху мири при династии Токугава ходзюцу не вызывало интереса со стороны широкой публики, хотя его последователи прилагали усилия, чтобы привлечь к себе внимание демонстрацией каких-нибудь диковин: устраивали показательные стрельбы из крупнокалиберных ручниц, красивые фейерверки и т.д. И все-таки это воинское искусство оставалось на задворках будзюцу, а уже с первых десятилетий XIX в. у него появился серьезнейший конкурент - в Японию вновь начало проникать стрелковое дело с Запада, ориентированное на использование гораздо более совершенного огнестрельного оружия. И борьба этой ходзюцу не выдержало: после испытаний новейших образцов европейского ручного огнестрельного оружия, устроенных тёгунатом в 1841 г., европейское стрелковое дело начало быстро вытеснять его. Однако наследие старых мастеров не стигнуло без следа: отмерли лишь его устаревшие формы, а вот течения снайперской стрельбы оказалась как нельзя кстати. Она способствовала усвоению японцами иностранных наставлений в кратчайший срок и позволила им поднять снайперское искусство на высочайший уровень.

И все же, даже в этих условиях, не все школы ходзюцу умерли. Среди живых и ныне следует назвать, прежде всего, Сэки-рю. Еще и сегодня ее представители периодически извлекают на свет старинные аркебузы и к огромному удовольствию зрителей во время показательных выступлений метко поражают свои мишени, окутываясь клубами дыма...

Путаница

Торикаэбая моногатари

Перевод М.В. Торопыгиной

17.

В последний день двенадцатой луны Химэгими отправился к отцу. Всех одолевали хлопоты, но отец так о нем беспокоился, что не мог представить, как это они не виделись целые сутки, и хотя Химэгими наведывался часто, отец ожидал его с нетерпением - взгляд его светился радостью. Химэгими был в самом расцвете своей красы, но очень исхудавший и погрустневший, что обеспокоило отца.

- Ты плохо выглядишь. Тебе все еще нездоровится? - спросил он.

- Ничего особенного, просто недомогание, но оно уж слишком долго длится, - отвечал Химэгими.

- Это ужасно. Надо снова приступить к молитвам.

Садайдзин позвал нужных людей и отдал распоряжения относительно чтения заклинаний, молебнов и молитв. Химэгими, растроганный этим, думал, как будет горевать отец, когда он бесследно исчезнет, и, не умея справиться со своими чувствами, он расплакался, хотя и пытался скрыть слезы.

- Мои дети отличаются странностями, причиной тому, верно, мои грехи, я даже подумывал о том, чтобы покончить с жизнью. Но теперь у тебя есть служба, высокий чин, ты принят в обществе и при дворе, все хвалят твою красоту. Я сам ничем не замечателен, так что это мне вдвое лестно. Я уже был готов утешиться и смирился с судьбой, но когда мне казалось, что моим горестям пришел конец, я увидел, что ты постоянно пребываешь в тоске, тебя одолевают печальные мысли, это так горько, что мне незачем жить, - сказал отец плача.

- Не думай, что со мной случилось что-то серьезное. Да, моя хворь - сильнее обычного, вот ты и волнуешься, но только речь вовсе не идет о жизни и смерти, мне просто отчего-то почудилось, что мы можем разлучиться, - попытался успокоить отца Химэгими. Преодолевая себя, он поел вместе с отцом.

Отец был очень доволен совместной трапезой и немного пришел в себя. Между тем мать Химэгими оставалась совершенно спокойна и никаких вопросов не задавала.

18.

С началом нового года Химэгими почувствовал себя, «как баран, ведомый на заклание». «И сколько еще может так продолжаться?» - думал он. В Новый год все было вычищено и приведено в порядок - сам экипаж, шторы, ободли... Слугам была пожалована приличествующая случаю одежда. Сам Химэгими выглядел безукоризненно - от верхней одежды и до глянцевого узора нижних одежд, он был блестителен. Сделав все необходимые приготовления, он первым делом отправился к отцу, чтобы выразить почтение родителям. Стоило им только увидеть, как он замечательно красив, как им сразу показалось, что в этом году он еще прекраснее обычного, и они не могли сдержать слез, что было совершенно неуместно в этот радостный день.

Когда Химэгими появился во дворце, его облик поразил всех. Пришел и Сайё, он тоже был привлекательнее других. «Он привык бывать в обществе, при его положении ему бу-

дёт трудно измениться», - беспокоился Сайё. Он внимательно наблюдал за Химэгими, но поскольку никакого предлога не обнаружилось, поговорить с ним не удалось.

Когда Химэгими отправился к Вакагими, там было много знати и сановников, все его приветствовали и превозносили, но теперь это светское общение было ему стеснительно и горько. Сайё попросили сыграть на бива, а Распорядительница женских покоев спела «Ветку сливы», ее голос был необыкновенно хорош. Сайё теперь перенес свою любовь на Химэгими и удовлетворился этим, но сейчас он вспомнил, как странно и твердо прекратила отношения с ним Распорядительница женских покоев, и он покинул этот дом с неспокойным сердцем.

Химэгими посещал все придворные празднества, старательно исполняя свои обязанности, на заседаниях государь ставил его мнение выше мнения сановников, которые были гораздо старше его. Нет в мире ничего более благостного, чем государевы милости.

19.

В ту весну сакура цвела пышнее обычного. В первый день третьей луны должно было состояться любование цветами в Южном дворце, отовсюду были приглашены признанные сочинители китайской поэзии - событие обещало стать необыкновенным, сердца радовались.

Пришел назначенный день, государь задал тему, на которую должно было быть сложено стихотворение. Когда Химэгими прочел свое стихотворение, всем стало ясно, что даже прославленные знатоки не смогут его превзойти.

- Даже в Китае никто с ним не сравнялся, что уж говорить о нашей стране... - так сказал государь.

Все, включая самого государя, декламировали свои сочинения, было шумно. Тут Химэгими призвали к государю, выделив его среди прочих. Сняв с себя верхнее платье, государь помог Химэгими облачиться в него. Спускаясь с возышения, где находился государь, Химэгими так изящно кланялся, его манеры и облик казались еще более замечательными и превосходными, чем всегда. Он был прекраснее благоухающих цветов, всякий, кто видел его, плакал. И уж, конечно, его отец, Садайдзин, проливал слезы радости, чemu, разумеется, были свои причины, думал: «Как прекрасно! Как он великолепен! А я еще смею печалиться! Разве можно заподозрить хоть что-то? Кажется, он может отлично прожить и так». О радости Удайдзина нечего и говорить.

20.

Стемнело, начался концерт. Химэгими думал о том, придется ли ему еще когда-нибудь играть на флейте. Раньше он, бывало, время от времени уклонялся от музенирования, но теперь вкладывал в игру все сердце. Рассекая облака, звуки достигали небес, и не было никого, кто остался бы равнодушным, кто не сказал бы, как это прекрасно. Химэгими был так необыкновенно одарен и обладал такой прекрасной внешностью, что выглядел существом из другого мира. Однако недаром говорят: «Ослепительное сияние до добра не доводит»...

Слово

Государь был очень растроган: «Этот человек перерос свою должность и ранг, вот и сегодня он показал свои разнообразные таланты». Решив отметить его, государь назначил Химэгими Командующим правой гвардией. Посчитав, что и Сайсё тоже выказал свою незаурядность, государь пожаловал ему должность внештатного Среднего советника. Было бы так естественно обрадоваться оказанной им чести...

Итак, Химэгими получил указ о назначении. Когда спустилась ночь, из дворца вышел Садайдзин. Химэгими был хорош до изумления. Конечно, он радовался, что удостоился внимания государя, но в глубине души по-прежнему печалился: «Люди умлют, что я процветаю - ведь я поднялся так высоко, и никто из них не может себе даже представить, что я должен буду исчезнуть без следа». Несмотря на великую радость, его сердце было омрачено, но о его тоске не догадывался никто. Вскоре отец с сыном проследовали в дом Удайдзина, там уже ждали их, в доме было шумно и радостно, а сам Удайдзин выглядел даже еще более довольным, чем если бы его дочь стала государыней.

Хотя Сайсё, вроде, должен был бы радоваться, но это было не так: он понимал, что удостоился внимания государя только лишь благодаря другому, который был лучше его, и ему было горько от того, что он не стал первым. «Советник обладает замечательной внешностью и непревзойденными дарованиями. Как я повел бы себя, окажись я на его месте? Сколько ни менять свой облик - трудно отказаться от того, к чему привык», - всю ночь Сайсё думал об этом, а когда рассвело, написал поздравительное письмо.

Божественного цвета
Фиолетовых облаков
Твое одеяние.
В радости не изменишь ли
Своей клятве?

В эти дни повсюду, включая дом Удайдзина, царили радость и веселье, но Химэгими был взволнован и озабочен. То, что Сайсё, похоже, об этом догадывался, было так странно и трогательно.

«Поздравить нужно в первую очередь тебя, - написал он.

Ты угадал
Мои тревоги.
Не знаю,
Что будет со мною,
Когда сменю я платье».

Прочтя послание, Сайсё понял, что у Химэгими действительно есть причина печалиться, и он заплакал, потому что думал не о радости своего возвышения, а о любви к ней.

Торжества и праздники занимали все время, увидеться было невозможно, но посчитав месяцы и дни, Сайсё решил, что скоро Химэгими будет принадлежать только ему, и его сердце совершенно успокоилось.

21.

Химэгими полнел. Как ни трудно ему было именно теперь, после того, как он был обласкан государем, расстаться с привычной жизнью, но и оставить все, как есть, было тоже нельзя. Химэгими был потерян.

Как-то ему случилось дежурить ночью во дворце. Сайсё тоже был там, они отправились в комнату отдыха, разговаривали. Сайсё украдкой написал ответ на чье-то письмо. С заговорщиком видом он отдал его посыльному. Если бы Сайсё спрятал полученное письмо, вышло бы, что он скрывает что-то от Химэгими, если бы показал - обидел

бы того, кто прислал его. По его нерешительному виду Химэгими догадался, что, должно быть, письмо было от Ённокими.

- От кого? Ну-ка, покажи!

Химэгими удивился, что Сайсё не нашелся с ответом.

Химэгими, как бы озорничая, выхватил письмо. Не желая иметь секретов от Химэгими, Сайсё не сопротивлялся. Письмо было написано на великолепной фиолетовой бумаге еле видной бледной тушью, оно было, без сомнения, от Ённокими. Должно быть, она отвечала на что-нибудь вроде: «Ты, верно, очень рада, что Химэгими получил повышение по службе».

Ночные одежды

Мужу к лицу.

Но больше

О ком не знают люди,

Рада слышать.

Хотя различить написанное не составляло труда, Химэгими сказал:

- Бледновато, ничего не разберу, от кого это? - он попытался скрыть свои чувства и протянул письмо Сайсё.

Тогда Сайсё спросил:

- Ну, и что ты думаешь по этому поводу?

- Никак не прочесть, ничего не вижу, - уклонился Химэгими.

Про себя же он рассуждал так: «До чего же ненадежно человеческое сердце, будь то мужчина или женщина! Вот Ённокими, на первый взгляд она невинна и благородна, но это только со стороны. Пусть ей самой все равно, что у меня на сердце, но ведь другие люди тоже обо всем догадываются, судачат, и это ужасно по отношению ко мне. А ведь она такая замечательная, каковы же тогда сердца людей обычновенных... Как горько думать об этом! Но мне так не хочется, чтобы кто-то заметил, что я хоть чуточку неспокойен». И он не показал своего недовольства Ённокими.

Понимая, что привычная жизнь продлится еще месяц или около того, Химэгими часто навещал отца, ходил на ночные дежурства во дворец. Это была его обычная жизнь. Раньше он никогда, если не было на то особой причины, не вступал в разговоры ни с высшими аристократами, ни с простыми придворными.

«Он, конечно, человек замечательный, но только он нас за людей не считает, ведет себя отстраненно и высокомерно», - ссыпалась упреки на его голову.

Но теперь Химэгими стал гораздо внимательнее и сердечнее, он стал благосклонным к дамам, а ведь считалось, что с ним трудно завязать отношения. Люди все больше терялись в догадках.

22.

Химэгими находился на ночных дежурствах во дворце. В двадцатых числах месяца луны нет допоздна.

Весенний ночью

Непрогляден мрак,

И даже слиновых цветов не видно.

Но аромат -

Его не спрячешь.¹

Вдохнув аромат, Химэгими вспомнил о даме, которая в праздник Нового года написала: «Узорчатый шелк лишь мельком увидала...». Когда все умолкли, он украдкой подошел к Живописному павильону.

¹ Стихотворение Осикоти-но Мицуунэ (898-922) («Кокинсю», Свиток I, № 41).

Куда ушла
Луна, что видел я зимою?
Мне это не узнать,
Ведь беспросветен мрак
Весенней ночи.

Когда он тихим приятным голосом дочитывал последнюю строку, кто-то вдруг неожиданно приблизился к нему.

Пусть я луна,
Что скрылась.
Но раз тебя увидев,
Я тосковала,
Не навсегда ль ушел?

Верно, это ответила та самая дама. Химэгими растерялся, он и не думал, что она все еще в него влюблена, полагая, что она давным-давно забыла его, но, оказывается, ее сердце не изменилось, он не смог пройти мимо и приблизился к ней.

Часть третья

1.

Настала четвертая луна, и из-за своего положения Химэгими становилось все труднее и труднее вести себя, как прежде. Он пытался делать вид, что ничего не изменилось, но даже несколько шагов давались ему с трудом. Сайсё не мог без помех с ним встречаться и страдал.

- Отчего ты упорствуюшь? Нехорошо, если ты навлечешь на себя подозрения, - доказывал он.

Б в окрестностях Удзи у отца Сайсё было очень хорошее поместье. Сайсё подготовил там все самым щателенным образом, рассчитывая, что обязательно увезет Химэгими и посетит его там. А потому теперь он проявлял нетерпение и говорил с раздражением. Но Химэгими не ждал последовать замыслу Сайсё. Если бы он не ждал ребенка, он мог бы укрыться у принца Ёсино, но его положение требовало хлопот, которые были бы неудобны в присутствии этого воплощенного будды и принцесс. Ведь они кажутся такими застенчивыми, им будет неловко и стеснительно, а Химэгими не хотел быть источником таких забот. Ничего не оставалось, как послушаться Сайсё, ведь если поступить по-своему, решиться, как это ни горько, оставить его, то тогда придется обращаться за помощью к кому-то еще, но Химэгими стыдился даже своей кормилицы, с которой был так близок. Химэгими не знал, как быть, и беспокойство терзало его. Если уж случилось так, как случилось, наверное, стоит последовать увещеваниям Сайсё: отвернуться от света и скрыться. «Мне уже трудно двигаться, искать помощи сторонних людей - неприлично», - решил так, Химэгими условился с Сайсё о дне отъезда и немедля отправился к принцу Ёсино.

2.

Со времени своего первого визита сюда Химэгими никогда не оставлял своим вниманием принцесс, заботился и о каждой мелочи в доме - вплоть до петлей на дверях монашеской кельи. Этот долгий путь он проделал множество раз и никогда не оставлял обитателей дома своими щедростями. Принц Ёсино ценил благородство молодого и блестящего человека и отвечал ему откровенностью. Принц всегда встречал Химэгими с радостью, они стали близки, разговаривали о многом. Вот и сегодня Химэгими даже больше обычного говорил о своих горестях, хотя и не открывался до конца. Сочувствуя ему, принц сказал:

- Пусть сейчас вам так печально, но это лишь преходящее смятение поселилось в вашем сердце, - со всем жаром души он молился за Химэгими.

Химэгими, как всегда, повидал и принцесс, он всхлипывал и тосковал:

- Что бы ни случилось, я непременно вернусь, здесь будет мое последнее пристанище, не забывайте меня. Месяца три я не смогу навещать вас. Может случиться так, что я умру, и тогда мы видимся в последний раз, но если предчувствия обманут меня, и я останусь жив, я обязательно приду снова, каким бы странным ни показался вам мой облик. И не думайте, что я отдалился от вас.

3.

С утра до вечера Химэгими проводил дни с отцом и матерью, чьему они были очень рады, но каждый раз, когда он видел их радостные улыбки, у него лились слезы. Химэгими одолевали мрачные мысли, ведь Удайдзин будет страшно огорчен его исчезновением и, пребывая в расстроенных чувствах, наверняка станет обвинять его в бессердечии. Ённокими тоже понемногу полнела, она выглядела бесконечно потерянной, и лицо ее выражало страдание. Химэгими не испытывал к ней неприязни. Пусть она и предпочла Сайсё, ему не хотелось ее оставлять - они были вместе достаточно времени, чтобы привыкнуть друг к другу, бывали и счастливы, он любил ее. Несмотря на ее связь с Сайсё, Химэгими не желал покидать ее - такое уж у него сердце, но именно сейчас он не хотел открываться ей.

От новых занавесей, повешенных на лето, веяло холодом. Такой же, а, может быть, даже еще больший холод исходил от самой Ённокими. Она была одета в пять нижних платьев бледно-лилового цвета на голубой подкладке, поверх них - накидка «опавшие листья», вытканная зелеными и желтыми нитями. Она казалась настолько бессильной, будто лишилась своего тела, но это только добавляло ей обворожительности и благоуханной прелести. Ее дочка выглядела милой, как куколка, она уже начала подниматься на ножки. Химэгими остановил взгляд на девочке. Что бы ни случилось, покуда он жив, он станет посещать отца с матерью, но здесь он, верно, в последний раз, ибо для чего ему сюда возвращаться? - подумал он и даже не заметил, что некоторые присутствующие здесь придворных дам он раньше никогда не видел.

- Когда меня не будет больше на этом свете, станешь ли ты вспоминать меня добром? - спросил он, приблизившись к Ённокими.

От стыда она покраснела. Необычайно хороша и благоуханна!

Если дольше твоей
Моя продлится тоска,
В одиночестве
Лишь о тебе
Печальность стану.

Голос ее дрожал, она была такой юной и изящной, но стоило Химэгими вспомнить, что она писала «Но больше о ком не знают люди...», он со стыдом осознал, что она не любит его так, как того, другого... Ему хотелось думать: «Все, с меня достаточно! Я совершенно к ней осыпал!» - но сегодня нежность никак не покидала его. Это было так нелепо!

Если б мог я поверить,
Что станешь с тоской
Ты меня вспоминать.
Стал бы думать о том лишь,
Как тебя я люблю.

Слово

- Знай, я говорю правду. Годами я не умел сказать о своих чувствах так же красиво, как это делают другие, но мое сердце переполняла глубокая любовь, я всегда считал, что своей глубиной она не уступит чувствам других людей, но жизнь и чаяния - не одно и то же, и ты решила, что мое чувство не так сильно, как чувство того, другого, для меня это стыдно и горько, но здесь ничего не поделаешь. Теперь обо мне сплетничают, я выгляжу глупцом, моя честь запятнана, я не знаю, что делать. Только из-за любви к тебе я до сих пор не покинул этот безрадостный мир. Наверное, я сужу слишком сурово, и тебе не хочется слушать, - сказал Химэгими, прижимая рукав к лицу.

Что могла ответить ему Ённокими? Ей было стыдно и горько, она вся дрожала, капельки пота выступили у нее на лице.

Поначалу огорчив Ённокими, Химэгими теперь пытался ее утешить. Он подумал, что ему не стоит сегодня навещать отца - в его присутствии он становится нестерпимо слабым, и тогда он решил отправиться к Вакагими. Одевшись тщательнее обычного, Химэгими приединился к Ённокими ближе, чем это было у них приятно:

«Я иду во дворец. Если будет в том необходимость, остановясь там на ночное дежурство, если нет - вернусь», - сказал он, и добавил, обращаясь к дамам: «Заботьтесь о ней получше. Жаль, что у нее всегда такой скорбный вид».

4.

Химэгими дошел до Сверкающего павильона. С Вакагими были лишь несколько дам. В саду только что привели в порядок посадки гвоздики, и Вакагими хотелось посмотреть, что из этого вышло. Перед ней стояла небольшая ширма. Брат с сестрой мирно беседовали, и дамы, не желая им мешать, скользнули за занавески.

- Начиная с осени, я чувствую себя совершенно больным, меня одолевают тяжкие думы, наверное, моя жизнь подходит к концу, за эти годы я сполна изведал, как это горько - быть другим. И вот я решил, что с меня хватит. Но что будет с родителями? У них ведь есть только ты и я, мы должны заботиться о них. Я уж не говорю о том, каково будет тебе без меня. Но только ты можешь понять, отчего так неспокойно у меня на сердце, - говорил он, и слезы текли у него из глаз.

Вакагими мучилась теми же чувствами, что и он. Она была очень застенчива и вовсе не понимала отношения между взрослыми, и только приобщась к светской жизни, стала кое о чем догадываться, но она по-прежнему чуралась незнакомых. Оба осознавали свою непохожесть, и это сблизило их. Они заботились друг о друге, и поэтому, когда Химэгими сказал, что она сможет его понять, и заплакал, Вакагими тоже было трудно сдержать слезы.

- И мне горько быть такой, как я есть, непохожей на других. Это так мучительно, сейчас, верно, не время об этом говорить, но так продолжаться не может. Сколько я передумала о том же, о чем говоришь сейчас ты - о том, чтобы склонить себя в горах. Так продолжаться больше не может! Я все больше думаю о

нашей горькой судьбе, - сказала она, заливаясь слезами.

Химэгими понимал, что она говорит правду. Сквозь бледно-лиловую ткань занавески Химэгими мог видеть, что на ней одеяние «гвоздика» - пять нижних платьев цвета красной сливы на голубой подкладке, поверх - платье «опавшие листья», вытканное зелеными и желтыми нитями. Она выглядела необыкновенно привлекательной. «А ведь такое одеяние предназначалось мне!» - он снова вспомнил про свое тело, и мысли его были печальны и горьки. Вакагими же подумала о том, какой Химэгими блестящий и благородный. Даже сейчас, когда он так осунулся, он был очень красив и изящен. На людях Химэгими выглядел сухим и мужественным, но сейчас он пребывал в затруднении и расстроенному, он казался таким мягким, милым и близким. «Какие мы с ним странные, ведь это я должна была быть такой!» - подумала Вакагими. Они смотрели друг на друга, беседовали о своих тревогах и волнениях и горько плакали. Разделенная печаль не позволяла им расстаться.

Шло время, стемнело. Собираясь уходить, Химэгими обронил:

- Почему никого нет рядом с тобой? Позови кого-нибудь. Вакагими провожала Химэгими испуганным взглядом - в его поступи появилось что-то необычное.

Отпуская своих телохранителей и приближенных, Химэгими сказал:

- Сегодня я остаюсь на ночное дежурство в Сверкающем павильоне. Утром будьте здесь с экипажем.

5.

К этому времени Сайсё уже переоделся и поджидал Химэгими у северного поста в легком запряженном волом экипаже, в каком путешествуют люди незнатные. Химэгими незаметно вышел к нему. Будто во сне, он сел в экипаж, и они отправились в Удзи. По дороге Химэгими одолевали мрачные мысли. Ясная луна красиво освещала дорогу. Когда они достигли гор в Кохата, где уже некому было удивляться необычным путникам, Химэгими достал флейту. Он привык к ней с детства, и только эту флейту он взял с собой. Вряд ли ему доведется теперь играть на ней. И эта горечь присоединилась к другим его потерям. Всю свою тоску вложил Химэгими в игру - звуки были несказанно прекрасны. Сайсё же, отбивая такт веером, пел.

Место, куда они приехали, оказалось чудесным, ведь Сайсё сам выбрал его. Внутреннее убранство дома было тоже прелестным. Чтобы Химэгими не осталась без помощи, Сайсё отправил туда двух дочерей своей кормилицы и еще несколько совсем молоденьких девушек, которые вряд ли отдавали себе отчет в том, что происходит. Они уже были на месте и ожидали прибытия Химэгими.

Перед тем, как выйти из экипажа, Химэгими с горечью подумал: «Что меня здесь ждет? Нет, не хочу!» - но дороги назад уже не было, заполучивший его наконец Сайсё не позволит ему вернуться. Химэгими провел ночь в печали.

6.

Рано утром Химэгими подняла решетки и огляделась. Она выглянула наружу - все было таким незнакомым. Мечты Сайсё сбылись, он был очень доволен и велел, чтобы Химэгими вымыла голову и распустила волосы. Он оглядел ее густые и короткие, как у монахини, волосы. Ей выщипали брови и начернили, как это принято среди женщин, зубы. Теперь она выглядела еще более благоуханной, чем прежде. Увидев, как она необыкновенно хороша, Сайсё очень обрадовался, влюбленно подумав, что его усилия того стоили. Химэгими же по-прежнему только и думала: «Что со мной будет? Жизнь взаперти будет скучна!» Ей было так горько, что она даже не встала с постели. Сайсё расстроился:

- То, что произошло, - так естественно. Неужели тебе кажется, что твой прежний облик отвечает твоей природе? Тебе хотелось свободы и сколько угодно общаться с людьми, вот ты и сделалась мужчиной. Может, это тебе и вправду нравилось, но невозможно жить, выдавая себя не за того, кто ты есть на самом деле. Сейчас ты кажешься себе странной, но ведь ты рождена женщиной, пройдет совсем немного времени, и ты привыкнешь. И когда твой отец узнает обо всем, он не найдет в том ничего предосудительного.

Химэгими стало неловко, потому что в его словах была заключена правда. «Если я стану обыкновенной, пусть и не такой, как раньше, пока я жива, я смогу встречаться со всеми», - подумала она и успокоилась. На ее короткие волосы было жалко смотреть, однако среди снадобий, которые ей дал принц Ёсино, было и такое, от которого волосы вырастали за ночь на целую ладонь. Она достала его, решив, что настало время и для него. Каждый день она мыла голову и втирала лекарство. Спрятав Химэгими, Сайсё посвятила себя заботам о столь дорогой и любимой женщине, но сама она пребывала в тоске и украдкой плакала. Так незаметно шли дни.

7.

А что происходило в столице? Тем самым утром, как то и было приказано, для Химэгими подали экипаж, но его самого нигде не было. «Господин отпустил нас ночью», - опровергались слуги. Химэгими стали искать, но найти не могли.

Сначала подумали, что он уединился всего на несколько

дней, как делал обыкновенно каждый месяц, однако в доме кормилицы его тоже не оказалось. Тогда вспомнили, что и раньше он, бывало, скрывался у принца Ёсино и отсутствовал дней по десять, но вот минуло уже и десять дней, а его все не было, да к тому же и все его люди были на месте. Один из тех, кто обыкновенно сопровождал его, сказал:

- Он действительно был в гостях у принца Ёсино в начале месяца, но пробыл там всего два или три дня.

И представить себе невозможно, как все беспокоились.

Отец думал: «Он с такой печалью рассуждал об этом мире, и, должно быть, переживал из-за того, что не похож на других. И все же он так высоко поднялся, что без особой причины не должен был отвернуться от мира. Так мне, по крайней мере, казалось. Но, начиная с прошлой зимы, он временами выглядел очень странным. Так отчего же я ничего не заподозрил!» Нечего и говорить, как плакал и горевал Садайдзин. Химэгими преуспел во многом, он был выдающимся человеком, и когда отец видел его, он забывал обо всем, обо всех своих прошлых горестях - так радовалась он встречам с Химэгими. Эти мысли не оставляли Садайдзина, он словно лишился рассудка и потерял всякий интерес к жизни.

8.

Удайдзина терзали противоречивые чувства. Ённокими вспомнила, что расставаясь с ней, Химэгими говорил о своем уходе из мира, она упала на пол и исходила слезами. Удайдзин переживал за Химэгими не меньше его отца, но в то же время в нем копилась обида: Химэгими не слишком любит Ённокими, ведь он оставил маленькую doch и ее беременную мать в полной растерянности. Удайдзин плакал, не переставая. Это странное и непонятное исчезновение вызвало множество пересудов. «Сайсё ухаживает за Ённокими, а Советник такой чувствительный и щепетильный, что не выдержал и скрылся». «Дочь Ённокими не иначе, как от Сайсё».

Эти слухи дошли и до Садайдзина, и он подумал, что эти подозрения, должно быть, имеют под собой основания. Кто-то разгадал его тайну, а ведь Химэгими - очень умный и тонкий человек, вот он и не смог остаться в обществе и скрылся - расстроился Садайдзин. Химэгими скрылся тайно, никому ничего не сказал - утопая в слезах, думал отец.

Удайдзин никак не мог взять в толк, что же, все-таки, происходит, и отправился к Садайдзину. Глядя ему в глаза, Удайдзин делился своими сердечными горестями, говоря, что любовь Советника оказалась мелкой, и потому он оставил его дочь. Садайдзин был весьма задет упреками Удайдзина, и, несмотря на его житейский опыт, здравый смысл изменил ему, и он повел себя не так, как подобает знатному человеку - он слово в слово поведал Удайдзину то, о чем говорили люди:

- Поначалу он думал, что Ённокими достойна уважения и другой такой нет, и заботился о ней. Но в последнее время она часто огорчала его, полагаю, в этом и заключена причина того, что случилось.

Услышав такие речи, Удайдзин перестал плакать - настолько изумили его эти неожиданные и необычайные сведения. Пребывая в смущении от визита, он вернулся домой и поделился с женой полученными известиями. Разумеется, она была тоже поражена.

9.

«Родители заботятся только о младшей дочери, а других считают хуже нее», - злословили кормилицы старших дочек Удайдзина. Просыпав об этом деле, они решили отомстить Ённокими. Изложив в подробностях все обстоятельства, они оставили записку в таком месте, где Удайдзин должен был непременно заметить ее.

Слово

«Господин Советник ушел, поскольку не мог больше терпеть связи жены с Сайсё. Девочка - дочь Сайсё. Поначалу господин Советник был очень обрадован, считая, что это его ребенок, но внешность дочери не оставляет никаких сомнений, кто отец. Господин Советник заподозрил недород и застал господина Сайсё в постели с госпожой Ённокими уже в седьмую ночь после родов».

Жена Удайдзина обнаружила записку и показала ему. Со стыдом Удайдзин разглядывал девочку - никаких сомнений быть не могло, это - дочь Сайсё. Удайдзин терпеть не мог обмана, он был до крайности огорчен и рассержен. Скорый на расправу, он решил отречься от дочери и больше о ней не заботиться.

- Это отвратительно! Ты не должна больше оставаться в моем доме. При сложившихся обстоятельствах не смею уверять тебя, равно как и заботиться о тебе. Что скажут люди? Что подумает Садайдзин? Пусть даже Советник и принял монашество, ему все равно все станет известно. Какой позор! Так пусть он хоть знает, что я сожалею о случившемся, - сказал Удайдзин и вышел, не взглянув на Ённокими.

Что стало с Ённокими! Она таяла. Не зная, чем помочь, Саэмон грустно смотрела на нее. Все это так прискорбно, но к кому теперь обратиться? Ничего не скрывая, она написала длинное письмо, где с грустью поведала об ужасных обстоятельствах Ённокими. Она позвала того посыльного, который обычно носил письма к Сайсё: «Обязательно доставь господину!» И тот понес письмо в Удзи.

10.

Здесь, в Удзи, незаметно пролетело уже дней двадцать. Химэгими понемногу - ведь все равно теперь уже ничего не поделаешь! - стала свыкаться со случившимся, но мысли о том, что станет с родителями не оставляли ее. Сама она испытывала такое чувство, будто видит сон, в унынии и печали она постоянно пребывала в постели, хотя теперь ей не от кого было прятаться. Она отдохнула, видно, под действием сна, ее волосы отросли и приобрели изысканный блеск, брови же были выщипаны, как то и положено. Теперь она уже ничем не отличалась от женщины своего круга, и ее блестательный и благоуханный женский облик затмевал ее прежнее мужское обаяние, но лицо ее все еще выражало тревогу, растерянность и покорность. Всей душой она желала отиться ухаживаниям и заботам Сайсё. Осознав естественность своего нынешнего положения, она приобрела в обхождении мягкость, и никто бы не подумал, что она - тот же самый человек, что прежде. В ее утонченности и изящности не было ни единого изъяна. «Издавна во сне и наяву я мечтал иметь такую жену, об этом я молил, и вот буды и боги вняли мне, - радостно думал Сайсё, - и я уж никак не заставлю их пожалеть об оказанной милости и не стану вспоминать прежнюю жизнь». Он делал все возможное, чтобы Химэгими была довольна.

Со временем Химэгими стала частенько вспоминать, что вот тот-то сказал то-то, а этот сделал так-то, но Сайсё тут же пристыдил ее:

- Тебе просто нравится быть рядом с мужчинами.

Ей было неприятно это слышать, но она скрыла свое удовольствие.

Сайсё прочел послание Саэмон, теперь он был так близок с Химэгими, что показал письмо и ей:

- Мне так больно и стыдно - эти разговоры, и то, что твой отец узнал про меня и Ённокими. А что должна чувствовать сама Ённокими! Мне очень горько, что из-за меня она попала в такое ужасное положение.

- Да, ты прав, у меня с ней был странный брак, но я тоже считаю, что весь этот шум случился из-за тебя, тебе нужны все женщины, это так противно. Мы с Ённокими, может быть, сумели бы все исправить, - когда Химэгими про-

износила эти слова, у нее был такой трогательный вид, в своей грусти она была так бесконечно обворожительна, что Сайсё хотелось смотреть и смотреть на нее, и он чувствовал, что не может расстаться с ней даже на короткое время, но его тревожила Ённокими, поэтому он сказал:

- Меня не будет всего одну ночь.

С этими словами он уехал.

«Что же мне теперь делать?» - в тоске и унынии плакала и грустила Химэгими. Спустилась ночь, луна была светла и освещала реку, воспоминания не давали Химэгими покоя. Столько всего случилось, что и не вынести! И вот из ее груди вырвалось:

Всегда считала я,
Что над рекою Удзи
Светла луна.
Но вижу: застилает тень
Несчастную луну.

11.

В дороге сердце Сайсё не было покойно, образ Химэгими не покидал его. Он прибыл в столицу, и когда спустилась ночь, тайно пробрался в дом Ённокими. Саэмон встретила его и, заливаясь слезами, сказала:

- Ённокими такая жалкая и потерянная - вот-вот растает, не поймешь, жива или мертва, и ей совершенно не к кому обратиться за помощью.

У Саэмон были основания так говорить.

Сайсё произнес: «Я хочу ее видеть». Теперь отказать ему было уже нельзя. Саэмон ответила:

- Может статься, вы увидите ее в последний раз.

Саэмон не отчаялась особенноенным умом, она не стала перечить Сайсё и проводила его к Ённокими.

В тусклом свете Ённокими выглядела такой жалкой, будто жизни в ней уже не осталось, она лежала, распустив длинные волосы, живот ее был уже достаточно большим. Даже чужестранный воин или варвар с окраин государства, несомненно, пожалел бы ее, а уж Сайсё, так любивший ее, тот расплакался сразу же. Он так расстроился, что в глазах потемнело, лег рядом и взял ее за руку: «Ну же, посмотри на меня!» Ённокими удивилась и с трудом приоткрыла глаза, она подумала, отчего он опять здесь - и без него ей так тошно, она лила бессильные слезы и ее дыхание прерывалось: ей и вправду было о чем печалиться. Сайсё тоже не мог скрыть своих чувств и продолжал плакать.

- Все хорошо! Это судьба. Не переживай так. Ты будешь жить, и родители простят тебя. Умереть беременной - большой грех.

Он дал ей теплой воды, ему не казалось, что ее жизнь в опасности.

- Успокойся, все будет хорошо.

Он приказал поднести светильник поближе, чтобы лучше видеть ее. Она спрятала от него свое лицо, в ее позе были заключены бесконечное благородство и изящество. В думах о том, как сложится его жизнь, если она умрет, он расчувствовался и пролежал рядом с ней до рассвета, но и тогда Сайсё не смог покинуть ее. Он потихонечку позвал слуг и распорядился, чтобы начали читать молебны, сам же остался с ней. Ённокими приняла все со смирением, она знала, что не может положиться на Сайсё. Как горько!

Химэгими же, пребывавшая в Удзи, не могла успокоиться, тревожные чувства одолевали ее. Сайсё волновался за нее, но обнаружив Ённокими в таком плачевном положении, он решил, что оставить ее слишком жестоко, поэтому он написал в Удзи длинное письмо и дней пять или шесть оставался с Ённокими. Он часто плакал и не оставлял ее своими заботами. Ённокими тосковала - она знала, что Сайсё не пристало быть подле нее, она страшилась гнева небес,

но поделать ничего не могла, смерть была все еще рядом. Сайсё не мог оставить ее, печалился и скорбел, не расставаясь с ней ни на миг - он жалел ее по-настоящему, от всего сердца.

12.

И в государевом дворце, и в частных домах волновались и печалились по поводу исчезновения Советника, люди повторяли: «Во всем виноват Сайсё». Сайсё было неприятно это слышать, ему было мучительно больно, что Садайдзин верит молве. Сайсё стыдился этого и не появлялся в свете. Заботясь о Ённокими, он заказывал все новые и новые молитвы. Оставив нужные распоряжения, он в слезах покинул столицу и вернулся в Удзи. Там царила тишина, Химэгими очень располнела, она страдала, грустные думы одолевали ее, она лежала, глядя в никда. Сайсё сам не знал, как он мог провести эти дни без нее. Теперь она станет считать, что он жесток, станет его презирать, и у нее есть на то все основания. Какая жалость! Проливая слезы на уже так мокрые рукава, он попытался ее утешить и поведал без утайки о положении Ённокими. Химэгими же думала: «Как сильно Сайсё любит ее! Он волнуется за нее и, верно, пишет ей письма, он любит ее не меньше, чем меня. Мы с ней оказались в одном положении. Какое унижение! Какой ничтожной я предстану в глазах людей!» - Химэгими в глубине сердца все еще продолжала считать себя и Ённокими связанными супружескими узами, но понимая, что она не

может упрекать Сайсё, сделала вид, что все это ее не волнует. «Пусть сейчас он любит меня сильнее всех, но с его нравом это ничего не значит. Ведь даже сейчас его сердце разрывается между нами двоими... И все же до времени мне не следует отворачиваться от него», - хотя теперь облик она была женщиной, но, привыкнув жить мужчиной, она рассуждала, как мужчина. Увидев, что она спокойна, Сайсё бесконечно обрадовался - все выходило так, как он хотел.

13.

В доме Садайдзина привыкали к отсутствию Химэгими, но каждый день надеялись на его появление. Со дня исчезновения Химэгими прошло уже два месяца, но никаких известий о том, что кто-то втайне принял монашество, не поступало. «Даже если он решился покинуть этот мир, мы так старательно ищем его, - совершенно невозможно, чтобы он не нашелся. Вряд ли он мог скрыться где-то далеко, а в окрестностях столицы нет такого места, где бы не спряталась о нем. А что если... Конечно, сам Сайсё не способен на такое, но вдруг какой-нибудь злодей, который служит ему, решил, что вот, мол, господин неспокойен, поскольку не может беспрепятственно встречаться с женщиной, которую он тайно посещает, и расправился с соперником?» - когда эта мысль пришла голову Садайдзину, он совершенно обезумел, теперь у него даже не было сил стоять и плакать, он просто лежал ничком, ни на что не обращая внимания. Так в его доме появился еще один повод для вздохов и тревог.

Бакагими вспоминала, что сказал ей Химэгими в тот вечер, когда он пропал. Он, видно, тогда решил, что проводит здесь свой последний день. Если бы только она это знала, не позволила бы ему уйти одному, ей нужно было сказать, что и она уходит вместе с ним. «Конечно, в детстве мы чурались друг друга, но когда я переселилась во дворец, он всегда обо мне заботился - провожал и встречал, мне это было лестно, я радовалась тому, что мне есть на кого положиться. Нас всего двое, и как ужасно, что теперь он пропал. Должен ли он был представать перед людьми мужчиной или все-таки женщиной? Где он скрылся, в каких горах-долинах затерялись его следы! Химэгими был сердечным и понимающим, он - женщина, но он решил стать мужчиной. Я же рожден мужчиной, но в детстве я поддался влечению сердца и стал женщиной, и теперь живу, как женщина. Но в эту минуту мне не пристало полагаться на других и прятаться. Отец, совсем обессилел, его жизнь на исходе, и он не сможет найти Химэгими. Другие тоже вроде бы ищут его, но только это ни к чему не приводит, потому что они на самом деле не вкладывают душу в эти поиски. Пусть его трудно найти, но он все равно где-то рядом! Я не могу оставаться безучастной, я переоденусь мужчиной и отправлюсь за ним и найду во что бы то ни стало, и мы вернемся вместе! Если же меня ждет неудача, я тоже приму монашество, и пусть высоко в горах скроются мои следы. А об отце тогда позаботятся люди. Обо мне всегда заботились, как о женщине, никто не ждет, что я вдруг являюсь мужчиной, начну приказывать и заботиться о других, но я не могу оставить все, как есть, ведь я

СЛОВО

могу опоздать, а я не хочу жить в этом мире без него». Днем и ночью Вакагими утопала в слезах. Что скажут люди, если она тоже исчезнет? Может, ее намерения безумны? Поделиться своими сомнениями с отцом было невозможно, поэтому Вакагими рассказала все матери. Та же совершенно растерялась.

- Но нас ведь на этом свете только двое, а я не знаю, где он, я вне себя от горя. Отец, похоже, при смерти, а я ведь все-таки мужчина, мне не подобает оставаться безучастной. Я хочу стать тем мужчиной, каким мне назначено быть, и сделать все возможное, чтобы найти Химэгими, - решительность Вакагими была непривычно мужской.

- Это что еще! - испугалась мать. - Ты же слабый, как женщина, как ты станешь его искать? - расплакалась она.

- Дело ведь здесь еще вот в чем: хоть все и говорят, что его искали на каждой горе, в каждой долине, но это только слова, настоящей решимости найти его у них, верно, не было. Мы же родились братом и сестрой, и я вложу в поиски всю свою душу, так неужели я не сущу его? Он полагает, что я не стану его искать. Но если я приступлю к делу, ему не спрятаться, как бы он ни старался. Он относился ко мне так тепло и сердечно, будто бы нас и не воспитывали порознь, и я должна хоть как-то ответить на его любовь.

Видя, как Вакагими трудно, мать плакала вместе с ней.

- Что поделать! Если ты и вправду так считаешь, видно, такова судьба. Сделай, как тебе велит сердце.

Вакагими очень обрадовалась ее словам:

- Только я не хочу никаких разговоров о моем исчезновении. Хорошо, что я живу не как все, меня никогда никто не видит кроме четырех-пяти дам, здесь я или нет, никто не может знать точно, так что сделайте вид, будто я здесь. Отцу тоже пока ничего не говорите. Если он спросит, скажите, что мне нездоровится. Никто не должен знать о моем отсутствии. Отец так плох - непонятно даже, жив он или нет, верно, он не придет меня проводить. Поскольку с ним мать Химэгими, и в доме всегда столько людей, даже если я не пойду к нему, никто не обратит на это внимания, - сказала Вакагими. Она позвала прислуживавших ей дам и велела им держать язык за зубами.

Вакагими надела охотничий кафтан и штаны, потом попросила дочь кормилицы, которая служила Принцессе и была хорошо знакома Вакагими, пройти к ней, и та остригла ее длинные волосы, уложив на голове обычный мужской узел. Мать с кормилицей были немало удивлены, они воскликнули: «Ну и дела!» - но поскольку именно таким должен был быть настоящий облик Вакагими, он выглядел совершенно естественно. Удивление сменилось восхищением: Вакагими был лучше всех на этом свете, а его замысел уже не казался им глупостью. Вызванная столь внезапно дочь кормилицы, которая хоть и прислуживала Принцессе, но даже голоса Вакагими никогда не слышала, была нескованно поражена, уразумев, как обстоят дела.

В высокой шапке, кафтане и штанах Вакагими выглядел несколько неловко, но новый наряд явно шел ему. Вакагими будто превратился в пропавшего Химэгими, их лица и раньше обнаруживали немалое сходство, но теперь, когда Вакагими оделся мужчиной, сходство стало просто разительным, казалось, это Химэгими вернулся.

- Вот бы отца позвать! Конечно, если Вакагими останется женщиной, отцу всегда будет приятно о ней заботиться, но если он станет мужчиной, для отца это будет настоящим счастьем!

И мать, и кормилица решили, что им следует только радоваться, их тревогам был положен предел.

- Ни в коем случае не показвайте людям, что вы чем-то расстроены. Будьте такими же радостными, как сейчас, - проговорил Вакагими и покинул их.

14.

Если он не найдет Химэгими, он тоже покинет этот мир. Вакагими печалился, что станет тогда с родителями, к тому же он привык утром и вечером видеть Принцессу, а она, похоже, в положении, так жаль оставлять ее... Эти чувства смущали его, он взял кисть и написал, что у него на сердце:

«Поскольку мой отец сделался очень болен, к сожалению, не знаю, когда смогу прийти снова.

Когда меня
Уже не будет
В этом мире,
С тоской
Меня ты станешь вспоминать?»

Ответ Принцессы был очень трогательным:

Ты знай:
Когда тебя
Не станет в этом мире,
Мне не за чем
В нем будет оставаться.

Он бесконечно долго перечитывал ее стихотворение, потом завернулся в плотную бумагу. Был шестой месяц, Вакагими отправился в путь при свете поздно взошедшей луны, с ним были трое детей кормилицы и семь-восемь воинов, понимающих все с полуслова, ни в чем не сомневающихся и верных. Будучи женщиной, Вакагими никогда не выходил из внутренних покоя, но теперь он легко и неизбежно ощущал себя и в мужском платье. Те, кто наблюдал за ним, когда он покидал дом, были удивлены и даже напуганы, но им было сказано, чтобы они вели себя так, как будто Вакагими находится здесь, чтобы никто ничего не узнал.

15.

Вакагими-мужчина отправился в путь еще не зная, куда ему идти. Сын кормилицы сказал:

- Господин Советник бывал у принца-отшельника в горах Ёсино, и я слыхал, будто он покаялся, что там будет его последний приют. Должно быть, он там.

«И вправду, когда Химэгими исчез, поднялся такой шум, что он никогда бы не признался, что находится именно там», - решил Вакагими, и они отправились в Ёсино. В поденную жару они переправились через реку Удзи и остановились освежиться вблизи реки в тени высокого дерева. Неподалеку располагалась чья-то манящая взоры усадьба, и путники приблизились к ней. Видно никого не было, но слышался голос, читавший сутру. «Какое прелестное место!» - подумал Вакагими, подойдя к плетеной ограде. Бамбуковые шторы были подняты, Вакагими спрашивал себя, кто бы мог жить в этом доме. Он тихонько заглянул за ограду, увидел ручьи в саду - все это выглядело так живописно, будто на картине. Шторы были подняты ровно насколько следует, висели яркие летние занавеси. Выглядевшие очень свежо девушки лет четырнадцати-пятнадцати бодро сновали туда-сюда, они были в простых, без подкладки, полотняных платьях и бледно-лиловых или же алых шароварах, другие сидели, распустив пояса и обмахиваясь веерами. Вакагими взгляделся пристальнее и заметил, что за занавеской находилась какая-то женщина, она была в алом накидке без подкладки и такого же цвета шароварах. Она лежала, устремив взор в сад, и выглядела при этом очень несчастной, но лицо ее словно светило блестящей красотой, волосы струились, как на картине, она была так обворожительна и прелестна, что он не мог оторваться. У Вакагими возникло ка-

кое-то странное ощущение, что он уже видел ее раньше, он все смотрел на нее и, наконец, ему показалось, что она напоминает Химэгими. Он продолжал с волнением наблюдать за ней. Выражение ее прекрасного лица было тревожным, и эта тоска делала ее похожей на Химэгими еще больше. «Может быть, он сделал, как я? Если бы он вдруг стал женской, он был бы именно таким», - подумал Вакагими. Ему хотелось приблизиться и спросить: «Может, вы и вправду он?» - но в это было так трудно поверить. Не желая никого смутить своей назойливостью он не двинулся с места, но женщина будто бы почувствовала, что кто-то наблюдает за ней, бамбуковые шторы опустились. Разочарование Вакагими не знало границ.

Он не мог этого вынести. Если это действительно Химэгими, может, она обратит на него внимание и узнает его? Желая обратить на себя внимание, Вакагими подошел к самой ограде, и в доме почувствовали, что, как это ни странно, кто-то здесь есть. Химэгими стала вглядываться из-за опущенных штор и увидела несказанно привлекательного, обольстительного и благородного мужчину. Она была чрезвычайно удивлена и взволнована, не понимая, как этот такой человек мог очутиться здесь. Она не могла не знать его, но она его не знала. При этом по своему положению он был явно не ниже ее самой. Тут ей почудилось, будто он - ее отражение. «В тот вечер, когда я решила, что настало время для исчезновения, Вакагими была печальна до слез. Когда этот мужчина поворачивается в профиль, его лицо напоминает ее». Но все равно ей в голову придет не могло, что Вакагими мог изменить свой облик. Химэгими воскликнула: «Какой красивый!» - и не сводила с него глаз. Молоденькая служанка подумала: «Наша госпожа так прекрасна, что не имеет равных во всем мире, но и этот мужчина не хуже!» И вдруг неожиданная мысль поразила ее, и девушка позвала из глубины дома своих подружек, чтобы и они посмотрели на незнакомца:

- Вот это да! Да это, должно быть, тот самый Советник, про которого говорят, что он пропал и никак не сыщется.
- Ну и ну! Никто, верно, не знает, что он здесь.
- Его отец так печалится, вот бы дать знать, что он здесь. Химэгими слушала их пересуды с печалью и удивлением, у нее полились слезы, и она скрылась в глубине дома.

Вакагими еще некоторое время постоял у изгороди, но поскольку Химэгими велела, чтобы никто не показывал вида, что она здесь, то в доме стояла тишина, подойти поближе и расспросить было невозможно. Так что Вакагими ничего не узнал и только вздохнул.

- Чья здесь земля? - спросил он кого-то, отойдя от ограды.

- Принца Сикибуки, Министра церемоний.

Отца Сайсё! Услышав этот ответ, еще более затрудняющий дело, Вакагими решил никому не рассказывать о том, что он видел. Даже если это не Химэгими, все равно ее образ трогает сердце, так хочется любоваться ею. Ему хотелось бы быть рядом с ней, покинуть место, где она обитала, было трудно. Уже подул вечерний ветерок, а ему все не хотелось уходить, ее образ запечатлелся в его сердце. Если он не оставит этот мир, он хотел бы видеть такую женщину рядом с собой. «Я всегда думал, что Принцесса бесконечно хороша, но эта женщина не уступит ей», - подумал он - настолько он был пленен незнакомкой.

16.

Сайсё беспокоился из-за незддоровья Ённокими, своей тайной возлюбленной. Сейчас он снова был с ней. Шли месяцы, здесь, в Узи, Химэгими почти перестала подниматься с постели и все время лежала, взгляд ее был скучен. «Что ж, так и должно было случиться. Это невозможно выносить и невозможно смириться, но что делать? - размышляла Хи-

мэгими. - Сайсё любит Ённокими не меньше, чем меня, он делит между нами свое сердце. Он проводит пять-шесть дней здесь и потом на столько же скрывается у нее, и это время я вынуждена проводить в ожидании и тревоге, я к этому не привыкла, и, сколь это ни прискорбно, мое терпение на исходе, но снова стать мужчиной я уже не могу. Если роды пройдут благополучно, я уйду в Ёсино и стану монахиней». Эта мысль успокоила ее.

Сайсё же ничего не подозревал, теперь он успокоился, полагая, что все идет по его желанию. Поскольку Ённокими все еще нуждалась в помощи, Сайсё очень жалел ее и отдавал ей большую часть своей любви. Он все еще стеснялся бывать в обществе, но с легким сердцем посещал и любил обеих женщин.

17.

Долгие годы Сайсё считал, что его сердечные желания не исполняются - не то, что у других, а потому вздыхал и грустил, но теперь он решил, что его чаяния осуществились, и его сердце наполнилось покоя и радостью. Но все же и теперь его постоянно посещали тревожные мысли, он возвращался к Химэгими со смятенным сердцем и увидел, что она тоже чем-то обеспокоена и страдает. Сайсё недоумевал, что могло случиться, тревога одолевала его. Он прилег к Химэгими, чтобы поговорить. Прислуживавшая им девушка сказала:

- Вы слышали? В подень сюда приходил господин Советник, о котором все говорят, что он исчез.

Сайсё выслушал ее с удивлением и усмехнулся:

- Как же это было?

- В охотничьем костюме, он стоял возле ограды, но в доме было так тихо, что постеснялся войти - постоял-постоял, да и ушел.

Сайсё изумленно спросил Химэгими:

- Это правда? Ты видела этого человека?

- Я его раньше не встречала, но раз все они так о нем говорят, может быть, это мое тело отделилось от меня, - она улыбнулась, но тут же залилась слезами.

- Ты все еще хочешь быть мужчиной, - Сайсё сказал это с привычным упреком и горечью. - Опиши мне его.

- Считай, что он был выпитый я. Вряд ли это тебя успокоит, - оборвала она разговор.

18.

Вакагими прибыл к принцу Ёсино. Один из его сопровождающих объявил:

- Здесь человек от господина Советника.

Химэгими бесследно исчез и его искали повсюду. После его последнего посещения прошло немало времени, и принц был удручен его отсутствием. Поэтому сейчас он с волнением подумал, не тот ли это посланец, которого обычно присыпал к нему Химэгими.

- Пусть войдет.

Вошедший был выпитый Советник - так же обворожителен. Принц воскликнул:

- Кто вы?

- С тех пор, как Советник исчез, прошло два месяца. Люди сказали мне: «Время от времени он бывал у принца и говорил, что здесь будет его последнее пристанище». Вот я и подумал: а вдруг вам что-то известно. Я его брат.

- Осеню позапрошлого года он принес клятву верности и стал бывать здесь, но когда он приехал сюда в последний раз, а это было в первых числах четвертой луны, он досадовал на весь мир, и он не сказал, когда появится снова. «Пережить конец шестой - начало седьмой луны будет для меня очень трудно, но если мне суждено остаться в живых, то до конца седьмой луны обязательно пришлю - пусть хоть с дуновением ветра - весточки», - вот что он пообещал. Ду-

Слово

маю, что в это время должно произойти нечто такое, чего ему следует опасаться, я молюсь за него утром и вечером, по любому поводу вспоминаю о нем, он должен быть еще на этом свете. Но я понимаю, что ваши нынешние думы должны быть и вправду печальными.

Несколько приободренный, Вакагими проговорил сквозь слезы:

- Нас, братьев, всего двое, поэтому мне так грустно и печально, я не знаю, куда он делся, он ничего не сказал мне, наши престарелые родители жестоко страдают, это так горько.

Отшельник тоже был расстроен и проливал слезы:

- Вот и меня немного печалит, что дочери стали моими путями. Но стоит подумать о том, что такие семейные узы и родительская любовь. Ведь сам Будда учит нас, как сильна эта любовь. А когда речь о таком человеке, как Советник, и вправду есть, о чем печалиться. И все же я верю: он обязательно появится здесь. Не сомневайтесь.

Вакагими слушал его с нескрываемой надеждой.

19.

Наблюдая за лицом своего обворожительного гостя, принц подумал: «Между ним и моими дочерьми наверняка обнаружится какая-нибудь тайная связь». Принц был обрадован и обнадежен. Он принял пришельца со всем гостеприимством, рассказывал о многом, начиная от времен давно прошедших. Под воздействием его рассказа Вакагими успокоился, волнение его улеглось. «Вот так вдруг стать мужчиной... Мы ведь с Химэгими - на одно лицо, это так странно. Теперь я не должен сидеть взаперти. До того времени, как Химэгими обещал дать о себе знать, осталось уже не так много. Надеюсь, в столице не узнают, что я нахожусь здесь, так что лучше мне остаться у принца и дождаться вестей о нем».

Вакагими сказал:

- Я хотел бы погостить у вас.

Принц ответил:

- Очень хорошо. Оставайтесь, а уж Советник наверняка даст о себе знать, как он и пообещал.

Вместе с Вакагими остались только сын кормилицы и один слуга. До сих пор он жил так, как подобает женщины, и теперь ему предстояло многому научиться. Он подумал, что принц Ёсино - отменный наставник в науках, поэтому и открыл ему свою тайну.

- Теперь мне понятно. Сдается мне, что и печаль Советника происходит от того же. Но это пройдет, через какое-то время все встанет на свои места. Для Советника тоже будет лучше принять свой природный облик. Я прочел по чертам ее лица, что она достигнет положения высочайшего и станет матерью следующего государя, - сказал принц.

Вакагими в своем сердце хранил образ той женщины, которую он лишь мельком видел в Удзи. Чтобы увидеть ее еще раз, стоило жить в этом мире... Так он думал и грустил.

Не ведая ни о чем,
На гору Сестра
Я вступила.
И думаю теперь
О женщине, похожей на сестру.

20.

Находясь в Удзи, Химэгими сильно мучилась - близились роды. Сайсё не оставляла ее даже на самое короткое время, в беспокойстве думая, что ему предстоит делать.

Химэгими-мужчина был так хорош, в нем было столько

обаяния - не наглядеться. Он привык вести себя свободно, не был слабым и беспомощным, но живым и довольным, его сердце привыкло к светской жизни, поэтому даже когда ему приходилось о чем-то печалиться, он не погружался в тяжкие думы полностью: когда следовало плакать, он и вправду лил слезы, но когда произносили удачную шутку, он смеялся. Но сейчас этот несказанно обаятельный мужчина превратился в растерянную и безвольную женщину. Видя ее отчаяние, Сайсё в смятении думал, что готов сделать все, что угодно - только бы она успокоилась. В том, что первого числа седьмого месяца (чуть позже ожидаемого срока, но еще вовремя) родился подобный сиянию мальчик, была и заслуга Сайсё. Радость Сайсё была необычайной. Он укладывал ребенка и так трогательно ухаживал за ним, будто сама мать. Он не отрывал взгляда от младенца. В кормилицы пригласили одну знакомую женщину. Ну, что это была за кормилица! Сайсё было очень обидно. Вот если бы он мог объявить во всеуслышание, что у него родился ребенок, за младенцем был бы настоящий уход, а так все приходилось делать втайне. Все это время Сайсё не отвлекался ни на что другое, он весь отдал новым заботам, не отлучаясь ни на миг. Каждый день, принося матери ребенка, от которого будто бы исходило сияние, он повторял:

- Какое счастье, что мы вместе! Но если бы ты с самого начала была женщиной, мы могли бы жить, не скрываясь.

«И вправду, какой странной я была», - думала Химэгими.

Они с умилиением вспомнили, как после того, как у Ённокими родилась девочка, Химэгими заметила веер Сайсё. Воспоминания заставили их расчувствоваться.

21.

После рождения младенца прошло больше десяти дней, Химэгими выглядела счастливой. Она ощущала себя здоровой, но все-таки мысли ее были неспокойны, ибо она беспокоилась о будущем. Сайсё тоже мучился, поскольку боялся, не захочет ли она опять стать женщиной. Но мать так любила мальчика - постоянно держала на руках и так забиралась о нем, что невозможно было вообразить, что она решится оставить его.

- Послушай, Ённокими все еще пребывает в этом мире, но все теперь относятся к ней совсем по-другому, ей так горько и тяжело. Ей ведь тоже уже пришло время рожать, может, она даже умрет родами. Меня мучает совесть, мне так жаль, что она стала никому не нужна, ведь это моя вина. Было бы бессердечно сделать вид, будто я ничего не знаю. Я, разумеется, хотел бы ухаживать за тобой вплоть до пятидесяти² дня и не желаю оставлять тебя даже на короткое время - так я беспокоюсь, поэтому я хотел бы тайно привезти ее сюда. Что ты об этом думаешь? Она ведь теперь без мужа... - сказал Сайсё.

«Негодай!» - подумала Химэгими, но вида не показала:

- Я понимаю, ты должен думать именно так. Но мы ведь состояли с ней в супружеских отношениях, и показаться в моем нынешнем облике перед ней мне еще более неловко, чем перед кем бы то ни было другим, - ее лицо покрылось румянцем, она была несказанно прекрасна, смотреть на нее было наслаждением. Сайсё улыбнулся.

- Ути: я сказал это, потому что не хотел покидать тебя ни минуту.

Решив, что Химэгими теперь успокоилась, и жалея Ённокими, Сайсё снова отдал ей свое сердце, укрылся у нее, был заботлив и добр.

Письма от Сайсё приходили по несколько раз на день, так что Химэгими, вроде, могла бы быть спокойна, но они не радовали ее. «Наверное, так и должно было случиться. Мне же остается только страдать. В том, большом мире мне

² На пятидесятый день после рождения ребенка проводится специальная церемония.

не было равных, а теперь я потеряла все. Любовь Сайсё во все не безгранична, и я уже устала ждать его возвращений, так не может продолжаться вечно. Пока скандал не улегся, Удайдзин еще повременит, но он любит Ённокими сильнее всех, и в конце концов он смирится, и Сайсё станет ее мужем. Что тогда будет со мной? Я ведь не могу открыть своей тайны, вот мне и придется сторожить мост Удзи³, сидя ночи, когда ловится молодь форели⁴. Это нестерпимо. Но ведь совершенно невозможно и стать снова мужчиной. Видно, пришло время подумать о том, чтобы переселиться в Ёсино». Но оставить сына так тяжело! Она чувствовала, как путь этого бренного мира теперь держат и ее.

22.

Дней через семь или восемь Сайсё вернулся в Удзи. По обыкновению он ничего не скрывал от Химэгими: Ённокими чувствует себя очень плохо, и он беспокоится за нее. Напрасно он поступал так - лучше бы он был скрытен или по-просту болтал о чем-нибудь другом, но он так не думал. Химэгими уже знала, что не станет жить с этим человеком, но вела себя очень дружелюбно, никто бы не заподозрил ее. Сайсё же пришел в довольное расположение духа, он снова безмерно любил ее, но уж такой странный был у него нрав: достаточно ему чуть попривыкнуть к какой-нибудь женщине, как его любовь истончалась. Он рассчитывал по обыкновению некоторое время провести здесь, но уже вечером из столицы прибыл посыльный:

- У Ённокими сильные боли, похоже, скоро начнется, - шепотом сообщила он.

С неспокойным сердцем и волнением в груди Сайсё подумал: «Если, не пробуди здесь и дня, я, на удивление всем, сегодня же уеду, что скажет Химэгими?» Сайсё почувствовал себя отвратительно. Все же, несомненно, его чувства к Химэгими никогда не изменятся, и можно будет все поправить, а вот если он сейчас раз не повидает Ённокими, а она вдруг умрет - вот это будет непоправимо. Объяснив причину своего отъезда Химэгими, он тут же ушел.

- Ты должен так поступить, - спокойно сказала Химэгими на прощание.

«Странное и достойное презрения у меня сердце, этот человек только и делает, что оскорбляет меня, а я даже не могу по-настоящему рассердиться на него. Быть женщиной печально, сам Будда говорил, женщина - средоточие греха. Удайдзин меня недолюбливала, а Ённокими на меня обижалась. И было за что. Теперь пришло воздаяние, теперь я заняла их место и оскорбляют меня. Не было и не будет никого, с кем я могла бы поговорить откровенно», - Химэгими не могла отделаться от этих печальных размышлений.

23.

Химэгими только и думала, как бы ей послать человека в Ёсино. Ей показалось, что у кормилицы ее сына нрав серьезный и надежный. «Если она любит мальчика, а я, не таясь, расскажу ей о себе, то, верно, она не выдаст меня». Химэгими доверительно обратилась к кормилице:

- Хотя мы пока и не слишком хорошо знаем друг друга, но мне кажется, что ты по-настоящему любишь мальчика, и тебе можно довериться. Выслушай меня, но только помнику ничего не рассказывать.

Кормилице была лестен этот доверительный тон.

- Уж не сомневайтесь. Буду вам служить, пусть даже придется пожертвовать собой.

- Ничего не должно быть известно ни здешним слугам,

ни тем более самому господину. Мне нужно послать весточку принцу-отшельнику, что живет в горах Ёсино. Есть ли способ это сделать?

- Это совсем не сложно, - ответила кормилица.

Химэгими обрадовалась и написала: «Со времени нашей последней встречи прошло немало времени, беспокойство по Вашему поводу не оставляло меня, но надеюсь, что Вы прожили эти месяцы благополучно. Мои дела тоже шли благоприятно, но теперь я не такой человек, которого Вы знали. Думаю, что смогу посетить Вас».

Она старательно запечатала послание.

- Непременно доставь письмо по назначению, - с этими словами она протянула письмо кормилице.

Никто не догадывался, кем была Химэгими на самом деле, но кормилица слышала, что у принца Ёсино есть дочери. Поэтому она решила, что Химэгими - одна из них. Уже наступила восьмая луна. У кормилицы был близкий человек, который, как она считала, мог выполнить поручение. Она ему все объяснила, и он отправился в путь.

24.

В Ёсино, между тем, Вакагими ожидал известий и постигал науки. Он радовался своей удаче. Еще бы! Ведь ему по-встречался такой замечательный человек - принц Ёсино! Кроме того, и принцессы оказались особами, исполненными несравненного очарования. Находясь в этом единении месте, он просто голову потерял от желания сблизиться с ними. Но Вакагими сдерживался, успокаивая себя тем, что при сложившихся обстоятельствах у него непременно будет возможность видеться с ними.

Срок, когда Химэгими обещал дать о себе весточку, уже прошел, Вакагими беспокоился и тосковал. Но вот однажды вечером явился некий человек, который сказал:

- Я принес письмо.

- От кого?

- Велели обязательно передать принцу.

Принц Ёсино взял письмо - оно было от Советника. Принц обрадовался и тут же показал письмо своему гостю. Тот был просто счастлив, но на сердце было все-таки неспокойно: слова «теперь я не такой человек, которого Вы знали», видимо, означали, что он стал монахом. А иначе истолковать его исчезновение было невозможно. У Вакагими тестило грудь, он позвал посыльного:

- Где находится тот, кто это письмо написал?

Посыльный поначалу молчал, решив, что не уполномочен отвечать на этот вопрос, но потом поддался несравненному обаянию Вакагими и ответил:

- В Удзи.

- Где в Удзи?

- В усадьбе принца Сикибуке.

Услыхав это, Вакагими понял: «Когда я был там, я видел именно ее!» Его радости и умилиению не было предела.

25.

Вакагими написал подробное ответное письмо:

«В шестую луну я решился покинуть столицу. После того, как мы проехали через Удзи, я познакомился с принцем Ёсино, и он сказал, что ты непременно дашь знать о себе. Его слова вызвали мое доверие, и я так и остался жить у него в горах. Что стало с тобой? Нам необходимо встретиться. Могу ли я навестить тебя?»

Вакагими приложил письмо к посланию принца. Посыльному же он подарил одежду и лошадь, на которой при-

³ Мост через реку Удзи был построен в 646 году. По легенде брошенная возлюбленным девушка утопилась в реке и превратилась в духа-хранителя моста Удзи, ее называют Дева Удзи или Сторож моста Удзи.

⁴ Молодь форели (буквальный перевод с японского - ледяная рыба - хио) ловят в реке Удзи только зимой, для ее ловли на реке сооружают специальный частокол (адзиро). В тексте имеется в виду, что Химэгими станет считать редкие ночи, которые проведет с ней Сайсё.

СЛОВО

ехал сам.

- На этой лошади ты быстро доскачешь, обязательно возвращайся с ответом! - напутствовал он его.

Посыльный обрадовался: «И подумать не мог, что так разбогатею!»

Не успел он передать письма Химэгими, как тут же сказал: «А вот на это письмо просили ответ».

Одно письмо было от принца, но было еще и другое - от Вакагими. «Вот оно что! Я то думала, кто бы это мог быть, а это Вакагими. Он решил отыскать меня, изменил свою внешность и покинул столицу. И как я тогда не догадалась?» - Химэгими была нескованно тронута, слезы застилали ей глаза. «Мы оба теперь изменили свой облик, это судьба! Продолжая плакать, она написала ответ: «Я все объясню тебе при встрече. Жду тебя здесь, а пока пришли весточку с этим человеком».

Прочтите ответ Химэгими, Вакагими так обрадовался, что и не сказать. «Как только я узнаю, что случилось с Химэгими, я тут же смогу отправить весточку отцу!» Взяв посыльного в провожатые, он тайно остановился неподалеку от усадьбы Сайсё, о чём и дал знать Химэгими.

26.

Сайсё беспокоило самочувствие Ённокими. Химэгими сказала кормилице:

- Мой брат тайно приехал навестить меня. Я хочу потихоньку встретиться с ним - так, чтобы никто нас не увидел. Будет особенно досадно, если узнает господин. Я хочу, чтобы брата никто не видел.

- Нет ничего проще. Пусть спрячется в моей комнате до наступления темноты. Я же скажу, что ко мне приехал человек из столицы, а поздно ночью вы увидитесь.

Химэгими ответила:

- Что ж, пусть так.

Поскольку Химэгими не имела никакого желания сблизиться ни с детьми кормилицы Сайсё, ни с другими, кто обитал в усадьбе, они не находились при госпоже постоянно, в особенности, когда Сайсё здесь не было. И вот, под покровом сумерек, кормилица проводила Вакагими в свою комнату, выходящую в коридор. Он ждал, пока в доме успокоятся, и уже глубокой ночью, когда все спали, в сопровождении кормилицы прокрался в северный флигель.

Туда же медленно прошла Химэгими, брат с сестрой были как во сне и ничего не могли сказать друг другу. Густые волосы Химэгими переливались в ярком свете луны, она была чудо как хороша. Вакагими был поражен. «Кто она, эта женщина, которая так умилительно плачет?» - спрашивал себя Вакагими. Она же не могла поверить, что этот несказанно цветущий и обаятельный мужчина - это... Им казалось, что это сон. Вакагими подробно рассказал о том, как все было. В поисках Химэгими он покинул столицу, в Узи он увидел женщину, так напоминавшую Химэгими, увидел, как ей плохо, ему пришло в голову, что, может быть, она вдруг признает его...

- Как случилось, что ты стала женщиной? - спросила Вакагими.

Ей было очень стыдно отвечать, но любовь к брату не позволяла недосказанности.

- Годами я вздыхала о том, что мое тело не как у других. Но что было делать? Я притерпелась. Но потом случилось нечто неожиданное и печальное, и я уже не могла сберечь свою тайну. Меня одолела тоска и я решила скрыться, - Химэгими только намекнула на свои обстоятельства, но Вакагими понял, что она имела в виду.

- Тебе нужно оставаться такой, какая ты сейчас. Но сколь-

ко ты сможешь скрываться, чтобы об этом никто не узнал? И что мне сказать отцу?

- Вот именно! Мне кажется, я не смогу оставаться женщиной. Да, раньше я была так непохожа на других и стыдилась того, но я ничем не показывала этого, и обо мне не надо было заботиться. Но один человек раскрыл мою тайну, мне пришлось довериться ему и ограничить свою жизнь этим домом. Но я не хочу так! Вместе с тем, я не могу и вернуться к моему прежнему облику. И так плохо, и так нехорошо. Такому странному человеку, как я, нет места в этом мире, и я отрешусь от него в горах Ёсино, пусть там затеряются мои следы, - со слезами сказала Химэгими.

- Дорогая моя сестра, не говори так! Пока живы родители, никто из нас не должен оставлять этот мир. Наш отец почти лишился рассудка, поэтому я и отправился искать тебя. Я понимаю, что ты не хочешь скрываться здесь. Но будет еще хуже, если отец услышит, что ты стала монахиней. Когда я покинул столицу, я распорядился, чтобы все делали вид, будто я живу у матери. Никто не знает, что я здесь, так что ты можешь просто поселиться там и занять мое место. Если тебя вдруг посетит Сайсё, тоже ничего плохого не будет. Сделай вид, что он посещает тебя впервые, никто тебя не осудит.

Помолчав, Химэгими отвечала:

- Я бы хотела сделать так, чтобы Сайсё не знал, где я.

- Что ты, некорошо так говорить! Да, у него непостоянный нрав, и он действительно не слишком важная птица, но ничего особенно плохого о нем не скажешь. Но раз так, беги сначала отсюда. А потом сделаем, как велит отец, - сказала Вакагими.

- Я не хочу рассказывать отцу, как все было. Так что просто передай ему, что я застыдилась своей необычности, - Химэгими говорила застенчиво, и вовсе не напоминала того человека, который годами считался очень прямолинейным.

Они еще не успели наговориться, но уже рассвело. Никем не замеченный, Вакагими покинул сестру и отправился домой. Он покинул столицу тайно, тогда его одолевала тоска, он думал, что, может быть, не вернется обратно, поэтому теперь ему не было необходимости извещать кого бы то ни было о своем возвращении.

27.

За последнее время Садайдзин успел заказать множество молитв в столичных и горных храмах, но поскольку молитвы ничем не помогали, он пришел в отчаяние. Но вот наконец явился ему во сне высокочтимый и чистый душой монах. Он сказал:

- Не печалься! Твои дети в безопасности, завтра на рассвете тебе сообщат об этом. Их судьбу определили их прежние жизни, за их прежние грехи тэнгу⁵ переделал мужчину в женщину, а женщину сделал подобной мужчине, и об этом постоянно печалилось твое сердце. Тэнгу сотворил злое дело, но ты неустанно шел путем Будды, неискончаемо возносил молитвы, и теперь все вернулось на свои места, мужчина стал мужчиной, женщина стала женщиной - как ты того и ждал, теперь их ждет благодеяние, знай, что твои волнения лишь малая толика возможного воздаяния.

Садайдзин сказал жене, матери Вакагими:

- Долгие месяцы я не мог прийти в себя. Я давно не видел Вакагими, но сейчас мне привиделось, будто он стал мужчиной.

Жена была поражена и поведала ему о том, что случилось с Вакагими в последнее время. Отец обрадовался: сон обещал быть вещим.

- А я ведь даже не знал, что Вакагими ушла, - удивленно

⁵ Тэнгу - крылатое существо с длинным носом, может перевоплощаться, часто предстает в облике монаха. Тэнгу являются героями многих японских легенд, они способны как на добрые, так и на дурные деяния.

сказал он.

Рассвело, явился посыльный и что-то прошептал матери. В удивлении она произнесла: «Тот монах, привидевшийся мужу во сне, сказал правду!»

28.

В доме еще спали.

- Сюда, сюда! - позвал Садайдзин.

Химэгими с детства привыкла к мужскому обществу, и у нее была прекрасная внешность. Но ведь слабый и не показывавшийся на людях Вакагими, если постараётся, тоже может стать сильным.

Вакагими вошел, отец поднес лампу к его лицу - будто благоуханный Химэгими отразился в нем. Вакагими был повыше и выглядел обворожительно. Химэгими брала молодость, но по сравнению с окружавшими ее мужчинами ей немного не хватало роста, и это несколько портило ее, зато во внешности рослого Вакагими не было изъянов. Пристально разглядывая Вакагими, Садайдзин чувствовал себя как во сне. Он не мог выносить, что ничего не знает о Химэгими и всхлипывал в голос. Успокоившись, он спросил:

- Ну что, где он? Говори же!

- Теперь он стал женщиной. Она сказала: «Меня так печалило, что я не такая, как другие, вот и стала тем, кем должна быть, я скрылась - узнать, что из этого выйдет. Но пока не отрастут волосы, я не покажусь на глаза людям». Поэтому я вернулся один, так она хотела, - сказал Вакагими.

- Пусть будет так, пусть будет так, - произнес отец и прекратил расспросы.

Все было точно так, как обещал ему монах во сне. Садайдзин заплакал от радости.

- Вот и хорошо, мы сделаем так, будто она и есть Распорядительница женских покоев, а ты займешь место Советника, - сказал отец.

29.

Встреча с Вакагими принесла Химэгими радость. Это было, как сон. И теперь она решила, что оставаться здесь невозможно. Однако взять с собой мальчика было бы странно, а оставить его - горько. Химэгими мучилась этой мыслью. «Связь матери и ребенка не может прерваться, наверное, мы сможем встречаться время от времени. У меня было такое высокое положение... Хотя ребенка и жалко, но остаться здесь, в этом безлюдном месте, жить горькими ожиданиями, что Сайсё посетит меня...» - думала она. Итак, все еще помня свою мужскую жизнь, она приняла трудное решение. Без всякой жалости она сожгла могущие вызвать подозрения бумаги и теперь, не отрываясь, смотрела на мальчика, он был так очарователен, он что-то гулял, чувствуя себя защищенным, улыбался... Видя это, ей стало очень его жаль.

30.

Приехал Сайсё. Было понятно, что и на этот раз надолго он не задержится. Полагая, что это их последняя встреча, Химэгими не хотела показать свое недовольство, она приоделась и выглядела бесподобно. Сайсё восхищалась ее красотой. Позабыв про горести, он взволнованно произнес:

- Правду говорят: женщина расцветает, когда у нее появляется ребенок. Как ты хороша! И как я мог думать, что лучше не бывает, когда ты была мужчиной? Нет, сейчас ты много прекраснее. Попадись ты людям на глаза сейчас - всякий влюбится, - в безграничном восхищении он провел рукою по ее волосам. В этот миг он уже не помнил про свои тревоги, связанные с Ённокими. А ведь он любил ее так,

что был готов поменяться с ней местами. Забыв про нее, он улегся рядом с Химэгими. Но тут снова пришел посыльный от Ённокими:

- Она выглядит так, будто это конец, она умирает.

Для Сайсё было невозможно покинуть Химэгими, но и не пойти к Ённокими было тоже нельзя. Сайсё страшно расстроился и не мог решить, что ему делать.

- Если она станет рожать, доложите, - распорядился он.

Посыльный тут же со всех ног побежал обратно, все это было так ужасно.

- Все же мне придется отлучиться - до тех пор, пока не наступит ясность. Она вряд ли проживет долго, и я не должен быть с ней жесток. Ты ведь понимаешь: у нас с тобой все так хорошо, и ты не станешь, конечно, сердиться, ты будешь веселой и радостной, не правда ли? Я буду с ней, подожду, пока все не разрешится, а потом ты сама убедишься, как я тебя люблю, и уж тогда можешь сердиться, - сказал он, роняя слезы. Он явно не знал, как ему быть.

- Если бы ты сказала: «Иди скорее!» - я бы тут же отправился.

- Иди скорее, мне слишком трудно все это выносить.

Покиная Химэгими и находясь в расстроенных чувствах, Сайсё обернулся, но Химэгими не позволила ему увидеть, как она горюет - она напустила на себя безразличный вид, а когда Сайсё ушел, обняла младенца и всю ночь не сомкнула глаз.

31.

Наутро Сайсё написал:

«Глубокой ночью Ённокими, наконец, разрешилась от бремени. Но она еще не оправилась. Я останусь ненадолго, посмотрю, как она, и сразу вернусь».

«Получила твоё письмо. Кажется, все оказалось проще, чем ты говорил. Вспомни ее первые роды», - ответила Химэгими.

Считая, что настал подходящий момент, она послала весточку принцу, а потом весь день прижимала к себе ребенка и потихоньку плакала.

Вечером того же дня пришло известие, что Вакагими находится в том же самом месте, где был в прошлый раз, - неподалеку от усадьбы Сайсё. Позже он прошел в комнату кормилицы. Пока Химэгими дождалась, когда все улягутся, и станет тихо, ее душа была неспокойна, и сердце было, но она не показала этого даже кормилице. Она не отрываясь смотрела на мальчика, ее скорбь и тоску не передать словами. Как и в прошлый раз, когда стемнело, и в доме заснули, в комнате Химэгими появился брат. Сердце Химэгими никак не могло успокоиться.

- Поддержи ребенка, - сказала она, протягивая младенца кормилице, тот проснулся и заплакал. Химэгими смотрела на него, и у нее было такое чувство, будто она расстается с частью самой себя.

Она вышла, думая лишь о ребенке. Казалось, сейчас она вернется, но все-таки она решилась уйти - видно, вней осталась твердость, которую она приобрела, будучи мужчиной.

Вакагими сказал: «Поразмыслив, я решил, что нам не следует сразу отправляться в столицу, я сказал отцу, что мы покидем в Есино».

С ними была дочь кормилицы Вакагими и еще трое надежных женщин. Ярко светила луна, прячась в тени, они скрыто удалились, лицо младенца стояло перед глазами Химэгими, ей так хотелось вернуться, но они уже сели в экипаж. Все вокруг стало каким-то другим.

Ночь прошла, рассвело, и на следующий день они прибыли в Есино.

СЛОВО

32.

Принц Ёсино был уже осведомлен о произошедшем, и поэтому жить у него было неудобно - для Химэгими приготовили помещение рядом с принцессами. Когда принц увидел Химэгими лицом к лицу, оба были очень тронуты, и, исполненные благодарности судьбе, радовались так, как это бывает только во сне. Участливые письма Садайдзина, в которых он выражал свое беспокойство приходили так часто, что казалось - он где-то совсем неподалеку. Людям из своих поместий Садайдзин приказал доставлять в дом принца все, что только может понадобиться.

Мучительные мысли не покидали Химэгими. Она расставалась с Сайсё, который терзал ее и заставлял страдать, и о нем она думала со спокойствием, но она так любила личико сына, с которым она не разлучалась ни днем, ни ночью, и который обещал так много в будущем. Она зачарованно смотрела куда-то в пустоту. Ей было стыдно того, что люди удивляются, найдя странным ее нынешний облик, и поэтому она отказывалась видеться даже с принцессами. Она много времени проводила в постели, ей было тоскливо. Вакагими полагал, что Химэгими переживает, воображая, как тяжело у Сайсё на сердце.

- Должно быть нелегко расстаться с человеком, который заметил, что ты странная и не как все. Что ты решила о своем будущем? - спросил он.

- Это не была настоящая искренняя любовь, она меня мало трогает. Мое сердце печалится потому, что со мной нет моего невинного и бессловесного сыночка. Только о нем и горюю, ведь я бросила его, - ей было так больно и горько, что она заплакала.

- Я тебя понимаю, это такая связь, которую не разрвешь.

«Она очень не хочет, чтобы о связи с Сайсё узнали отец и сторонние люди, вот она и решила с ним расстаться, и я беспокоюсь - что из этого выйдет? Да и я сам неожиданно сменил свой привычный облик. С тех пор, как я начал служить во дворце, я никогда не проводил двух ночей подряд без Принцессы, привык к ней, а теперь так надолго разлучен с нею. Ведь она беременна, я не забочусь о ней, скрываюсь неизвестно где, это так жестоко. Я вдруг вошел в совсем другой мир, я не привык быть на людях, и это мне так стеснительно. Придется терпеть, пока не привыкну к своему новому облику. Конечно, я смогу встречаться с Принцессой, когда вместо меня ей станет служить Химэгими. Когда ей придет время рожать, ей будет достаточно сказать Химэгими словечко, и я тайно помогу ей», - размышлял Вакагими.

Решившись открыть душу, он поделился с Химэгими всеми своими сомнениями.

- Люди так ненадежны, когда займешь мое место, потихоньку все мне расскажывай, - сказал он.

Его откровенность тронула Химэгими:

- Что ж, нужно возвращаться. Ведь и я скучаю. Но вернуться в столицу так непросто. Однако надо подумать об отце с матерью и о твоей Принцессе. Я непременно должна вернуться.

33.

Когда Вакагими познакомился с принцессами Ёсино поближе, он нашел, что они - создания замечательные. То, что одинокими длинными ночами они находились совсем рядом, успокаивало его, как нельзя лучше, и он привык время от времени беседовать с ними. Химэгими и Вакагими были настолько похожи, что принцессы и не догадывались, что перед ними другой человек. Сам принц Ёсино считал, что это - судьба, и не вмешивался, решив, что теперь может посвятить душевному очищению немного больше времени. Он не открыл дочерям тайны брата с сестрой, и дочери, ни

о чем не догадываясь и уже привыкнув к этому человеку, ничем не тревожились и не смущались, и вели себя непринужденно. Вакагими же был, как во сне, волновался - они были прекрасны, в сердце мужчины они вызывали беспредельное восхищение, и его влекло к ним все сильнее. Нечего и говорить, что по мере того, как они становились все ближе, он стал находить их еще более благородными, достойными и прекрасными. В то же время Вакагими с горечью думал, что, возвращенные таким святым, каким был принц Ёсино, они настолько превосходят других людей, что сам он, будучи человеком заурядным, не может быть их достоин.

34.

В Удзи кормилица сына Химэгими была удивлена тем, что госпожа не вернулась до зари. Уже подняли бамбуковые шторы, а ее все не было. Люди забеспокоились, стали искать ее, спрашивали друг друга, все были ужасно взволнованы, искали в самых немыслимых местах, но Химэгими не было нигде. Слуги совершенно растерялись, а когда приехал Сайсё, и ему доложили о случившемся, у него потемнело в глазах - так он встревожился, но понять ничего не мог.

- Как это могло случиться? Как она выглядела эти дни? Кто-нибудь из домашних приезжал навестить ее? - спрашивал он.

Кормилица так беспокоилась за себя, что не стала докладывать о посещении Вакагими.

- Нет, никто к ней не приезжал. Когда вы были здесь, она выглядела как обычно, но когда вы уехали, она не отрывала взгляда от сына и потихоньку плакала день и ночь. Мне было больно смотреть на нее. Я подумала, что, наверное, есть в этом мире человек, о ком она печалилась и грустила. Но мне никакого не казалось, что она хочет убежать.

Услышав ее слова, Сайсё не нашелся с ответом. Он подумал: «Я надежно спрятал ее, за ней хорошо ухаживали, заботились о ней, но я сам заботился о другой, не жил здесь в спокойствии, рвался в столицу, Химэгими же, наверное, не захотела с этим смириться, считала такую жизнь неподобающей и оскорбительной. Но когда я видел ее, у нее всегда был такой вид, будто мое поведение не беспокоит ее, будто все идет, как надо. А я снова и снова любовался ею - прекрасна, без всякого изъяна». Сайсё чувствовал, как сильно он любит ее.

Скоро его сердце совсем потерялось, он не понимал, что с ним, им овладела невыносимая тоска.

35.

В другое время Сайсё стал бы слагать стихи, полные грустного очарования, но теперь он был погружен в мрачные думы, тосковал и ужасно терзался, все более падая духом.

Дочь Удайдзина - Ённокими - и на этот раз родила очень красивую девочку, но сама она так ослабела, что и теперь ее состояние внушало беспокойство, она угласала, и было неясно, жива ли она еще или уже нет. Обливаясь слезами, она думала: «Я умру, ни разу больше не повидав отца и не получив его прощения». Видя ее страдания, ее мать не могла сдержать слез. Она сказала Удайдзину: «Если бы быть уверенным в том, что она останется жить, тогда можно было бы рассуждать, что скажут о ней люди, но теперь...»

Хотя Удайдзин и сказал в сердцах, что не хочет больше видеть дочь и выгнал Ённокими, но время сделало свое дело - он любил и жалел ее. Он так обожал дочь, что слышать сетования жены было для него нестерпимым испытанием. «Все находится во власти судьбы, не попрощаться с умирающей - так несправедливо и бессердечно!»

Когда Удайдзин пришел к Ённокими, он не мог понять, была ли его столь любимая дочь жива или мертва, ее чрез-

мерно длинные волосы покрывали одежду, она лежала. Каким бы страшным ни был его гнев, как он мог перестать заботиться о ней! Она была такой жалкой, что увидев ее, отец, досадуя на себя, горько подумал: «Зачем я так жестоко с ней обошелся, как ей должно быть тяжело!»

- Милая моя, я не помогал тебе, пока все не стало так плохо. Ты бесконечно дорога мне, но когда я узнал то, что вовсе не ожидал услышать, я не смог смирить свою гордость и отрекся от тебя. Как я жалею об этом! Ничто не имеет значения, ничто другое, только бы ты была жива, и я заботился о тебе. Пусть буды и боги возьмут мою жизнь вместо твоей! - он зарыдал в голос - так был взволнован.

Отец остался у дочери и стал ухаживать за ней. Ённокими была рада и счастлива, собралась с силами, старательно пила теплую воду, и ее состояние значительно улучшилось. «Как только будет можно...» - все думал Удайдзин и, наконец, забрал ее домой, заботился о ней, не отходя ни на шаг.

Сайсё же погрузился в мрачные мысли и позабыл обо всем и обо всех. Если бы все продолжалось, как прежде, Ённокими, возможно, стала бы его упрекать, но теперь она думала, что он не приходит оттого, что она с отцом, и его отсутствие было кстати. Новорожденной девочке Удайдзин взял нескольких кормилиц, он души в ней не чаял. Но от Садайдзина не пришло ни слова, Удайдзину это казалось печальным и горьким, радость его была омрачена.

36.

Химэгими и Вакагими не могли бесконечно скрываться в Ёсино вдали от людей. К тому же их так ждали родители. Решив, что пора возвращаться, они хотели было уже скрытно отправиться в столицу, но Вакагими с тоской думал даже о недолгом расставании со старшей принцессой Ёсино.

- Может, ты поедешь со мной вместе? - предложил он.

Она же пребывала в унынии и тоске. Как она может поддаться уговорам человека, к которому она еще не успела как следует привыкнуть? Как она может покинуть это единственное жилище, к которому она так привязана? К тому же она ведь не одна, она не может оставить младшую сестру, а тянуть ее за собой тоже страшно. Если она поселится в другом месте, а не здесь, у подножья этих гор, ей будет трудно встречаться с отцом, а не знать ничего о нем - так горько. Как ее, такую странную и наивную, примут в столице? А что если над ней станут смеяться? Как горько ей тогда будет! Но и вернуться тогда уже не вернешься, ей будет стыдно, что прошумят эти сосны. Словом, неожиданно для Вакагими оказалось, что уговорить ее так просто не удастся. Вакагими был раздосадован, принцесса же, как и бывает в подобных случаях, расплакалась.

37.

Под покровом темноты они прибыли в столицу. Химэгими прошла за занавес, где всегда сидел Вакагими, а Вакагими остался перед ним. Отец увидел это и подумал, что всегда мечтал преодолеть эту путаницу и поменять из местами, и вот теперь это произошло. Он был так рад - слезы застилали ему взор. Химэгими выглядела необычайно красивой, нежной и очаровательной, ее ниспадающие волосы прелестно блестели и переливались, она была так изящна, как бывает лишь во сне. Несказанно прекрасен был и Вакагими, его обаяние превосходило воображение. Но все-таки Садайдзин беспокоился, как бы они снова не поменялись местами. Дети рассказали, что произошло за последние месяцы.

- Именно такими вы должны были быть с самого начала, все остальное - совершенно противоестественно. Не стремитесь к другому, живите такими, какие есть сейчас. Вам было бы трудно, если бы вы обладали разной внешностью,

но судьба назначила вам быть до странности похожими друг на друга. И теперь ты, Вакагими, без всякого труда войдешь в общество Советником, ведь ты на одно лицо с Химэгими, а если даже кто-то и заподозрит, что здесь что-то не так, никто не станет обсуждать или осуждать это. Что до Ённокими, то Сайсё трогательно заботился о ней, когда ей было плохо, а Удайдзин снял свое проклятие и вернул ее к себе домой. Конечно, он в глубине души может думать всякое, но говорить об этом ему будет неудобно. Так что и это дело устроится, - заключил отец.

Вакагими был взволнован.

38.

Стали поговаривать, что Распорядительница женских покоев в последнее время чувствует себя очень нехорошо.

От Принцессы прибыл посыльный:

- Как чувствует себя госпожа Распорядительница женских покоев? Принцесса не совсем здорова. И если, хвала богам, госпоже лучше, Принцесса просит ее прибыть, - сказал он.

Теперь уже настала очередь беспокоиться Химэгими.

Отец твердо произнес:

- Сей же час отправляйся во дворец, Принцессе скажешь так: история с дочерью Удайдзина оказалась такой непростой, что тебе пришлось скрываться у принца Ёсино.

Химэгими чувствовала стеснение, ее сердце сжалось.

В обществе об этом деле говорили много, чаще всего можно было услышать примерно следующее: «Советник, расстроенный всей этой историей с Сайсё, думал укрыться у принца Ёсино и там принять постриг, но там он обратил внимание на дочь принца, и поэтому от мира не отвернулся, но возвращаться в столицу он все равно не хотел, потому что стыдился своего глупого положения. А его отец узнал обо всем, он тосковал, печалился и плакал: «Я умираю, неужели он не хочет в последний раз увидеть меня?» Когда его слова дошли до сына, пришло ему покинуть Ёсино - ведь такова была последняя воля отца».

Радости по поводу возвращения Советника не было предела. Государю тоже стало известно, что Советник отказался принять монашество и не отринул этого мира. Это было как раз та весть, которую он так страстно желал получить, и он страшно обрадовался. Государь послал за Советником, и Вакагими собрался отправиться во дворец.

Он тщательно оделся и вышел из дома. Пронесся радостный гул, но Вакагими едва мог сдерживать слезы. Когда Советник исчез, его верные слуги и телохранители будто бы погрузились во тьму, а потому теперь, лишь завидев его, они нескромно обрадовались. А некоторые даже заплакали.

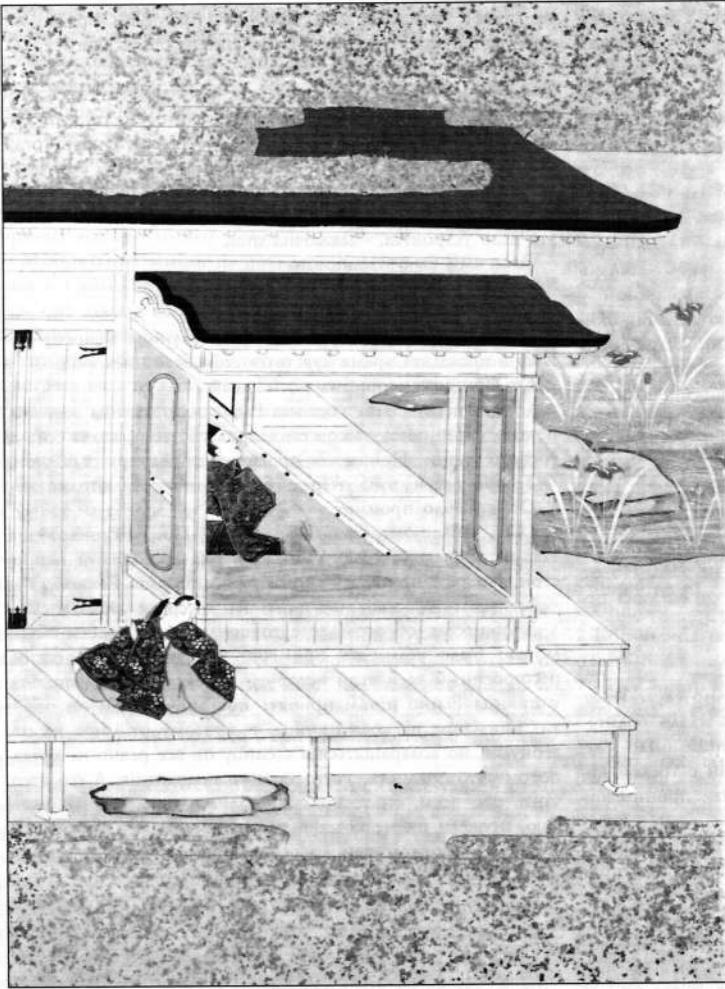
Невозумимый и спокойный, Вакагими вошел во дворец. Когда он проходил на свое место, все наблюдали за ним с нескрываемым интересом. Вакагими предстал перед государем. Тот посмотрел на него и подумал, что за те долгие месяцы, что он не видел его, Советник стал еще лучше - в нем прибавилось красоты и благородства. Какая была бы печаль для всего света, если бы такой человек изменил свой облик на монашеский! - государь смотрел на него, не скрывая слез.

И здесь, на облаках
Царила тьма -
Так нам казалось.
Мы шли,
Не видя света.

Вакагими с благодарностью ответил государю:

Живет в сиянии
На облаках
Луна - мой государь.
Так как же на земле
Я мог скрываться?

Слово

Пока Вакагими говорил, придворные смотрели на него во все глаза - всем казалось, что в нем прибавилось мужественности и блеска.

39.

Теперь Вакагими отправился к Принцессе, он остановился у бамбуковой шторы. Так далеко от Принцессы! К нему вышла придворная дама и очень заинтересованно стала с ним разговаривать:

- Как чувствует себя Распорядительница женских покоев, по-прежнему нездорова? Принцесса тоже выглядит больной, пожалуйста, попросите сестру приди. Принцесса так страдает. Обязательно передайте это сестре.

Когда он вернулся домой, Химэгими лежала за пологом, уставившись в одну точку, она была погружена в свои мысли. Она пыталась спрятать слезы и была красива, как никогда. Когда Химэгими поднялась с постели, он с болью подумал, что понимает одолевавшие ее чувства. Он рассказал ей о своем посещении дворца, и Химэгими с грустью думала, что раньше во дворец ходила она сама.

40.

Зная о том, в каком положении находится Ённокими, Вакагими не мог просто так отступиться от нее, он хотел непременно ее увидеть. Однако она так явно привязалась к Сайсё, что уже не казалась Вакагими слишком милой и привлекательной. Конечно, если бы она была его единственной избранницей, это остановило бы его, но он одновременно

хотел продолжать тайно посещать Принцессу, а старшую принцессу Ёсино посетить у себя. К Ённокими же его влекло от того, что Химэгими считала ее очаровательной. Поэтому он все-таки написал ей письмо:

«Невозможно описать все причины моего отсутствия. Расскажу при встрече.

Ты, видно,
Меня позабыла
Но ты тому причиной,
Что не стал я монахом
На горной тропе».

41.

Вакагими тосковал по Принцессе и печалился, но продолжал думать и о той, что осталась в горах Ёсино. Ему хотелось увидеться и с Ённокими, и он решил посетить ее. Стемнело. Уайдзин как раз подумал о том, что, может статься, сейчас явится муж Ённокими, он сам обеспокоился убранством комнаты и нарядом дочери. Ённокими думала: «Когда мне было по-настоящему плохо, рядом со мной был Сайсё, и я привыкла к его заботам. Если вернется муж, что подумает Сайсё? Мне больно и стыдно это представить. Этот человек никогда не был откровенен со мной, и он не приходил несколько месяцев, это так стыдно, что хочется спрятать глаза. Мне было неловко с ним, даже когда мы проводили вместе дни и ночи. Но как я могу отказаться от встречи? Мы знакомы не первый день, и я не в силах поступить по велению сердца. Как мне себя держать, если он придет?» Она выглядела жалкой, страдала и плакала.

Ённокими была тронута тем, что отец сам позаботился о ней, приказал уложить волосы, заколоть их гребнем, а великолепные одежды надушить и затянуть поясом. «Что будет?» - думала она с тревогой и тоской. Когда настала глубокая ночь, потихоньку вошел Вакагими, он старался не показать, что дом ему незнаком. Он пребывал в возбуждении. При тусклом освещении его изящные женственные манеры ничем не отличались от манер Химэгими. Раньше все думали, что больше никогда его не увидят, но оказалось, что он ничуть не изменился и был прекрасен, как видение. Все роняли слезы.

Ённокими привыкла к тому, что они жили очень нежно и дружно, часто разговаривали. Поскольку ей не показалось, что он изменился, она подумала, что и теперь будет точно так же, однако его сердце очень изменилось. Ей было еще более стыдно, чем в первый раз с Сайсё, но она не могла ему отказать. Она вздыхала и была подавлена. «Ясно, что на самом деле ей неприятно», - с грустью подумал Вакагими. Сайсё решительно считал ее своей, поэтому Вакагими не мог быть с ней до конца откровенным, но и прекращать эти отношения он не хотел, хотя испытывал к ней меньше чувств, чем к другой. Вот та, что окутана снегами в горах Ёсино, от любви к нему она не спит, думает о нем, ее он не может забыть, это настоящая любовь.

42.

Вакагими по-прежнему стеснялся, он не остался у Ённокими утром и постарался, чтобы никто не заметил расстроенное выражение его лица, но ночью он снова был у нее.

Когда ее муж жил с ней, они, как ни странно, только разговаривали, он был изящным, мягким, нежным. И этот тоже был таким же нежным и очаровательным, и все же этот мужчина - не другой ли это человек? Это было бы весьма странно, но Ённокими не могла отдалась от ощущения, что она угадала верно. Не в силах скрыть это, она со вздохом прочла.

Мне кажется,
Что ты - другой,
Не тот, что был со мной.
Быть может, я не та?
Иль ты так изменился?

Выходит, что-то в нем беспокоило Ённокими, что ж, на то были основания.

43.

Дни складывались в месяцы, мальчик, сын Сайсё, подрастал, становясь еще более милым и красивым, он уже начал садиться, взрослел. Сайсё глядел на него и не мог наглядеться. «На Химэгими было приятно смотреть - столько в ней было прелести, и хотя она думала все больше о печальном, она всегдаpekлась о ребенке, обнимала его, заботилась. Куда же она делась, кем стала, куда ушла, где скрылась? Она ведь ничего не знает о сыне!» - думал Сайсё, ночью и днем, не останавливаясь, по его лицу текли кровавые слезы, он был жив, но сознавал, что жизнь его подходит к концу - уж такова, знать, его судьба.

Кто-то передал ему: «Советник уже не скрывается, он здесь, в столице. Он появлялся и во дворце».

Сайсё был потрясен. «Значит, она здесь!» - думал он, чувствуя, как к нему возвращается жизнь. - Хоть это и трудно понять, но она привыкла быть мужчиной, и потому, наверное, решила снова стать мужчиной. Но в женском облике она была так женственна, если она вернулась, чтобы снова стать мужчиной, это решение странное и необдуманное. Что же все-таки случилось? Он мог бы размышлять об этом бесконечно, но сейчас было не время, сначала он хотел взглянуть на нее - что с ней стало. Решив так и сделать, он взял с собой младенца и тут же направился в столичную усадьбу своего отца. Предполагая, что Советник должен непременно присутствовать на дворцовом совете, Сайсё пошел во дворец. Как он и предполагал, прибытие Советника было обставлено великолепно - он явился в блестящем окружении своих приближенных. «И вот это моя возлюбленная? Да, если человек привык к такой обстановке, ему не понравится жить взаперти, это так понятно», - подумал Сайсё.

Советник выглядел очень ярко, от него веяло свежестью и благоуханием, в нем стало еще больше обаяния молодости. Сайсё только взглянул - и у него закружила голова, но он преодолел себя и встретился с ним глазами. Вакагими подумал: «Сайсё, похоже, удивлен». Вакагими почувствовал, что он сам тоже покраснел, но овладел собой и заставил себя успокоиться. Сайсё хотел бы улучить момент, чтобы перекинуться словечком. Ни о чем другом не думая, он неотрывно смотрел на нее. Поняв, чего желает Сайсё, Вакагими не дал ему возможности приблизиться и заговорить.

Он сделал вид, что не узнал Сайсё, и, как только дела были закончены, тут же ушел. «Видно, она решила навсегда оставить меня. Но должна же она подумать и о мальчике!» - думал Сайсё в тоске и печали. Расплакавшись при всех, он ушел.

44.

Сайсё провел всю ночь в тяжких думах. Когда рассвело, он почувствовал, что дальше он так жить не может.

Тебя я увидел,
Но слезы мои
Все льются на рукава.
И лучше бы в Удзи-реке
Найти мне конец.

Он не мог написать обо всем, но, все-таки, дал знать о своей тоске. Вакагими прочел стихотворение. Конечно, Сайсё принимает его за Химэгими. Вакагими это показалось странным и грустным, он показал письмо Химэгими. Сайсё всегда боялся, что так и случится. «Ты хочешь быть среди людей, любишь свою прежнюю жизнь», - так он говорил. Химэгими страдала и мучилась, понимая, как переживает Сайсё. Однако и Вакагими не мог объявить: он - во все не она. Было горько и стыдно, что Сайсё в глубине сердца станет считать его отступником, но объяснить ему, что Советник - другой человек, было совершенно невозможно, ведь тогда он может заподозрить, что Распорядительница женских покровов - это Химэгими. Взвесив все доводы, Вакагими сказал: «Пусть лучше думает, что ничего не изменилось. Но Сайсё - человек наблюдательный и по почерку может кое о чём догадаться, так что ответ напиши ты».

Итак, Вакагими велел Химэгими написать ответ, ей было больно и стыдно, что Сайсё прочтет письмо, написанное не по ее воле, но она теперь была слабой женщиной и не могла противиться.

Вспоминаю
С тоской
Пребывание в Удзи,
И в сердце моем затаилась обида.
Не пристала к берегу лодка.

Только это она и написала, но написано было бесподобно - глаза слепили. Вакагими взглянул лишь для того, чтобы убедиться, как чудесно было послание. Письмо отправили с посыльным. Сайсё ожидал его. Он прочел послание и подумал с тоской, что у нее есть основания думать так. Он сам был всему виной, он был к ней невнимателен, сказать невозможно, как он теперь об этом горевал, он написал письмо, наполненное осознанием своей вины, и тут же отправил его.

Я сам причина
Твоих печалей,
Дорогая.
Как я теперь страдаю!
Лодка в Удзи.

(Продолжение следует)

Краткая история воинских искусств Японии Хонтё бугэй сёдэн

Перевод А.М. Горылевой

Ямадзаки Сакон Сёгэн

Ямадзаки Сакон Сёгэн был младшим братом Ямадзаки Рокудзэмон. Он овладел искусством фехтования мечом школы Тода-рю и достиг утонченного и чудесного [мастерства]. Служил дому Асакура из провинции Этидзэн. Позже поступил на службу к князю [Маэда] Сугавара Тосииэ и изменил свое имя на Гороэмон. У него было три сына. Старшего - наследника - звали Такуми. Среднего - Коэмон. Младшего - Дзиробэй. Все трое овладели школой Тюдзё-рю. В 5-й год Кэйтё [1600], когда князь [Маэда] Тосииэ атаковал замок Дайсёдзи-дзё, Дзиробэй сражался героически и был ранен в бою.

Тода Иппо

Тода Иппо учился у Тода Этиго[но ками] и овладел его учением во всей полноте.

Ириэ Итиму унаследовал традицию Иппо. Ныне его школа известна как «Иппо-рю».

Хасэгава Соки

Хасэгава Соки знаменит не менее Ямадзаки. Он изучил сокровенные секреты школы Тода-рю, а позднее, благодаря своему искусству, был принят в свиту канцлера Хидэцугу.

Однажды господин Хидэцугу призвал к себе Хасэгаву и приказал ему сразиться на дуэли с Хикита Бунгоро¹. Соки исполнил приказ своего господина, но Хикита решительно отказался, так что поединок между ними не состоялся. Последователи [школы] Соки существуют и ныне, их школа называется «Хасэгава-рю».

Канэмаки Дзисай

Канэмаки Дзисай постиг главнейшие секреты школы Тода-рю. Достигнув чудесного искусства, он приобрел не меньшую славу, чем Ямадзаки [Хэйдзэмон] и Хасэгава [Соки]. Этих трех - Канэмаки, Ямадзаки и Хасэгава - называют «тремя мастерами [школы] Тода». Последователи школы Канэмаки до сих пор имеются во многих провинциях, их школа называется «Канэмаки-рю».

Ямадзаки Хэйдзэмон

Ямадзаки Хэйдзэмон служил князю провинции

Этидзэн [Токугава] Таданао. Передав свою фамильную традицию, он постиг сокровенные секреты школы Тюдзё-рю.

В то время жил некий Таканава. В поисках мастерства он странствовал по провинциям и прибыл в Этидзэн. Многие местные жители, включая вассалов князя Таданао, стали учиться у него [искусству меча]. Узнав об этом, князь Таданао сказал: «Мне уже давно приходилось слышать об искусстве меча этого Таканава. И вот он приехал в мой призамковый город и похваляется своим умением [прямо у стен моего замка]. Он вызывает у меня отвращение!»

Князь Таданао призвал к себе шестерых фехтовальщиков и обратился к ним с вопросом: «Не желает ли кто-нибудь из вас сразиться с этим Таканава?» Все шестеро согласились исполнить его веление. (Все эти шестеро фехтовальщиков были вассалами князя Таданао, и Ямадзаки был одним из них.)

Тогда князь Таданао отправил на дом к Таканава посланника, велев передать ему, что завтра он должен явиться к нему в замок, чтобы продемонстрировать ему свою технику. Таканава согласился.

Князь Таданао отдал своим вассалам приказ: «Завтра всем, и старым и молодым, явиться в замок для просмотра искусства меча!»

На следующий день шестеро фехтовальщиков, [которым предстояло выступать со стороны князя Таданао], явились в замок, где собралось множество вассалов. Однако Таканава не явился. Князь Таданао послал своих слуг на его поиски, и выяснилось, что ночью он бежал. Когда об этом сообщили князю Таданао, он сказал: «Я хотел посмотреть на поединок фехтовальщика с большим мечом оотати против фехтовальщика с малым мечом кодати². Но Таканава не явился, я весьма разочарован. Ну, что же, пусть тогда кто-нибудь сразится с Ямадзаки Хэйдзэмон».

Но Ямадзаки отказался, сказав: «Я уже стар, и мое искусство несовершенно. Прошу вас позволить моему сыну, Коэмон, выступить вместо меня».

Князь Таданао согласился. И Коэмон, которому в то время было шестнадцать лет, вооружившись коротким деревянным мечом сразился с одним фехтовальщиком и победил. Князь Таданао и его вассалы очень высоко оценили его умение.

Потом князь Таданао пожелал попробовать соб-

¹ Хикита Бунгоро - мастер школы Синкагэ-рю, ученик Камиидзуки Исс-но ками. Его биография излагается в 6-й главе «Бугэй сёдэн».

² Вассалы Таданао практиковали школу Тюдзё-рю, использовавшую короткий меч кодати, в то время как Таканава, представитель другой школы, использовал особенно длинный меч.

ственоручно зарубить Хэйдзэмон. Он неожиданно призвал его к себе и сказал, что хочет сразиться с ним в поединке. И Хэйдзэмон почтительно исполнил его приказ. Князь Тадао выхватил из ножен свой короткий меч вакидзаси и нанес удар Хэйдзэмону. Но Хэйдзэмон отразил его своим коротким деревянным мечом, и князь Тадао не смог его убить.

Отбросив свой вакидзаси, Тадао сказал вассалу: «Твое умение утонченно и удивительно, поистине божественно. Жалую тебе свой вакидзаси!»

Когда позднее великий повелитель Дайтоку-тайкун [сёгун Токугава Хидэтада] своим личным приказом перевел князя Тадао на княжение в другую провинцию и назначил его Бунго Цу-но ками, Хэйдзэмон был передан в вассалы к камергеру Нагаи Наомаса.

Коэмон позднее изменил имя на Сёгэн и еще больше усовершенствовал свое искусство. Когда великому повелителю Дайю-тайкун [сёгуну Токугава Иэмицу] доложили об утонченности и чудесности его искусства, он пригласил Сёгэна в Эдо. В сопровождении своего сына, Хэйдзэмона, Сёгэн явился в замок Эдо и продемонстрировал свое искусство в присутствии самого сёгуна.

³ Командир среднего звена.

⁴ Манки Сёхину (ум. в 1590 г.) - хозяин замка Манки-дзё. Воевал на стороне дома Сатоми, господствовавшего в провинции Кадзура в конце XVI в.

Позднее Хэйдзэмон служил камергеру Мацудайра Нобуцуцу.

Был еще фехтовальщик по имени Ямадзаки Ёдзэмон. Он достиг большого умения в фамильном искусстве. Сначала он жил в провинции Этидзэн, а позднее переехал в Этиго. Он состоял на службе у князя тюсё³ Мицунага.

Ито Иттосай

Ито Иттосай Кагэхиса был уроженцем провинции Идзу. Под руководством Канэмаки Дзисай он овладел искусством боя мечом и копьем школы Тюдзёрю и достиг утонченной и чудесной искусности. (В дэнсё мастера Котода говорится, что Кагэхиса учился у Канэмаки Тода Митимаса и овладел искусством меча.) В поисках мастерства Кагэхиса странствовал по разным провинциям и провел 33 дуэли с другими фехтовальщиками. Его искусство было божественно и чудесно. Словами его описать невозможно. Где он умер - неизвестно. Некоторые утверждают, что он умер в 7-й день, [но ни месяц, ни год смерти не называют].

Котода Кагэюдзэмон Тосинао

Котода Кагэюдзэмон Тосинао был вассалом дома Ходзё из провинции Сагами и полюбил боевые искусства еще с детства. Когда Ито Иттосай приехал в Сагами и прославился там своим искусством боя мечом и копьем, Тосинао поступил к нему в ученики и, в конце концов, овладел его учением во всей его полноте.

После Тосинао его искусство перешло к его сыну Дзинъэмон Тосисигу, а от него - к его сыну Яхэй Тосисада, и слава семьи Котода неуклонно возрастала.

Котода служил Тода Удинобу, хозяину замка Огаки, что в провинции Мино. Последователи его школы и ныне встречаются в разных местах.

Микогами Тэндзэн Тадааки

Предки Микогами Тэндзэн Тадааки происходили из провинции Исэ. А сам он служил Манки Сёхину и жил в провинции Кадзура⁴. Микогами полюбил боевые искусства с детства.

[В то время] жил [мастер меча] по имени Ито Иттосай. Он приехал в провинцию Кадзура, и Тэндзэн навестил его в гостинице, где он остановился, надеясь устроить поединок. Ито согласился, и они сошлись в бою. Оказалось, что Микогами далеко не так хорош, как Ито, и он попросил у мастера позволения присоединиться к его ученикам. Ито дал ему разрешение на это, научил своей технике, а потом отправился в иные края.

На следующий год Ито вновь явился в усадьбу Микогами и вновь передавал ему свое чудесное искусство, а потом сказал: «Если ты действительно же-

СЛОВО

лаешь прославить свое умение на всю Поднебесную, то ты должен странствовать по провинциям вместе со мной!» Тэндзэн согласился и отправился вместе с Ито в странствия по чужим краям.

Среди учеников Кагэхиса, которые уже многие годы учились у него, был некий Дзэнки. Он достиг утонченной и чудесной [искусности]. Но Кагэхиса всегда хотел его убить. И вот однажды Иттосай велел Тэндзэн: «Ты должен убить Дзэнки! Однако мастерством ты ему уступаешь. Поэтому ты должен нанести ему удар приемом, которому я сейчас научу тебя!»

Затем Иттосай передал Тэндзэн [секретную технику] мусокэн - «меч безмыслия»⁵.

Вскоре после этого фехтовальщики прибыли в область Коганэхара в уезде Сома в провинции Симоса.

⁵ Мусокэн - принцип интуитивного реагирования на атаку противника, внезапно постигнутый Иттосай после семи дней и ночей молений в святилище Цуругаока Хатиман-гу. В последнюю ночь его молений кто-то незаметно подкрался к нему сзади, и, когда он приблизился, Иттосай совершенно автоматически, бессознательно, выхватил свой меч и зарубил его.

⁶ Меч, изготовленный кузнецом из школы Иттимондзи из провинции Бидзэн и помещенный в качестве синтай - «тела божества» - в святилище Мисима. Он был подарен юному Ито Иттосай главным священником Мисима-дзиндзя, передавался из поколения в поколение среди верховых мастеров школы Итто-рю, а потом был помещен в качестве синтай в мавзолей Токугава Иэясу в Никко. Нынешнее местонахождение неизвестно.

⁷ Согласно преданию, Ито Кагэхиса и Микогами Тэндзэн расстались в 7-й день 8-го месяца 19-го года Тэнсё (1591). Позднее Оно Тадааки (Микогами Тэндзэн) объявил 7-й день 8-го месяца днем памяти его наставника. Вероятно, отсюда и происходит версия, что Ито Иттосай умер в 7-й день (см. биографию Ито Иттосай).

⁸ Обата Кагэхори (1572-1663) был прекрасным мастером фехтования и самим знаменитым стратегом Японии своего времени. Он создал школу военного искусства Косю-рю хэйхо, которую изучали многие известные воины, в том числе Ямага Соко, Ходзэ Удзинага и Окуда Гэнкэн, каждый из которых основал собственную школу стратегии. Хинацу рассказывает о них в первой главе своего труда.

Кагэхиса пригласил к себе Тэндзэн и Дзэнки и сказал им: «Я с малых лет полюбил искусство меча. Хотя я странствовал по многим провинциям, я почти не встречал фехтовальщиков, которые могли бы сравниться со мной мастерством. Теперь я достиг всего, чего желал. Я хочу передать вам свой меч, Камэвари⁶. Но можно ли передать один меч двум людям сразу? [Думаю, нет.] Поэтому я хочу, чтобы вы сами решили, кто из вас выше по мастерству в поединке на этом поле. А я передам свой меч тому, кто победит».

Дзэнки и Тэндзэн обрадовались этому предложению. Они тут же обнажили мечи и сошлись в поединке. И Тэндзэн убил Дзэнки. Кагэхиса высоко оценил его искусство и, вручив ему меч Камэвари, сказал: «Отныне я прекращаю занятия искусством фехтования и начинаю совершенствоваться на Пути Будды. А ты возвращайся на родину и прославь свое имя с помощью моего искусства меча».

После этого они расстались, и Ито ушел в неизвестном направлении⁷.

Могила Дзэнки сохранилась в уезде Сома вплоть до наших дней, местные жители называют ее Сосной Дзэнки.

Тэндзэн вернулся на родину, его мастерство все более и более совершенствовалось, и многие стали учиться его технике фехтования.

Позднее он переехал в Эдо, что в провинции Мусаси, где поселился в Суругадай (другие утверждают, что Тэндзэн жил в Хонто).

В это время в деревне Хидзаори в окрестностях Эдо какой-то фехтовальщик убил нескольких крестьян и засел в частном доме. Местные жители ничего не могли поделать, [чтобы прогнать его из своей деревни]. Поэтому деревенский староста приехал в Эдо и обратился с жалобой в ведомство расследований: «Один фехтовальщик убил крестьянина и засел в частном доме [в нашей деревне]. Никто, кроме Микогами Тэндзэн, не сможет зарубить его. Мы просим, чтобы Тэндзэн был отдан приказ [помочь нам]».

Дело дошло до Тосёгу [Токугава Иэясу], и он назначил Обата Камбэй-но дзё Кагэхори⁸ инспектором для расследования этого дела и отправил Тэндзэн вместе с ним в эту деревню.

Прибыв в деревню, Тэндзэн подошел к двери [дома, в котором засел фехтовальщик], и крикнул: «Я, Микогами Тэндзэн, по приказу сёгуна явился сюда из Эдо. Хочешь ли ты выйти из дома и сразиться со мной в поединке или мне войти внутрь?»

Услышав эти слова, фехтовальщик отвечал: «Уже давно я узнал о тебе, Тэндзэн. И встреча с тобой -

самая большая удача в моей жизни. Я выйду из дома и сражусь с тобой в поединке».

Он тут же выбежал из дома и выхватил свой длинный меч. Тэндзэн обнажил меч длиной всего в 2 сяку (ок. 60 см) и отрубил им обе руки противнику. Обратившись к Кагэнури, Тэндзэн спросил: «Должен ли я отрубить ему голову?» Кагэнури велел ему [казнить преступника], и Тэндзэн отрубил ему голову. Все, кто видел это, были напуганы.

Кагэнури возвратился в Эдо и доложил обо всем Тосёгу. Тосёгу щедро наградил Тэндзэн и назначил его своим вассалом. Он пожаловал ему стипендию в 300 коку⁹.

Позднее Микогами, став наследником своего деда по материнской линии, изменил свое имя на Оно Дзироэмон.

В 5-й год Кэйтё [1600] Тэндзэн отважно сражался во внешнем укреплении Санада¹⁰ и даже был включен в число Семи копий [Санада]¹¹. Позднее, в соответствии с распоряжением Дайтоку-тайкун [сёгун Токугава Хидэтада], он преподавал ему фехтование¹². Дайтоку-тайкун высоко ценил утонченность и чудесность его искусства, пожаловал ему право пользоваться иероглифом из своего собственного имени и нарек его Тадааки. Об этой чести, [оказанной мастеру], стало известно во всей стране. Тадааки почил в Эдо в 7-й день 11-го месяца 5-го года Канъэй [1628], в год цути-но э-но тацу.

В «Кэйтёки» («Записках о событиях годов Кэйтё»), в главе под названием «Уэда гохакко» («Выступление в направлении замка Уэда»), сообщается:

«[Ранним утром] 6-го дня 9-го месяца, в час дракона, через ворота, которые обороняла вассала [врага Токугава] Санада [Юкимура] по имени Нэдзу Тёэмон, на разведку выехали Ёда Хёбу и Ямamoto Киёмон. На расстоянии около двух тё (ок. 220 м) от главных ворот замка находилась дамба, с которой они стали вести наблюдение. Но еще до них на эту дамбу поднялся пехотинец Сайто Сасукэ, переодетый ямабуси. И вот когда этот Сайто Сасукэ, наставив на [Ёда и Ямamoto] свое копье потребовал, чтобы они назвались, он вдруг увидел, что из лагеря Макино Ума-но дзё, [который воевал на стороне Токугава, к дамбе] один за другим мчались Микогами Тэндзэн и Цудзи Тароносукэ, и бросился наутек. Микогами и Цудзи погнались за ним и прискакали к тому месту, где прятались Ёда и Ямamoto. Ёда и Ямamoto поднялись с земли и изготовились к бою с копьями наверху и внизу дамбы. [В ходе последовавшей за этим схватки] Микогами и Цудзи поднялись на дамбу и стали там биться [с Ёда и Ямamoto]. Пока они так сражались, к этому месту [из лагеря Токугава] примчались

еще пять воинов: Асакура Тодзюро, Тода Хампэй, Накайма Кагэю, Сидзумэ Итидзэмон и Ота Дзэндо. Ота был фланговым лучником яриваки-но юми¹³.

[В схватке] у Ямamoto сломалось древко копья, он получил четыре ранения и, не выдержав боя, начал отступать. Тем временем Ёда также был тяжело ранен и рухнул наземь перед главными воротами [укрепления Санада]. Микогами обнажил свой меч и одним ударом рассек голову Ёда. Затем один удар по его голове нанес Цудзи. Тут к этому месту подбежал Ямamoto. Размахивая мечом, он отеснил вражеских воинов и внес труп Ёда через главные ворота в укрепление. [На подмогу ему из укрепления бросились воины Санада].

При виде этого Макино Ума-но дзё крикнул своим воинам: «Не дайте им прикончить Цудзи и Микогами! В атаку!» И, повинувшись его приказу, около сотни знатных воинов бросились вперед¹⁴.

Решив, что воины, вышедшие из ворот [на вылазку], не успеют отступить в укрепление, [их командир] Нэдзу Тёэмон приказал своим солдатам издать победный клич, распахнуть ворота и начать пальбу из мушкетов, чтобы у противника создалось впечатление, будто гарнизон идет на вылазку. В результате воины Токугава начали понемногу отступать от главных ворот. А тем временем солдаты Санада отступили обратно в замок и закрыли ворота. Вот после этого-то боя и были названы Семь копий Санада.

Затем стали говорить, что первым ударом по голове Ёда нанес не Микогами, а Цудзи. Микогами на это отвечал: «Ёда был в красном шлеме, а нащечников коатэ¹⁵ у него не было. Кто же, в таком случае, нанес ему первый удар?» Цудзи же говорил так: «У Ёда были красные нащечники. Первый удар нанес я!»

Выслушав доводы [обоих претендентов на награду] и не получив веских доказательств совершения подвига ни от одного из них, Ума-но дзё велел нескольким своим вассалам отправиться в провинцию Синано, переодевшись торговцами лошадьми, чтобы узнать и доложить ему, как все было на самом деле.

Посланные им вассалы ухитрились встретиться с Ямamoto Киёмон и попросили его рассказать, как все происходило. И Ямamoto сказал им: «У Ёда не было нащечников. Несомненно, тот, что говорит, что на Ёда были нащечники, нанес удар вторым! Доложите, что это кровь от первого удара стекла на лицо Ёда, и второму фехтовальщику показалось, что он в красных нащечниках». Вассалы доложили об этом Ума-но дзё, он был вполне убежден [этим свидетельством и наградил Микогами].

Продолжение следует

⁹ Семья Оно никогда не получала более 800 коку, в то время как другая семья наставников искусства меча сёгана - Яю - имела стипендию в 12000 коку.

¹⁰ В укреплении Санада, располагавшемся на подступах к замку Осака, во время войны между Токугава Иэясу и Тоётоми Хидэёри оборонялся со своим отрядом Санада Юкимура, самый талантливый полководец на службе у Хидэёри. Бой на этом участке фронта были наиболее ожесточенными.

¹¹ Семь копий - синихон яри - семь лучших воинов.

¹² Согласно «Токугава дзикки», Микогами Тэндзэн выступал в качестве партнера Токугава Иэясу по тренировкам в фехтовании.

¹³ Яриваки-но юми - лучники, размещавшиеся на флангах отрядов копейщиков в строю и действовавшие перед строем в начальной фазе боя.

¹⁴ Знатный воин - в тексте ки - буквально «конник». Каждого ки сопровождало несколько вассалов-пехотинцев. Таким образом, всего в этой атаке участвовало около 400-500 воинов.

¹⁵ Нащечники - коатэ - вид железной маски, защищавшей щеки и челюсти.

При свете светлячков и снега

Японская библиотека

В серии «Восточная коллекция» издательства «Наталис» вышли сразу две книги переводов с японского. Каждая из них по-своему хороша.

Аокумо - Голубой паук. 50 японских историй о чудесах и привидениях. Пер. с яп. и сост. Е.А. Рябовой. М., «Наталис», 2002.

50 историй о японской нечисти, отобранные по вкусу переводчицы из двенадцатитомного «Собрания японских сказаний». Под заголовком каждой из историй указан район, где располагалась нечистая сила. В подавляющем большинстве историй с нею, в конце концов, удается совладать. Герои спасают, как правило, не только себя, но и всю деревню. Как и во всех сказках, наградой служат

красавица-жена и (здесь японские сказки вполне самобытны) уважение всей деревни, нередко воплощающееся в том, что герой становится деревенским старостой. Как тут не вспомнить героя русских сказок, получающего в награду красавицу, коня и, ни много ни мало, как полцарства в придачу...

Среди героев сказок есть и взрослые, и дети, и мужчины, и женщины, и даже некая бабушка Акадза, оказавшаяся самой смелой жительницей в своей деревне. Персонажи японской нечисти вовсе не всегда зловредны: иногда они любят просто подшутить или позабавиться. То же можно сказать и о безымянных творцах сказок. Одна из них начинается со слов «это страшная-престрашная история о привидении», а рассказывает о том, как некое привидение угождало крестьян всякими вкусностями.

Одним словом, это увлекательное и не занудное чтение о японском варианте победы добра над злом.

Традиционные истории сопровождаются абсолютно современными и уместными иллюстрациями молодой питерской художницы Д.А.Рябовой.

Диалоги японских поэтов о временах года и любви. Поэтический турнир, проведенный в годы Кампё (889-898) во дворце императрицы. Сост., перевод с японского А.Н. Мещерякова. М., «Наталис», 2002.

Перевод одного из самых ранних из дошедших до нас поэтических турниров¹. Несмотря на расстояние в десять с лишним веков, стихи не только погружают в атмосферу, царившую среди хэйанской аристократии, но оказываются вполне понятными и созвучными современному читателю. Потому ли, что мы все еще помним о существовании времен года, хотя жителям крупных городов все чаще приходится уезжать все дальше и дальше, чтобы убедиться в наступлении нового сезона... или, в зависимости от темперамента, чтобы насладиться приметами очередного круговорота природы?

Переводчик - А.Н. Мещеряков, автор двух собственных поэтических сборников («Линия жизни», «Занами только мы»). Сочетание в одном лице ученого-востоковеда и поэта позволяет и нам максимально приблизиться к столь далеким во времени и пространстве хэйанским аристократам.

Появилось несколько книг о японском искусстве. Одна - обобщающая («Искусство Японии с древности до начала XIX века»), другая посвящена исключительно садовому искусству (книга Е.В. Голосовой), третья - написана на стыке истории и культуры («Киotoский альбом»).

¹ Со стихами, сложенными на этом и других турнирах, можно также познакомиться в переводах И.А.Борониной: Утаавас. Поэтические турниры в средневековой Японии (IX-XIII вв.). Пер., предисл. и коммент. И.А.Борониной. «Гиперион», 1998.

Искусство Японии с древности до начала XIX века.
Текст Н.С.Николаевой. Издательство «Диллер» (Бельгия).

вописи и многое другое. Так что желающим более наглядно познакомиться с искусством Японии стоит сделать такую серьезную - и по сути, и по деньгам - покупку.

Голосова Е.В. Японский сад. История и искусство. Издательство Московского Государственного Университета Леса, М., 2002

Автор книги - профессиональный ландшафтный архитектор, принимавший непосредственное участие в сооружении Японского сада в Московском Ботаническом саду (об этом событии кратко рассказывается в заключительной части книги). И те страницы, где речь идет о конкретных архитектурных решениях знаменитых японских садов, чрезвычайно интересны и свежи. Чего, к сожалению, не скажешь обо всей книге.

Дело в том, что значительную ее часть составляют исторические отступления, без которых, впрочем, рассказ о японских садах был бы невозможен. Слишком важное место занимали они в жизни аристократии, буддийских храмов, многих императоров и сёгунов. Однако из-за неверного транскрибирования большая часть имен собственных (коих в книге, естественно, великое множество) совершенно исказилась. И названия храмов, садов, имена людей, связанных с их судьбой, стали плохо узнаваемыми, а зачастую и звучат-то не по-японски. Имя дзэнского монаха Эйсая (завезшего в Японию семена чая) превратилось в Еисая, известные мастера чайной церемонии Мурата Сюко (1422-1502) и Такэно Дзёё (1502-1555) - в Мурата Дзуко и Такено Джоо (с.87,109), сёгун Токугава Иэясу - в Токугава Иеасу (с.105, 106) и т.д. и т.д.

Есть в книге и фактические ошибки: поэтическая антология VIII века «Манъёсю» названа народным эпосом, а вошедшие в нее стихи - поэмами (с.27). Хотя никаких поэм в «Манъёсю» нет - японская поэзия уже тогда тяготела к коротким формам. А многие стихи антологии имеют авторскую атрибуцию. Применительно к XVII веку говорится, что официальной столицей был г. Токио (в то время Токио еще назывался Эдо, официальной столицей считался Киото).

Не пожалей издать денег на консультанта, чита-

тель получил бы хорошую книгу. Но и в таком виде рассказ об архитектуре японских садов интересен и полезен, а прекрасные иллюстрации и вовсе заслоняют текст, заставляя завороженно разглядывать мхи, камни, фонари, мостики, калитки, дорожки, изгороди, водопады...

Герасимова М.П. Киотский альбом. История, культура, традиции. М., ИВ РАН - «Крафт+», 2002.

Эта книга - о древней столице Японии Киото (официальная столица с 794 по 1868 гг.). О ее храмах и дворцах, улицах и переулках, праздниках и ремеслах, одним словом, об истории и культуре на протяжении десяти веков. Конечно, невозможно вместить десятивековую историю Киото в одну книгу. Но все же автору удалось рассказать очень многое об облике этого замечательного города. Этой книге можно назвать одновременно и запоздалой, и своевременной. Запоздалой, потому что такой книге, посвященной японскому городу № 1, давно бы пора появиться (ведь есть же книги про Нара, Осака и Токио!). Своевременной - потому, что она все-таки появилась.

Александр Носовский. Японские логические игры. Самоучитель по го, сёги, рэндзю, отелло и другим японским играм. М., Аст-Астрель, 2001.

Когда эта книга попала мне в руки, я обнаружила, что на обложке красуется перевернутый вверх ногами иероглиф, означающий «душистый, ароматный, благовония», а под ним надпись - самоучитель. Смысл иероглифа тут же сменился на противоположный, а слово «самоучитель» приобрело карикатурный оттенок.

Худшие мои опасения подтвердились. Перевернутые иероглифы встречаются во многих схемах самоучителя. Со страницы на страницу как японское обозначение мастера кочует слово «мэйджин» (правильно - «мэйдзин»), которое, при некоторой лингвистической изобретательности, можно было бы интерпретировать как «известный джин». В качестве «японской» игры описывается также чисто английская игра реверси. Автор дает краткие описания традиционных японских искусств - бонсай, икебана, оригами и пр. (по странице на каждое), где, несмотря на малый объем, встречаются неточности и недостатки.

М.П. Герасимова

Фонарь

Желая сделать изложение сухих схем и терминов более занимательным, автор сопроводил его историческими экскурсами. Например, в описании возможностей фигур японских шахмат (сёги) говорится буквально следующее: «Драконы располагаются отдельно от фигур и пешек - по-видимому, древние китайцы умели приручать древних динозавров и использовать их силу для устрашения народов...» (с. 163). Хотя, как известно, время от исчезновения динозавров до появления человекообразной обезьяны (!) исчисляется десятками миллионов лет.

Впрочем, любитель различных игр найдет здесь множество правил, тактические приемы и специальную терминологию. Хотя многие ли доверяются подобным знаниям, понимая, что автор не слишком силен в истории с филологией?

***

В серии «Японская классическая библиотека. ХХ век» издательства «Гиперион» вышел третий том. В нем собраны избранные произведения Акутагавы Рюносэ, одного из самых известных японских писателей XX века. Особо стоит сказать о прекрасном художественном оформлении книг данной серии. Все они выдержаны в едином стиле и в то же время каждая из них индивидуальна, как и представленные в них авторы.

Акутагава Рюносэ. Избранные произведения. Перевод с японского И. Головнина, В. Гривнина, Л. Ермаковой, И. Львовой, В. Марковой, А. Рябкина, В. Сановица, А. Стругацкого, Н. Фельдман. СПб., Гиперион, 2002.

представление о том, сколь велик был творческий диапазон Акутагава. Благодаря разделам, выделенным составителями («русские рассказы», «китайские рассказы», «европейцы и христианство», «исторические рассказы», «предсмертные произведения» и другие), читатель может познакомиться с самыми значительными произведениями Акутагава, заранее представляя себе их место в его творчестве.

Мацуо Басё. Стихи. Проза. СПб., Гиперион, 2002.

В том же издательстве в серии «Японская классическая литература» вышла книга избранных произведений Мацуо Басё (1644-1694), пожалуй, чаще всего переиздаваемого у нас японского автора. Новая книга - также переиздание, в нее вошли стихи в переводах А. Долина и проза (путевые дневники и проза-хайбун) в переводе Т. Соколовой-Делюсиной. Книгу открывает вступительная статья Т. Соколовой-Делюсиной «Странствия в поисках поэзии».

Александр Мещеряков, Максим Грачев. История древней Японии. СПб., «Гиперион», 2002.

Двумя важнейшими книжными новинками уходящего

года можно смело назвать недавно вышедший двухтомник «Синто» и только что изданный учебник по истории древней Японии. Оба издания выполнены на мировом уровне и являются настоящим прорывом в отечественной японистике.

Начать с того, что никогда прежде учебника по японской древности на русском языке (как и на большинстве европейских²) не

было. Он написан ведущими японистами с учетом последних достижений японской исторической и археологической науки, но язык его живой и доступный каждому. Изложение начинается с палеолита и завершается концом эпохи Нара (710-794).

Авторы также предлагают свое видение многих узловых проблем японской истории и, в частности, выделяют целый ряд культурных установок, сложившихся в эпоху Нара и продолжавших сохраняться впоследствии.

Строгие факты, излагаемые в книге, обретают плоть, далекая история становится ощутимо ближе, а сегодняшняя Япония и японцы - понятнее.

Книга увлекательна и для специалистов, и для студентов, и просто для всех интересующихся японской историей и культурой.

Здесь читатель найдет рассказ о «чудесных черепахах», о том, каков был рацион древних японцев, как в древней японской столице решалась проблема с отходами, какими были древние туалеты, как оплачивался труд древнеяпонских чиновников, какие налоги платили древние японцы и сколько японцев налогов не платили вообще и многое-многое другое.

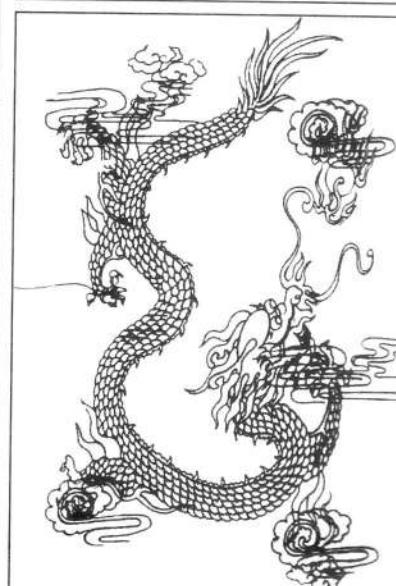
² За исключением первого тома Кэмбриджской истории Японии, посвященного древности и вышедшего в 1993 году.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЧАИ КИТАЯ

МОСКВА, УЛ. ПОКРОВКА Д. 41, МАГАЗИН «БУДО-СПОРТ»

ПОНЕДЕЛЬНИК-ПЯТНИЦА: 11:00 - 20:00, СУББОТА-ВОСКРЕСЕНЬЕ: 11:00-18:00

№	ИМЯ ЧАЯ	ВЕС (ГР)	ЦЕНА (РУБ)
ТАЙВАНЬСКИЕ У-ЛУНЫ			
1	Сы Цзи Чунь («Весна»)	0,100	480
2	Шань Линь Си («Ручей горного леса»)	0,100	480
3	Гуй Хуа У-лун («Цветы корицы»)	0,100	380
4	Пай Сян Цзинь Сюань («Золотой цветок с молочным ароматом»)	0,100	600
5	Жень Шенъ У-лун	0,100	650
6	Алишань («У-лун с горы Алишань»)	0,100	480
7	У-лун Цзаоча («У-лун с финиками»)	0,050	580
ГУАНЬДУНСКИЕ У-ЛУНЫ			
1	Фэн Хуан Дань Цун («Одиночный куст с горы Фэн Хуан»)	0,100	650
СЕВЕРОМЯСТЕРИКОВЫЕ У-ЛУНЫ			
1	Бай Цзи Гуань («Белый петушинный гребень»)	0,100	950
2	Чэн Нянь Лоу Ча («Чай многолетней выдержки»)	0,050	1500
У-ЛУНЫ ИЗ АНЬ СИ			
1	Тегуань Инь	0,100	320
2	Тегуань Инь, особый	0,100	650
3	Тегуань Инь Ван («Императорский»)	0,100	850
4	Хуан Цзинь Гуй («Золотая корица»)	0,100	250
5	Хуан Цзинь Гуй («Золотая корица»), отборный	0,100	420
6	У-лун Ча	0,100	80
ЗЕЛЁНЫЕ ЧАИ			
1	Лю Ань Гуя Пянь («Тыквенные семечки из Лю Аня»)	0,100	420
2	Сюэ Хуа («Снежный цветок»)	0,100	250
3	Мао Фэн («Ворсистые пики»)	0,100	580
4	Люй Сю Цю («Зеленые скрученные шары»)	0,100	550
5	Люй Ча Ван («Зеленый князь»)	0,100	300
6	Си Ху Лун Цзин («Колодец дракона с озера Си Ху»)	0,100	650
ЖАСМИНОВЫЕ ЧАИ			
1	Моли Сю Цю («Жасминовые скрученные шары»)	0,100	550
2	Моли Юй Я («Жасминовые нефритовые почки»)	0,100	480
ЖЕЛТЫЕ ЧАИ			
1	Цзюнь Шань Инь Чжень («Серебрянные иглы с горы Цзюнь Шань»)	0,100	800
КРАСНЫЕ ЧАИ			
1	Дян Хун Те Цзи	0,100	390
2	Дян Хун Цзинь Хао	0,100	650
3	Ци Мэн Хун Ча	0,100	200
4	Дян Хун	0,100	200
5	Нюй Эр Хун («Девичья краса»)	0,100	550
6	Ли Чжи Хун Ча	0,100	320
7	Чжень Шань Сяо Чжун («Малые кусты с горы Чжень Шань»)	0,100	320
ЧЕРНЫЕ ЧАИ			
1	Пуэр То Ча «Пуэр чаша»	1шт	200
2	Пуэр Сяо То Ча	0,100	160
НЕЧАЙНЫЕ ЧАИ			
1	Цзюй Хуа («Хризантема»)	0,040	190
2	Мэй Гуй Е-Шэн («Дикая чайная роза»)	0,100	200
3	Люй Лянь («Семена лотоса»)	0,100	200
4	Гуй Хуа («Цветы корицы»)	0,100	420

ЗНАМЕНИТЫЕ ЧАИ КИТАЯ

Постоянно в продаже более 50 сортов китайских знаменитых чаев - желтые, зеленые, красные, черные, жасминовые тайванеские, южно- и североматериковые чайные; посуда для чая из фарфора и из исинской пурпурной глины; прогая чайная утварь.

Москва, ул. Покровка д. 41, магазин «БУДО-СПОРТ»
время работы: 11:00 - 20:00, телефон: 95-18-00